

Дарья Худякова

(Читай с стр. 16-17)

■ В нищете. Фотоочерк ■ Армения: после трагического декабря

■ «Плач по Сергию». Рассказ Феликса Ветрова ■ Судьба сочинского прокурора

■ «Пинк Флойд». Живая легенда рок-н-ролла

СТЕНА 75

ISSN 0131-6656

Фото Александра ГРАЩЕНКОВА

Ленинградцы Инна Филиппова, Виктор Федотов и Алексей Искра объявили голодовку. Это был жест отчаяния.

...Еще недавно они вместе с друзьями выходили на Невский, — с картинами, мольбертами, красками и радовались, как умеют радоваться только дети и художники.

Но у милиции повода для радости не было, поскольку налицо «нарушение общественного порядка». Последовали стычки, нервоотрепка... И Куйбышевский райисполком, слегка задумавшись, принял «соломоново» решение: организовать через посреднический кооператив «Центр» постоянно действующий вернисаж в отведенном месте. Принял и... узаконил дело блестящих преемников великого комбинатора, которые занялись продажей... советской земли. Теперь за клочок пространства на площади Островского художник вынужден был платить «Центру» пятерку.

Художники резко возразили против такой «социалистической предприимчивости». Они просили исполкомовцев: верните нас на Невский, где наши картины на виду... Райисполком стоял на своем... 20 тысяч жителей города подписали письмо в поддержку художников, но власти по-прежнему были непоколебимы. Тогда трое вступили в открытую борьбу. На углу Думской и Невской началась голодовка.

Именно в ту пору здесь появился «ка-

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Вместе или вместе?

скую базу коммунизма мы уж непременно построим, а вот создать человека нового типа куда сложнее. Этим аргументом в свое время я и «сразил» преподавателей...

Работал в штабе студенческих строительных отрядов, потом, в 1975-м, был избран секретарем Кингисеппского горкома комсомола. Простился с ленинградской пропиской и уехал в область на 6 лет. Кингисепп был тогда одной из ударных комсомольских строек, и навыки организатора стройотрядов мне при-

женный» человек — молодой, доброжелательный, энергичный. На него обрушилось раздражение художников и злость сочувствующих...

С этого дня началась их дружба — Олега Сергеевича КУЗИНА, секретаря Куйбышевского райкома КПСС и Ленинградского товарищества свободных художников. Собственно товариществом они стали несколько позже, с помощью того же Кузина. А через полгода выдвинули его кандидатом в народные депутаты СССР. Он размышлял четыре ночи и... отказался.

Почему?

Наша беседа — попытка ответить на этот вопрос.

— Олег Сергеевич, вы исповедуете принцип демократического централизма, в основе которого — подчинение меньшинства большинству. Но ведь еще Демокрит предупреждал: истина не устанавливается большинством голосов...

— Мы долгое время подменяли принцип демократического централизма принципом бюрократического и лишены были возможности вести дискуссии. Сейчас переменилось много. Иногда вообще складывается впечатление, что большую смелость проявляют как раз те, кто соглашается с решениями начальства («Вы как-то несмело себя ведете...»). Ну а если серьезно, то я убежден, что до того момента, когда будет принято решение от имени районного комитета или ЦК, мы должны иметь реальную возможность абсолютно сво-

бодного обсуждения любых вопросов...

Скажем, национальный вопрос. Почему бы не обсудить его вначале в первичках, потом на пленумах райкома, обкома и только потом, узнав точку зрения большинства, выходить на Пленум Центрального Комитета?

— В сложившейся и пока что стабильной аппаратной системе чувствуете ли дискомфорт?

— Конечно. Оттого и стараюсь делать все возможное, чтобы демократические принципы работали уже сейчас. Я хочу преодолеть то отчуждение, которое появилось между рядовыми коммунистами, беспартийными и партийными функционерами: каждый инструктор райкома периодически отчитывается в первичках, в заводских цехах о своей работе — это здорово мобилизует. А некоторые работники аппарата просто встали на партийный учет в тех же первичках. Любой член партии может поинтересоваться, не зря ли человек ест свой хлеб. Ведь каждый коммунист ежемесячно отчисляет 1,5—2 процента зарплаты в парткассах и вправе знать, что делает партийный работник на его деньги...

На выборах в народные депута-

ты СССР ленинградцы выразили недоверие всей верхушке партийной организации города и области. Что это — недоверие партии?

— Здесь сработала, я убежден, совокупность причин объективных и субъективных: экономическая, социальная ситуация, которая сложилась в Ленинграде, в стране... Люди устали от житейских проблем, от пустых лозунгов, призывов, постановлений... Они во многом разуверились. И прежде всего в аппаратном методе управления.

А если уж говорить о партии в целом, я, как, впрочем, и большинство людей, партийных, беспартийных, не вижу сегодня другой силы, которая вывела бы страну из тупика. Хотя некоторые справедливо замечают: вы завели, вы и выводите... Что ж, стараемся, другое дело, что ошибок еще хватает.

— Расскажите о себе, Олег Сергеевич. Как попали на партийную работу, стали одним из лидеров крупнейшей парторганизации в нашей «северной столице»?

— Отказался от аспирантуры при математико-механическом факультете ЛГУ. Хотел работать с людьми. Мне казалось, что материально-техниче-

годились. Потом секретарь Ленинградского обкома комсомола. Три года назад рекомендован в аппарат областного комитета партии, затем — сюда... Застой-то застою, но страна и пшеницу растила, и корабли в космос запускала. И мне не стыдно за то, что первые дискотеки в родном Кингисеппе проводил секретарь райкома комсомола, что выходил с первым оперативным отрядом, устраивал конкурсы профессионального мастерства... Есть доброе, что вспоминается не только мне. Но было, было и то, что вспоминается неохотно (об этом отчасти фильм «ЧП районного масштаба»)... Хотя это я вижу сейчас, когда мне тридцать шесть. А тогда казалось, что делаешь то же, что и все, и даже лучше... Да, многое могло сложиться по-другому. Но мы дети своего времени, и отрешившись от него, от сделанного негоже. Другое дело — осмыслить, перебороть себя, вытравить из души вранье, боязнь самооознания. Я с нравственной опаской отношусь к тем, кто чересчур спорю, безболезненно «перестроился». Здесь не бодрость нужна — мужество.

— Помните фильм «Коммунист», с Урбанским в главной роли? Фильм

© Издательство ЦК КПСС «Правда», «Смена», 1989 г.

о человеке, единственная привилегия которого — отдавать, но не брать. Оглянемся: в нас исчезает это — и в коммунистах, и в беспартийных...

— Более того, мысль о том, что ты оставишь после себя, исчезает. И это, может быть, наша самая серьезная идеологическая издержка. Отсюда все производные: отношения между людьми, к природе, к нашему языку, который становится все вульгарнее, к памятникам, к памяти, наконец — исторической, общественной, духовной...

— Сегодня на Невском снова собирали подписи против аренды Лисьева Носа...

— Ситуация тут весьма сложная. В поселке Лисий Нос намечено строительство международного культурно-развлекательного центра по типу Диснейленда совместно с иностранными фирмами. Вот и все, что многим известно. По крайней мере уже дважды группа депутатов Ленинградского городского Совета обращалась в свой исполком и конкретно к заместителю председателя Букину с просьбой огласить те договоры, которые будто бы подписаны руководством города и иностранных фирм, но разъяснений никаких.

Ленинградцы волнуются. Рукописный журнал «Казанский собор», как может, ликвидирует информационный голод: «Люди устали от бесхозяйственности, от бессмысленных проектов, не только не дающих желаемых результатов, но и приносящих очевидный вред... Мы решительно протестуем против сдачи советской земли иностранцам и строительства развлекательного центра в Лисьем Носу. Мы против того, чтобы Букин, Алфимов и Игнатъев решали за нашей спиной, нужны ли нам сегодня пляжи с пальмами, турецкие и римские бани и тренажеры для подготовки к полетам в космос (эти и другие «чудеса» планируется разместить в центре)...

Мы не хотим быть швейцарями, горничными в американских отелях, а для равноправного с интуристами отдыха в центре у нас нет долларов... Мы требуем немедленно прекратить все работы над проектом до того времени, когда советские люди будут обеспечены нормальным жильем, питанием, одеждой. Вот тогда можно будет говорить о римских банях...»

— Верите ли вы в осуществление принципа социальной справедливости?

— Сегодня он зачастую не работает. Но нужно искать. Я убежден, что социалистический строй не исчерпал своих потенциальных возможностей... По-моему, уже сейчас очень важно, чтобы коммунисты-руководители, если они не могут улучшить положение дел в регионе, на предприятии, в своей организации, во многом разделяли судьбу тех, кем они руководят. Я имею в виду социальные блага.

— Простите за несколько бестактный вопрос: сколько вы получаете?

— Триста десять рублей.

— У вас есть машина?

— Нет. На зарплату секретаря райкома машину не купишь...

— Олег Сергеевич, к вам в райком нередко заходят неформалы. Знаю, был Борис Гребенщиков, от которого еще вчера любой ваш коллега держался бы, как говорится, за версту. Что вас связывает?

— Борис мой ровесник, оба мы выпускники Ленинградского университета (он окончил факультет прикладной математики и процессов управления, так что мы оба отошли от своих прежних профессий). У нас много общего... И в человеческом плане, и в оценке некоторых общественных, социальных явлений. А вообще сразу замечу — не люблю этого определения «неформал»... Меня поразили цифры, приведенные Горбачевым на XIX партконференции: оказывается, треть сознательного населения нашей страны является членами каких-либо выборных органов, общественных организаций. Члены ДОСААФ и Красного Креста составляют свыше 100 миллионов. Мыслимо ли предполагать, что каждый член такого сообщества искренне разделяет его цели и задачи, активно работает в нем? И вот в немалой степени из-за того, что многие добровольные организации стали профформой, были отданы на откуп аппаратам (я повторяю слова Горбачева), и родилось движение неформалов. Это и объективный процесс демократизации, и защитная реакция людей от бюрократии. А почему приходят сюда? Куйбышевский район — центр города географический, исторический: Невский проспект, Казанский собор, преддверие Дворцовой площади... И поэтому, если какому-то неформальному общественному формированию хочется провести акцию, то они обязательно идут в район Невского — это своего рода идеологический перекресток...

И потом люди к тебе никогда не придут, если не знают, кто ты. Нас, райкомовцев, знают. Мы сами частенько ходим к неформалам в клубы, на митинги.

— Кстати, о митингах. Многие из них в Ленинграде, да и не только здесь, организует ДС — Демократический Союз. Может ли эта политгруппа стать какой-либо альтернативой КПСС?

— Отвечу однозначно: нет. Партия реально как политическая сила, лишь когда опирается на какие-то слои населения. Я уж не говорю — классы. Назвать какую-то прослойку, социальный слой, в которых были бы наиболее сильны позиции союза, сегодня практически невозможно. Их попытки уйти в молодежную аудиторию успеха не имели. Дискуссии, которые они провели в стенах Ленинградского университета, и в ЛГПИ имени Герцена, кончились просто анекдотично: преподаватели и студенты искренне удивились, что активисты Союза, считающие себя людьми образованными, неким политическим авангардом, не знают самых элементарных законов экономики, философии, политологии... Дзэсовцы не предлагают никакого конструктива, а если

говорить о критической части их выступлений, то обо всем этом сообщалось открыто: их факты взяты из «Правды», «Взгляда», «Пятого колеса».

Наш разговор неожиданно прерван. Пришла Элеонора Борисовна Чернова, редактор уже упоминавшегося журнала «Казанский собор» — органа объединения «Психическая культура человека».

Сегодня ее беспокоит реальное положение на ЛАЭС. Да еще слухи: говорят, в Кронштадте выдали противогазы. Неправда? Она успокоит своих читателей.

— Почему именно к Кузину? Я знаю, он поймет. Он нам помог буквально вытащить из тюрьмы Алешу Одина, который был арестован за то, что фотографировал митинг...

— Часто вам приходится выступать?

— Как правило, несколько раз в неделю.

— Самые трудные вопросы?

— О многопартийности, причинах поражения нашего руководства на выборах, моя личная оценка событий, выступлений... Все вопросы сегодня нелегки.

— Вы ощущаете разницу между партийной и беспартийной аудиторией?

— Сейчас уже нет. Года три назад перед коммунистами было выступать на порядок легче. Сегодня они не стесняются задавать вопросы, которые их искренне мучают. И это меня радует. Такие встречи очень много дают мне самому: какой вопрос задают, с какой интонацией — это уже срез, информация к размышлению... Но самое сложное — беседовать с рабочими. Вот уж где не проходят «общие места», скольжение по поверхности, лавирование «между струй»... Рабочий человек хлебнул догм, что называется, по горло. Он хочет знать конкретно, что принимает партия для улучшения сегодняшней жизни народа. Он хочет иметь дело с людьми компетентными, отвечающими за свое слово. Честно скажу, когда приходится выступать перед такой вот аудиторией — а это случается нынче довольно часто, — готовлюсь основательно. И... даже немного побаиваюсь. Но именно эти выступления — прямое, открытое общение с рабочими — помогают мне, как партийному работнику, постоянно ощущать пульс сегодняшнего дня, видеть перспективу.

— Выступаете ли вы на несанкционированных митингах?

— Нет. Но накануне пытаюсь выяснить, почему не получено разрешение... Впрочем, однажды участвовал. В прошлом году в декабре, в день городской партконференции...

Большой митинг у Казанского собора, организованный ДС. Тогда, 10 декабря, секретарь райкома, кажется, неожиданно для самого себя взобрался на автобус, взял микрофон и стал говорить искренне и страстно. Это был день траура: Армения лежала в руинах.

Он говорил о необходимости единства, особенно в час горя, о точках соприкосновения, о том, что делить нам нечего. Он начал этот митинг и через 10 минут закончил его словами: «Сейчас нужны не слова, а дела. Запишите номера телефонов и адреса, по которым идет помощь в Армению».

...«Неформалы: кто есть кто?» — книга эта выйдет в будущем году в издательстве «Мысль». Ее авторы — секретарь райкома О. С. Кузин и кандидат экономических наук А. В. Громов. «Вместо или вместе?» — так озаглавлена ее последняя глава. Но пока она только пишется...

— Дискутируете с неформалами, всегда ли вы, Олег Сергеевич, убеждены в своей правоте?

— А зачем тогда дискуссия? Нет, я тоже сомневаюсь... Сегодня партийному работнику необходимы широкие знания, ораторские способности... Мы должны владеть всеми методами политической борьбы, без боязни выносить все острые темы на гласное обсуждение. Нужен цикл дискуссионных телепередач, публикаций, митингов. Нужно

разобраться в истоках нашего единства и разногласия. Нужно учиться полемизировать...

— И с «фашиками», и с экстремистским крылом «Памяти»?

— Да. И с ними. Но там, где они переходят красную черту, должен сказать свое слово закон. А наша Фемида, увы, порой в полной растерянности... Самодетельных общественных формирований в стране десятки тысяч. Это объективная реальность, и это доказывает демократичность преобразований, происходящих в стране. Не надо пугаться, кликушествовать: мол, идеалы социализма рушатся, гибнут! Вспомним, что рождение первых Советов — итог стихийного, самодетельного движения масс. Вспомним ленинскую мысль: стихийное движение есть признак прочности его корней, его неустранимости... И то, что буквально за два-три года мы получили такую вспышку социальной активности всех слоев населения, несомненно, говорит о том, что мы идем по правильному пути. И здесь слово за инициативой, деловой, позитивной. Лишь один пример. Мы говорим: Невский — витрина Ленинграда, но это пыльная, запущенная витрина. Средств на поддержание проспекта отпускается неправдоподобно мало. И потому у группы энтузиастов возникла идея создать свой независимый фонд, которым бы распорядился только район.

Сегодня в этом фонде более 400 тысяч рублей. Это уже деньги... А знаете, кто один из членов попечительного совета фонда? Борис Гребенщиков. Мы уверены — за ним пойдут многие читатели его дарования, ребята из рок-клуба... Нам, партийцам, нужно поддерживать все формирования, которые работают на обновление жизни. Всех, кто желает активно участвовать в социалистической перестройке.

Заканчивая беседу, мы еще раз коснулись судьбы Ленинградского товарищества свободных художников.

Недавно завершилась четвертая по счету выставка. Три работы закупили Амстердамский музей. Готовится экспозиция для показа в Финляндии и ФРГ. Картины Юрия Кладова ждет Нью-Йорк. На Невском каждое утро — вернисаж. Этот маленький «Монпарнас» — всегда праздник.

Более 40 картин художники безвозмездно передали для благотворительной продажи на районной партконференции. Вырученные деньги — в Советский детский фонд...

— Олег Сергеевич, какой сегодня самый острый политический вопрос?

— Об авангардной роли КПСС. О доверии людей к партии. Потому что, если мы, коммунисты, сейчас действительно докажем, что в состоянии управлять обстановкой в стране, в состоянии оздоровить эту обстановку, мы выиграли. Причем все мы — весь народ.

...«Ленинградцы! Отечество в опасности!» — кричат листовки у Казанского собора.

...Первого июня введены талоны на мыло и стиральные порошки. На Невском с утра — очереди за молоком.

...Перед райкомом партии причесавый бард поет под гитару: «Господи поми-и-луй!» — прохожие бросают медали в его шляпу.

...Спорят на улицах: кто же он, их депутат Иванов?

...И здесь, и там собирают подписи: любая тусовка тут же превращается в импровизированный митинг. Голоса афиш уже едва слышны: «Рок-группа «Шанхай», «Фестиваль молодежной моды!», «Что скажет гороскоп?»

...А у Александровского сада художник продает портреты, с которых смотрят на нас чуткие, всепонимающие глаза.

...Итак, «вместо» или «вместе»?!

Беседу вела
Наталья РОДИОНОВА.

P. S. Пока готовился материал, пришла новость: Олег Сергеевич Кузин стал первым заместителем заведующего идеологическим отделом Ленинградского обкома КПСС.

Министерство социального обеспечения Р. С. Ф. С.
 От инвалида 2 группы
 прожив. Белгородская обл.
 2, Старый Скол м-он Интерна-
 циональная д 3 кв 47.
 Лездин Евгений Александрович
 Муж. 033248

Бух
 Выдана 30 тридцать
 Зап. 4-ис уф. 16.05.85

Заявление

Прошу Вас оказать мне помощь деньгами,
 как я не работаю и тружиз заработок нет.
 Как болен еще кроме своей болезни еще
 на кастрином потянутое министерство
 нитатось дает нитание.

Прошу Вас не отказать мою просьбу.

16/V-1985

Сергей РОМЕЙКОВ

...Встает Мария Ильинична рано. Но не только потому, что не спится, есть и другая забота. Надо в магазин к открытию поспеть — за молоком, творогом. Потому как потом может уже и не быть. А это для нее если и не вопрос жизни и смерти, то уж вопрос поддержания жизни — наверняка: ежемесячная пенсия позволяет «расщедриться», кроме молочных продуктов, на хлеб и — редко, очень редко — на колбасу. Семидесятишестилетняя наша соотечественница получает от государства (в лице Минсобеса РСФСР) 23 рубля 96 копеек в месяц. Правда, несколько лет назад, после смерти мужа, отсудила у дочки ежемесячное пятнадцатирублевое вспомоществование. Но оно почти все уходит на лекарства и плату за квартиру...

Встретился я с Марией Ильиничной Порталимовой в Перовском районном управлении соцобеспечения. Здесь в очередной раз подтвердилось давнее наблюдение: отделы и управления соцобеспечения ютятся в самых тесных, не приспособленных помещениях.

оказалось куда трудней, чем получить осколок в сорок втором подо Ржевом... (Как тут не вспомнить ежегодные освидетельствования ВТЭКом безруких, безногих калек. Не выросла ли за год новая?!)

Черствость, бездушие, бесчеловечность... Жизнь показывает, что от частоты употребления слов этих равным счетом ничего не меняется. По-прежнему (и сейчас, на пятом году перестройки!) веселы и могущественны многочисленные инструкции, циркуляры, положения, рекомендации... Этакая макулатурная стена, за которой в полной безопасности чувствуют себя те, кто требует от большого фронтовика (для начисления 20-процентной надбавки) справки о состоянии здоровья за... 1945 год.

В последнее время в связи с разговорами вокруг нового Закона о пенсиях обнародованы факты, ставящие под серьезное сомнение способность службы социального обеспечения справно исполнять свои обязанности. Бывают случаи, когда пенсионеру в результате перерасчета повышали размер пособия, но забыли сообщить ему об этом. А спо-

не только слова благодарности. Чаще — раздражение, безысходная злость от того, что ничего нельзя поделаться. И срываются обидные слова, гремят о пол стариковские палки и костыли, летят на стол начальника собеса орденские книжки: за какие грехи такая старость?!

Совсем рядом, в каких-нибудь 3—5 минутах ходьбы, бурлит Ленинский проспект. А здесь, на Шаболовке, словно в тихом провинциальном захолустье, все размеренно и покойно. В тени разросшихся деревьев — старый особняк: Министерство социального обеспечения РСФСР. Сюда, минуя достопримечательности Москвы, стекаются со всей страны нуждающиеся в призоре или, говоря сегодняшним языком, в социальном обеспечении.

...Александр Иванович Жданов, 71 год. С шести лет — инвалид, нет одной ноги. Костыль и клюка — его верные помощники в хождениях по инстанциям.

Рассказывает...
— Я из Кировской области. Из тамошнего Яранского дома-интерната.
— А что там не живет? — спрашиваю.

Обеспокоенный, изведенный горем отец вышел из кабинета, привлек к себе ребенка.

— Мансур не говорит. Не слышит и не видит, — рассказывает Киндзай Рахимов. — Уже два года ездим, хотим определить его в Загорский интернат для слепоглухонемых. Поставили на очередь, может, в конце года будет место...

Сердце защемило: господи, что же это... Вышел перекурить. Сколько бы у нас ни было фондов и обществ милосердия, не осилим мы недуга — так глубоко и больно проник он всюду. Не одолеем, пока все общество наше не превратится в милосердное общество, в единый фонд сострадания, терпимости, взаимовыручки.

В конце дня еще раз встретился со Ждановым.

— Как ваши дела, Александр Иванович?
— Бесплатный билет выписали...
— Куда же?
— Да обратно, в Киров.
— Выходит, зря приезжали?
Он остановился, почертил костылем что-то невидимое на асфальте.
— Да нет, не зря... Москву посмотрел.

НЕПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ

В России на учете в органах социального обеспечения — около 33 миллионов пенсионеров. Все они получают пенсии, которые можно разделить на три группы: по старости, по инвалидности и по утере кормильца.

Что мы знаем об этих людях, об их проблемах?

Мария Ильинична хлопотала о путевке в подмосковный санаторий, где 24 дня ее будут кормить и поить бесплатно. Заворачивая трясущимися руками в носовой платок документы, она рассказывала о горемычной своей жизни: муж умер, да и в разводе она с ним под конец была, дети пьют... Невесело было ее слушать, но, направляясь в собес, я на веселое и не настраивался.

Кто-то наверняка раздраженно бросит: работать надо было, вот и была бы пенсия, как у людей. Но походя судить о чужой жизни — дело немилосердное. Ведь живет она (и еще 23 миллиона таких, кто получает менее 60 рублей в месяц) в нашем обществе, среди нас с вами, по тем же законам. Точнее, доживает, существует — это, наверное, и нам с вами, и государству нашему упрек. Наш позор и боль наша.

Была бы пенсия, как у людей... А как у людей? По-разному.

Василий Алексеевич Гетман по сравнению с Порталимовой — «богач». У него сейчас — 101 рубль в месяц. Да и дети, слава богу, настоящими людьми выросли. Но сравнивать надо бы не плохое с худшим, а вперед стремиться, в лучшее заглядывать. Гетман — инвалид Великой Отечественной, награжден боевыми орденами и медалями. Так почему же пенсия такая маленькая? — спросите вы. А потому что в послевоенные годы молодым, крепким с виду парням как-то неловко было «числиться» в инвалидах, стыдно. Вот Василий — и таких, как он, было очень много! — в 1949 году отказался от книжки инвалида. А рана правого бедра осталась, и осколки остались, притаились только на время, чтобы напомнить о себе ближе к старости. «Восстановить» инвалидность

хватившись, выплачивали сразу сумму за несколько лет. Конечно, лучше поздно, чем никогда. Но пенсионеры в большинстве своем — люди пожилые, хворые. И исправления ошибок могут просто не дожидаться...

Отчего такое становится возможным? Поверьте, не только и не столько из-за нерасторопности, нерадивости собесовских инспекторов. В райсобесах работают, как правило, порядочные, милосердные люди. (Другие бы здесь и не смогли, потому что объем работы, нервное напряжение никак не соответствуют мизерной, я бы сказал, символической оплате труда.)

В Перовском районе Москвы 110 тысяч пенсионеров. Контроль за всем, что связано с их пенсионными делами, осуществляет всего 61 человек. Мыслимо ли это, если учесть, что буквально все приходится делать вручную?!

— Никому и в голову не приходит задуматься, что, скажем, в Калининском районе всего 19 тысяч пенсионеров против наших 110 тысяч, — говорит начальник Перовского РУСО Леонид Чумаков. — А деньги им и нам платят одинаковые. Вот и приходится крутиться, «входить в положение»...

Что может собес? Сегодня возможности эти ничтожны. Издевательски ничтожны, по-другому не скажешь. Так, на первый квартал 1989 года в распоряжение Чумакова были выделены... 200 рублей... «для оказания материальной помощи остро нуждающимся». Двадцати пенсионерам по червонцу. Комментарии, смею надеяться, не нужны.

А надо ли говорить о том, что и самому Чумакову и его подчиненным, а это в основном молодые женщины, приходится слышать от посетителей

— Э-э-э, — вздыхает, — в Яранском хорошо, государственное обеспечение — завтрак, обед, ужин... Только дела нет... А я сапожник. Не могу так: поел — в карты, снова поел — опять карты... Хочу попроситься в Рублевский интернат — там, говорят, есть работа...

— Где остановились, где ваши вещи?

— Остановился? Да здесь вот и остановился. С вокзала — прямоком сюда. Если быстро все уладить, на вокзале переночую — и обратно. А вещи — сапоги да клещи!..

Невеселые обстоятельства привели в министерскую приемную башкирского крестьянина Сайты Биктаирова. У него, отца десяти детей, давние «счеты» с местными властями. Причем действия «сторон» зашли так далеко, что сотрудник Илишевского РОВД даже пытались упрятать строптивого пенсионера, инвалида II группы в психиатрическую больницу. Спасибо, прокуратура Башкирской АССР вмешалась, вызволила. Но беспокойно, видать, живет Биктаирову, если вновь за правдой в Москву приехал. Он ловко управляет с небольшим дорожным саквояжем, укладывает в него многочисленные документы, вырезки, копии каких-то бумаг. Поверх бережно размещает детские колготки и... бухгалтерские счета — московские покупки. Правый рукав его плаща припшпилен несколькими булавками, чтоб не болтался, не мешал.

Я обернулся на легкое постукивание по спине. Передо мной стоял мальчик 6—7 лет. Он молчал, лишь постанывал и шарил рукой по банкетке — искал игрушку. Под изуродованными болезнью и скальпелем веками — незрячие глаза.

Из рабочего варианта проекта нового Закона о пенсиях:

«Местные Советы народных депутатов организуют заботу и социальную помощь пенсионерам. На них возлагается обеспечение каждому нетрудоспособному материальных условий не ниже прожиточного минимума. В этих целях они используют средства местных бюджетов, привлекают к участию в осуществлении заботы о престарелых, нетрудоспособных ветеранах трудовые коллективы и соответствующие общественные организации. По поручению местных Советов исполнительные комитеты Советов народных депутатов могут устанавливать доплаты к пенсии, независимо от их вида, за счет средств местного бюджета с учетом материального и семейного положения пенсионера, состояния трудоспособности, трудового вклада в общественное производство и других условий». Хорошие слова, ничего не скажешь. Мне особенно нравятся такие выражения, как «организация заботы», «осуществление заботы». Да вот обретут ли они действительную силу закона?

Постоянно на слуху — «прожиточный минимум». Правда, чаще, когда речь идет о капиталистическом мире. И еще, как правило, добавляется — «за чертой бедности». Но бедность и нищета (так же как богатство, роскошь) суть понятия интернациональные, не ведающие ни государственных, ни идеологических границ. Что же подразумевается под прожиточным минимумом у нас в стране? Если исходить из того, что сегодня на двенадцатирублевое пособие могут претендовать лишь семьи с доходом менее 50 рублей в месяц на человека, значит — это 50 рублей. Оказалось, не так.

любил и умел. И оглядываясь назад, я понимаю, что реально зарабатывал токарь Иван Семенович никак не меньше трех сотен в месяц, то есть вдвое больше того, что ему доплачивалось до «потолка». Чтобы заплатить ему (и чтобы деньги эти не «срезали» в БТИЗ) на кого-то из молодых постоянно закрывались липовые наряды за невыполненную, а то и несуществующую работу...

Ставя заслуженного, честно работавшего пенсию человека в положение добирающего до «потолка», мы тем самым не только отбиваем у него охоту трудиться в полную (имеющуюся еще!) силу, но и рисуем малозаманчивую перспективу перед молодыми.

А ведь все мы потенциальные пенсионеры... И от того, насколько заинтересованно отнесемся сегодня к тому, что связано с новым законом, будет зависеть и наша старость.

Впрочем, на некоторых предприятиях пенсионерам и сегодня выплачивают 13-ю зарплату; на других — при выходе на пенсию начисляют разовые вознаграждения в размере нескольких (до 20!) окладов. То есть с людьми поступают по-человечески, не дают им почувствовать себя «выжатым лимоном». Причем делают это, не дожидаясь новых законов, «указивок»...

Отрадно, что новый закон будет единым и для горожан, и для се-

что о степени процветания общества судят не только по количеству издаваемых книг, но и по количеству людей, живущих крайне бедно. И не пристало нам, сограждане, ханжески хмыкать и отворачиваться от собственной нищеты.

Посмотрим правде в глаза да оглянемся окрест. В Чехословакии, к примеру, помимо пенсионного обеспечения государство берет на себя заботу о профессиональной реабилитации и трудоустройстве пенсионеров. Причем, если планы по трудоустройству инвалидов нарушаются, национальные комитеты вправе оштрафовать предприятие — ограничить прием на работу трудоспособных граждан. Думаю, и нам такой опыт вполне пригодится...

В минувшем году отмечалось 70-летие нашей системы соцобеспечения. Наркомат государственного призрения учрежден был специальным декретом, подписанным Лениным, первый нарком — Александра Михайловна Коллонтай. Еще тогда в богадельнях, инвалидных домах, приютах и убежищах устраивались всевозможные мастерские, небольшие фабрики. В Можайском уезде Московской губернии действовала Красновидовская колония — целое село с общежитием, жилыми домиками, школой, больницей, мастерскими. Там жили и работали инвалиды-железнодорожники.

Начальник методического отдела Главного управления пенсий и пособий Минсобеса РСФСР В. В. Пехтерева, когда я спросил ее об этом, развела руками:

— Что такое прожиточный минимум, у нас никто не знает...

Нет, оказывается, такой цифры. И впрямь, удивительное — рядом! А может быть, так удобней, без прожиточного минимума? Вернее, с ним и без него одновременно? Этакая гибкость. Живут-то, мол, все по-разному... Кто-то исхитряется не протягивать ноги с 23 рублей 96 копеек, а кому-то нужно персонально доплачивать.

...Не знаю, когда и кем было придумано это словосочетание: персональный пенсионер. Значит, не такой, как все? Можно было бы как-то уразуметь подобное отличие, если бы персональные пенсионеры «получались», например, из персональных слесарей или же персональных операторов машинного доения.

Так ведь нет. Тут иное. Чаще всего стать перпенсом помогает номенклатурное кресло. И чтобы возвышение над окружающими соратниками не исчезло вместе с креслом, к слову «пенсионер» добавляют звучное «персональный»!..

Так сложилось, что система социального обеспечения у нас в стране государственная. И если еще пару лет назад едва ли не всеми это понималось и принималось единственно как «забота государства», то сегодня, когда с наших глаз наконец-то сняты шоры, многое видится по-другому — за жесткой централизацией управления нередко можно разглядеть закостенелость, негибкость существующей структуры...

В социальном обеспечении России трудится более 150 тысяч человек — в автономных, краевых, областных управлениях; еще ниже — городские, районные отделы. В масштабах страны вся эта деятельность координируется Госкомтрудом СССР. От комитета исходят и директивные документы.

Другими словами Минсобес РСФСР и аналогичные республиканские министерства являются не чем иным, как передаточным механизмом, «пережевывающим» то, что спускается по вертикали Госкомтрудом.

...Вспоминаю токаря высокого класса Ивана Семеновича Ерина, с которым когда-то вместе работал. Был он уже на пенсии, но трудиться

любил, что минимальный размер пенсий повышается. И главное: упорядочится начисление надбавок за общий стаж. Ведь по существующему пенсионному законодательству для получения пенсии при неполном стаже по старости необходимо было «совпадение» трех обязательных условий: во-первых, работать на момент наступления пенсионного возраста, во-вторых, обращаясь за пенсией, нужно иметь не менее трех лет непрерывного стажа, и, наконец, общий стаж должен составлять как минимум 5 лет. По новому закону все станет проще: пенсии будут рассчитываться пропорционально общему (суммарному) стажу.

Но все это только будет. А что сейчас?

...Находясь в заключении, М. серьезно заболел. Вернувшись на свободу инвалидом, на костылях, стал получать пособие 30 рублей. Родственников у М. не осталось, работник из него, понятно, никакой (иначе не освободили бы досрочно). Я спрашиваю себя: как, на что ему жить? Конечно, его вина, что угодил в «места не столь отдаленные». Но виноват ли в том, что, «перевоспитываясь», потерял здоровье?

Мы наконец начинаем понимать,

В ведомственном журнале Минсобеса РСФСР наткнулся на выступление первого заместителя министра соцобеспечения РСФСР В. Бабкина под программным заголовком «Юбилей и наша перестройка». Касаясь переименования наркомата государственного призрения в наркомат социального обеспечения, автор пишет: «Переименование — не простая формальность. В нем заложен глубокий социальный и политический смысл, отвергающий унижительный принцип благотворительности и «подачек» (выделено мной. — С. Р.). Не знаю, может быть, тогда, на заре Советской власти, в переименование и вкладывался такой смысл. Но удивительно читать это сегодня, когда, доотвергавшись, мы всем миром пытаемся реанимировать и благотворительность, и призрение нуждающихся в нем как проявления милосердия. Дай-то, как говорится, бог, если замминистра просто занесло на юбилейном вираже. (Похоже, так оно и было, потому что здесь же читаем: «социальное обеспечение превратилось в... систему, охватывающую все стороны жизни десятков миллионов людей...») Но так ли уж «все»? Откуда же тогда проблемы?! Повторюсь: если все дело в юбилее, — полбеды.

Но когда подобные настроения овладели руководителями министерства — это тревожит.

...Бедный человек может быть добрым, отзывчивым, сердечным. Нищий — никогда. Потому что жизнь его — борьба за выживание. И в борьбе этой сталкиваются мнимые «духовные ценности» с неподретушированной правдой каждого дня, раз за разом доказывая относительность нашего привычного «благополучия» и живучесть нищеты. Мы, так сказать, мирно сосуществуем.

Наше огульное неприятие всего западного коснулось и вопросов пенсионного обеспечения. В энциклопедическом словаре, в статье «Пенсия» читаем: «...В капиталистических

странах пенсионное обеспечение характеризуется многочисленными ограничительными условиями (высокий пенсионный возраст, определенный стаж уплаты страховых взносов и т. д.)».

Дорого мы платим за неразумную идеологизацию всего и вся. Но прозрели и начинаем задумываться, в частности, о том, что «уплата страховых взносов» в фонд будущей пенсии — дело не такое уж идеологически вредное.

Новый закон вступит в силу не завтра, в лучшем случае — через несколько лет. Он (надо быть готовым к этому) не решит в одночасье всех, годами копившихся проблем.

Кто же сегодня реально может по-

мочь миллионам больных, одиноких, страждущих? («Аргументы и факты» привели недавно такие цифры: 10 миллионов стариков и инвалидов — совершенно одинокие люди; 7 миллионов детей — инвалиды с детства; в активной благотворительной помощи нуждаются свыше 700 тысяч человек. Цифры не просто страшные — кричащие, дикие!..)

Уверен, статистика эта была бы не такой мрачной, если бы благотворительность у нас считалась не только поводом поставить «галочку», а стала ежедневной нормой жизни.

Министерство социального обеспечения РСФСР (и его собратья по республикам) — слабое министерство. Не имеющее сколько-нибудь серьез-

ных возможностей для того, чтобы поправить дело. Тем более непонятны попытки «объять необъятное».

После рождения в семье четвертого ребенка собесы выплачивают матери (до достижения малышом 5-летнего возраста) 5 рублей в месяц. На букет цветов, что ли? Кто и когда вменил в обязанности собесов (и почему именно им?) это благодеяние, направленное, надо думать, на повышение рождаемости? Неужели по пословице: с поганой овцы хоть шерсти клок... Самым распрекрасным законом гору с места не стронешь. Нужны реальные средства. В том числе и денежные.

Недавно в Минсобесе РСФСР получили письмо от Всесоюзного фонда милосердия и здоровья. Деловое, по-настоящему милосердное письмо. Речь в нем о том, чтобы низовые подразделения системы соцобеспечения сообщили на местах в отделения фонда о наиболее остро нуждающихся. Для конкретной помощи конкретным людям. Думаю, это один из путей решения проблемы, если примеру этому последуют многочисленные наши фонды, комитеты, общества, имеющие реальные, живые деньги. Наверное, и разворачивающееся кооперативное движение могло бы не ограничиваться открытием юридических консультаций по пенсионным вопросам.

Впрочем, доброе слово о некоторых кооперативах, работающих в Перовском районе столицы, можно сказать уже сегодня: «Мария» оказывает услуги немощным по доставке на дом продуктов, «Агат» выделил в помощь остро нуждающимся 15 тысяч рублей, в «Тэтре» нашлось место для двух инвалидов-афганцев, а в «Жемчужинке» инвалидов и членов их семей обучают искусству кройки и шитья...

Вот если бы так везде, если бы всем миром!

Блуждая по коридорам Минсобеса РСФСР, мне так и не удалось узнать сроков опубликования проекта закона. Даты назывались разные...

Но такой вопрос приходит на ум: почему бы уже сейчас не сообщить народу, кто и как занимается его разработкой? Не Госкомтруд, не НИИ труда, не группа специалистов, а конкретно, по именам? Почему бы не познакомить нас с этими людьми? Не посоветоваться с ними, так сказать, в рабочем порядке.

И последнее. Зачастую после «всемирных обсуждений», после десятков тысяч предлагаемых поправок документ появляется на свет, подвергшись лишь, так сказать, косметическому ремонту. Не пора ли оговорить гарантии, обеспечивающие действительно учет и изучение всех заслуживающих внимания предложений?

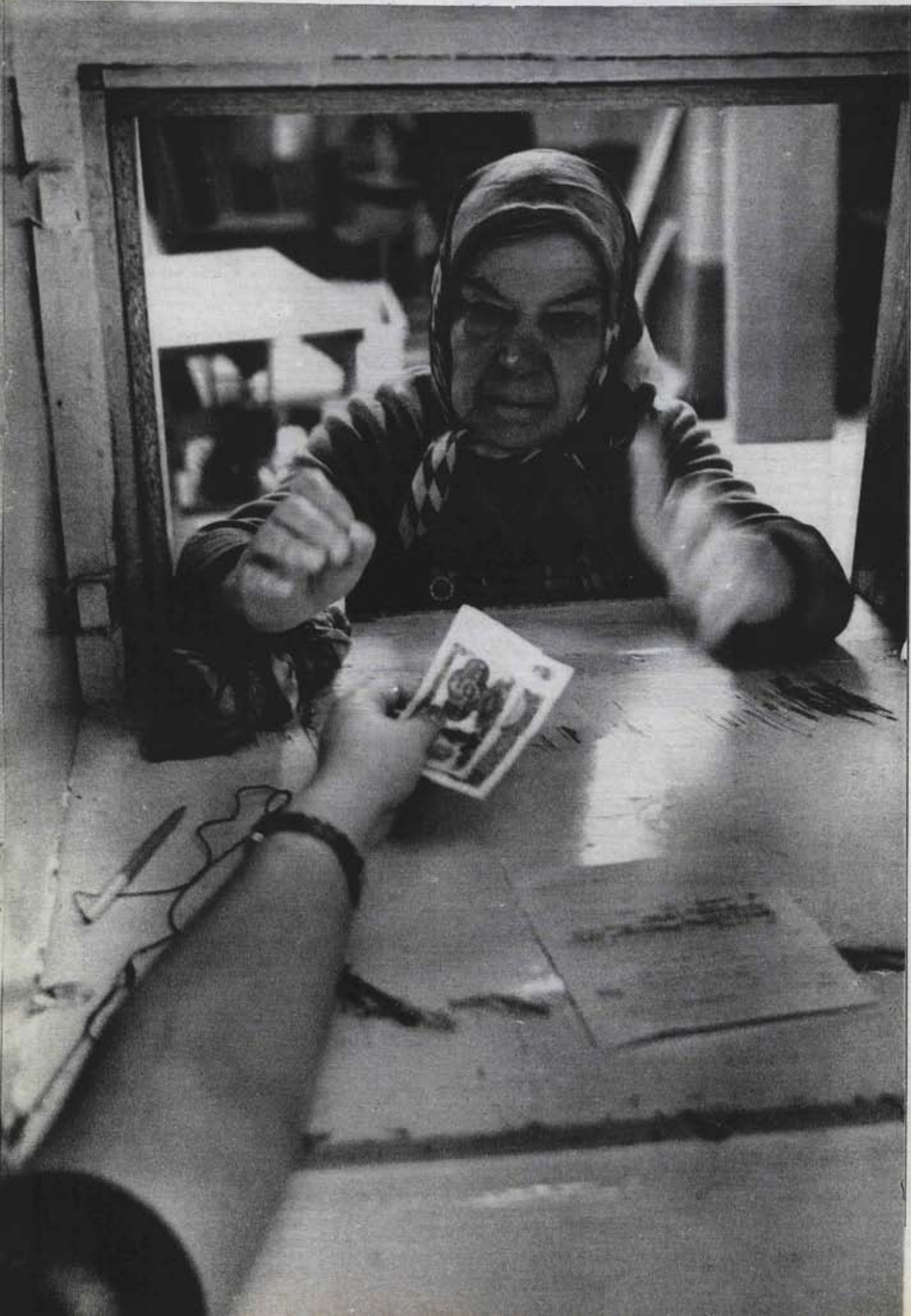
Ведь не для кого-то стараемся, для себя самих.

Р.С. Первый Съезд народных депутатов СССР среди прочих острейших вопросов нашего жизнеустройства обсуждал и пенсионные вопросы. Каждое выступление, затрагивающее эту тему, было не только эмоциональным, но и конструктивным. Предлагались решения конкретные, деловые, чтобы улучшить жизнь пенсионеров не в «светлом завтра», а незамедлительно, сейчас...

Одно из таких — поддержанное Николаем Ивановичем Рыжковым — снять «потолочные» ограничения для пенсионеров рабочих, мастеров, начнет действовать уже с января 1990 года. Так что, надеюсь, на производстве резко поубавится липовых нарядов и вздохнут облегченно работающие ветераны...

Может, и впрямь успеют еще наши дорогие старики, вдосталь наработавшиеся, столько сделавшие для всех нас, больные, немощные соотечественники наши, пожить, отдохнуть по-людски.

Очень хочется верить в это...

Феликс ВЕТРОВ

Плачь по Сергее

Он лежал на белом широком полотнище среди складок и марли. Все было бело вокруг — потолок, стены, сильный, льющийся из высокого окна поток дневного света, в котором он ворочался, раскрыв глаза. Минуту назад его обмыли, стерли кровь, взвесили и охватили у запястья тесьмой с клеенчатой биркой.

Он открывал. Сомкнулась разинутая воронка рта, и он вбирал этот свет бесцветными, нездешними глазами.

Что видел он? Чем было для него то, что открылось вдруг из вечной зыбкой темноты, в которой он плавал, а после прорывался сквозь красное — к этому белому свету?..

Никто в мире не знал его тайны, и никому не дано было ее раскрыть.

Он лежал в свете дня, неся в себе отныне как бы смутный ответ того окна, сладкий запах молока и громадный, спускающийся к нему теплый купол с темным центром соска, что был для него и солнцем, и небом, и всем сущим безмерной вселенной. И он тянулся к нему, пил, искал его маленьким жадным ртом, пил и постигал в этом вкусе первое блаженство.

Кто он был и чей он был? Все смылось и рассеялось среди ветров судеб. Но были — отец и мать. Они кормили, ласкали, агукали, тормошили, радовались его первому зубу и первой улыбке... мыли, купали, носили в одеяльце, горделиво показывали родным, о нем мечтали и думали втайне, но...

Но он впервые увидел себя и начал отсчет не с улыбок отца и матери, не с их рук и голосов, не с комнаты, не со двора и крыльца — он ворвался в мир страшным бегом и чьим-то криком. Кто кричал, ища и зовя его среди огня, дыма, среди летящих ему под ноги комьев земли и звонкого грохота разрывов?.. Он бежал и вопил — тоненько, на единой ноте убиваемого, чужающего смерть зверька, он падал, сбивая голые колени, и снова бежал, один перед этим огнем, мокрый, белоголовый, светлоглазый ребенок трех лет от роду — навеки теряющий все связи с тем, что было вокруг него и чем был он сам.

Он бежал... Свет дня звал его к себе, но вдруг затмевался черно-рыжим лохматым дымом и неостанавливающимся треском сверху, догоняющим его со смертным воем и взмывающим черным перекрестьем в небо.

Он добежал куда-то, остался цел — зверь над головой не утащил его в вытянутых железных лапах, — увидел себя как бы со стороны, увидел среди чужих дрожащих, не могущим подавить частой икоты; руки людей тянулись к нему, к его белым волосам, он отдергивался и крепче прижимал к себе обкусанную, вываленную в пыли ржаную буханку.

Так родился он — не для других, для самого себя. Так открылось ему его начало. И в тот день, уже к вечеру, он ответил наконец на вопрос идущего откуда-то с высоты женского голоса:

— Ну, не плачь, детка... Как тебя зовут?

— Се... Селеза... — прошептал он, все не отдавая своего хлеба, еще крепче впиваясь в его черствое ржаное тело. От всего, чем он был, остались лишь хлеб да имя «Селеза», а те, чужие, все не могли понять его и спрашивали:

— Какая селеза? Что ты говоришь?

Но вот догадался:

— Ах, Сережа!..

И он сразу готов был поверить тем, кто понял его, он ищет глазами ее, ее лицо, то лицо, которое все для него, он зовет ее, но стальное перо бежит среди насх расчерченных граф в тетрадке: «доставлен в детприемник...», «около трех лет...», «в розыск не заявлен...», «родные не обнаружены...», «адреса, фамилии не знает...»

Что было там? Что оставил он на дороге, по которой бежал и падал? Разбитые в щепы грузовики, рваные, окровавленные ситчики, разможенные лица? Концы обрзались и оборвались. Он стоял, озираясь, маленький, с разбитыми в кровь худенькими коленками, стоял, крепко прижимая к себе каменеющую краюху черного хлеба пополам с дорожной пылью, и перо, глотнув лиловых чернил и зависнув на минуту в размышлении, вывело в графе «фамилия» отныне и навсегда короткое — «Хлебов».

Голоса вокруг были стертые от усталости, а после замелькало перед ним кричащее, плачущее, сопливое множество детских лиц, среди которых он тотчас и затерялся. Стриженные под «нулевку», кто в чем, потерянные в панике бегств и бомбежек, найденные в развалинах, не сознающие сиротства, они ехали куда-то, спали на чем-то, кормились из дымящих ведер, сбивались в кучки, терялись и находились вновь; на них орала, кормила с ложки, плача и улыбаясь, и снова везли, сгоняя в маленькие гурты сорванными голосами, распределяли по комнатам, вагончикам, подводам, пересчитывали по головам — и среди них несло куда-то и его, Сережу Хлебова, падающего в темноту и вновь находящего себя то на каких-то дощатых платформах, то за миской картошки, то в детдомовской рубашонке...

Он болел — и его выхаживали, он швил — обрабатывали керосином, купали, стригли, заставляли разучивать веселые песни, и так летело его младенчество — одинокой обгорелой травинкой среди стука вагонных колес и в реве паровозов...

Однажды он увидел себя запертым за какую-то провинность в подпол амбара детдомовского барака.

Он дрожал от холода и все не мог одолеть скулящего плача — все виделся ему широченный зад колышущихся перед ним галифе, за которыми волокни его маленькое, с торчащими ребрышками, шестилетнее тело. В подполе было темно и зябло, но сквозь щели в полу пробивался свет; пригладевшись, он различил кучу тряпья — старые, драные мешки, сел на нее и зарылся глубоко-глубоко, чтобы унять дрожь. Мальчик сидел и прислушивался к звукам, шмыгая носом. Вдруг мороз ошпарил спину — он различил быстрый перестук метнувшихся поверху коготков. Прямо по нему пробежало нечто цепкое, верткое, потом снова — судорожно-быстро, неуловимо, и он закричал, забился, зажмурил глаза и отмахиваясь руками. А крысы лезли и лезли, взлетали по стенам, прыгали через его голову, карабкались друг на друга, и крик его разгонял и вновь собирал жутких, спящих зверей.

Он не помнил, какая сила вырвала его из подвала, как вышиб подлорку воротец — может, кто и гнался за обезумевшим его тельцем... но над миром, прижав и распластавшись, висела война... Сбивая ноги, он бежал, не ведая куда.

Война грохотала в невидимой дали. Ползли эшелоны, катили эшелоны, выставляли на узловых, ждали на полустанках и разъездах и снова гнали через страну тысячи вагонов с людьми, прокатом, крупной, накрытой брезентом техникой, сформированными частями резервов.

По тем путям и перегонам несла война Сережу Хлебова. Его ловили, затаскивали в детприемники, кормили, но он уже был отравлен волей одинокого бега и под любой крышей ждал подвала и крыс, поэтому срывался и убегал, перелетным птичьим чутьем уходя по дистанциям железных дорог — от зимы и смерти — на юг.

Стучат эшелоны, полетит с площадки теллушки надкушенное яблоко — палит солнце, лупит в торчащие лопатки, бежит себе дите, грызет чего-то, улыбается сквозь клочья пара... Дрогнет и сожмется летящее

мимо солдатское сердце. Беги, беги, милый, беги, чумазый, — далекий наш путь, ох, как далекий наш путь, не дай тебе бог...

Сколько брело и мыкалось их по стране — непоиманных и беглых, найденных и вольных, сколько гило их на проселках, под буферами составов от голода, от кровавых поносов и простуд — чих-то детей, так недавно любимых, хрупких и нежных... И шагал на каком-то километре Сережа Хлебов, взбивал мелкую межпальную щепенку носками еще крепких дамских тапочек; не первый день шел он, минуя кордоны линейных милиций, патрули на станциях, часовых у мостов, обходя санпропускники и вовремя прычась, чтоб проскользнуть, хитрить и врать, учиться воровать по мелочи, нарочно попадаться на кормежку и снова уходить...

Вечерело.

Солнце приуральского лета садилось в верхушки черных сосен. Повяло холодком. А он шагал, упорно и бодро, — сама жизнь и частица огромной, всемерцающей жизни, шел, уже зная, что куда-нибудь да придет по выходящей железной линии.

Он шел, обретая бесстрашие, уже привычный ночевать в разбитых вагонах, на полустанках, в штабелях вонючих смоленых шпал, и так нов, так яростно был всякий день его детства, так нужна была ему встреча.

Все тверже делалось мальчишечье, неприютное, часто бьющееся маленькое сердце, и, верно, нужен он был зачем-то на земле — упорно хранила его от гибели какая-то сила.

Темнело. Солнце спускалось, станция метила впереди широким разливом колеи на многие стальные нити. Где ты, добрый человек?

Выйди, яви себя из этого вечера войны, из этой несущейся мимо людской массы. Велика твоя власть, не мерена сила — приди, добрый человек, заметь ребенка на путях, не пропусти, покажись из-за косогора над полотном, шагни из-за поворота, из кустов, подойди, оклики, не спугни, улыбнись, подкупи, подмани — чтоб рванулся живым дыханием детства к живому теплу доброты.

Возникни на путях!.. Обходчиком, бабой в платке, эвакуированным ссыльным... окажись говорливым домовитым дедом-хохлоном, немногословным узбеком, курносим русским паренком, суматошной татаркой... увидь эти храбрые, твердо глядящие детские глаза.

Ты же всегда приходишь — непременно добрый человек на дороге, с простым словом своим, с улыбкой сквозь морщины невзгод — выйди навстречу в этот вечер, шагни наперерез...

Но поворот за поворотом, поворот за поворотом вышагивал мальчик по хрустящему гравию, перепрыгивал со шпалы на шпалу — и ни души не было впереди, никто не шел навстречу, все так же, пустынно и безлюдно, тянулись рельсы...

Тонкий посвист в полумраке вечера остановил его. Он вытянул шею, повел глазами.

— Эй... Пацанок! Слышь... Тихо только... — Рядом, откуда-то из-под вагонной рамы раздался хриплый голос, за колесной тележкой блестели белки глаз. — Не бойсь... не трепыхайся. Ты с кем, а?

— Ни с кем...

— Только это... чур, по-тихому... Сбегай за кипятком, а?

Кто эти — под вагоном? Удирай, ребята! Беги и забудь!

Но будто нюхом ловит он свой, общий, братский беглый дух. И общность эта сильнее страха.

— Как принести? — удивляется мальчик и разводит руками.

— Уж скумекай, родной! — Та же вера, без оглядки. Шершавы, перетерты дорогой просящие голоса.

Что же в зрачках их, что в молящих точках взглядов, отчего спешит мальчик во мраке через пути, ныряет под составы и бежит к станции, где в темноте — гвалт посады, драка, крики, где никто не схватит, никто не остановит?..

— Тетенька, кипяточку!

Вот он, добрый человек. Расспроси, тетенька, разужнай — куда он и с кем?..

— Налью, детонька! Варька, налей-ка ему кружечку! Пей, миленький, не ошпарься.

— Мне — брату... — Он неопределенно машет в сторону составов.

Жалко ей кружечку: вернет ли? А просящие детские глаза, в темных кругах, — куда жалче, вот горе!

— Кружечку-то принеси, не обмани, сынок.

Он кивает и с обжигающей железной кружечкой спешит назад, снова лезет под вагонами. Разбегается по сцепкам затяжной рывок паровоза. Успел, проскочил, не пролил, еще успел... скрипнули, двинулись колеса. Не найти ему теперь их среди черных одинаковых вагонов — все спуталось в громе и лязге — отвела судьба!

Но знакомый шершавый шепот окликнул из темноты.

— Ну, пацан! Раскумарил, корешок! — Черная рука стискивает его тонкий локоть в болячках. — Думаешь — чего? Дело у нас такое, понял? Секретная работа. Молчок, значит, ага, пацанок? Как твое фамилие-то?

— Хлебов!

— Хлебов, слышь, Клешня! Хлебов!

— Хлеба хорошо бы... — отзывается второй.
Он протянул им свой припасенный ломоть, дал зеленых яблок-дичков.

— Вот так, кореш! Куда ж ты чапаешь?

Он пожимает плечами.

— А то с нами давай! Не пропадем!

Когда захрустели на щебне сапоги часовых, приближаясь из темноты, он влез в теплое, пропахшее грязью тел, гнилью и тавотом подвагонное гнездо.

Стрелочник взялся за пудовый рычаг, перевел рельсы, и тронулся в Азию длинный состав.

Ехали долго, и потом, за всю свою жизнь, он не помнил ничего веселее той езды — как бегал, тырил товарищам разную еду, как обманывал ловко, как радовался, что кормит Клешню и Спиру, и крепче приставала к его лицу жесткая кора, грубел его смех в быстром перестуке, в ветре скорости.

Ну и друзья у него! Веселые какие! Какие у них ножики, картинки разные на руках и пальцах нарисованы, птицы на груди... А какие песни поют они ему на уху, перемигиваются меж собой — вот это жизнь!

А молодой жульма,

А жульман-жульманок

Заработал вы-ышку-у...

А после — жар выгоревшего от солнца неба, новые запахи и люди в халатах, говор рынков, свистки милиционеров, жуткая игра воровства и погони, озорные штуки и «покупки», неразменная дружба то беспечно-шаловатого, то угрюмого Спири, жизнь на бегу, недолгая школа хитрого ремесла, буйные ночи, вкус самогонки на дне стакана, потайная жизнь атасника-пролазы, блатного сынка.

И снова выплывал он из черноты и видел, как выволакивали его из-под вокзальной лавки пылящие «оперы», а неподалеку трое заламывали Спиру — и плакал Сережка слезами ненависти к легавым, и получил свои первые три года — и некому было шепнуть ему, что хуже так, чем в подвале с крысами, что богата жизнь и не делится только на «законных» и «фрайеров».

Побеги, засады, новые сроки — привычной стала тюремная машина, белые волосы не успевали отрастать.

Сильным пришел он в людскую круговерть, не обделен был и умом. Быстро матерел закаленный и стойкий четырнадцатилетний вор, приметливый глазом, доходчивый головой. «Весь мир — бардак!» — говаривал Спири. Он не мог не верить — кончили Спиру в Уфе злые «мусора». Бардак так бардак, и понесла по кочкам лихая кровь!

Лагерь, начальники, камерный народ — беспощадство со всеми, товарищи-товарики, горячее житье! Быстро бежал он по жизни, уже старый в свои шестнадцать, колотый «пером» и оттого спокойный. Сила пенилась в нем, вспучивала тяжелевшие руки, но будто какая-то скука припустилась след в след.

Где ты, откликнись, добрый человек! Самая пора! Выгляни из оконца судьбы, разгони эту дурь, вправь хорошие мозги, сбей с этапной тропы!

Но пойдут другие дела, и другие заведутся кореша у Сереги Хлебова, Серёни Седого, Серки Белого, другие засветят ему статьи и сроки.

Ах, затейная жизнь, ах, смертельная карусель! Закружила мальчишку, затянула в центр! Галопом неслась необъезженная лошададка семнадцати лет! Был он со стажем: десять лет с ворами — не семечки. Причалы, баржи, города, поселки, новые «хазы», фартовый расклад, чужие сеновалы, камеры допросов, густая пена злобы на сжеванных губах.

Отпетый и гордый, холодный и бесстрашный, он вновь оказывался в завагоне и усмехался назад — знакомые все места!

Эх, дороженьки, ах, игрушки! Ни к чему он тут не присох и верил лишь слову оружия, разным «лушкам», ножам и больше всего — своей руке, знавшей некий фокус, который стоил и «лушки», и ножа.

Был он красив суровой статной красотой — в шрамах по телу, в рельефе точеных мышц по плечам и стальному животу. Не много книжек застряло в голове, не больно верил им, но те, что помнил, знал хорошо... много чего разного мог бы делать он в белом свете дарованного ему дня, во многом бы преуспел, но сидела в мощной груди старая отравка и неясная, неюная тоска.

Услышь эту тоску... где ты там?! Выпади хоть с неба, добрый человек, — может, есть еще шанс, есть надежды чуток — приди!.. Разогрей его сердце, разгони черноту, выйди из переулочка хорошей девушкой. Выйди, девушка, откройся, рассвети ему небо ожиданием улыбки. Чтоб трянуло любовью, чтоб навсегда проклял он ту кружку кипятка.

Может, и вышла бы она, может, то и была она?.. Но случилось иное — разорвался вечер девичьим криком в канаве, под мостом за деревней, совладал он с долгожданым и сладким, растерзал, испоганил, вывалая в грязи. И что-то сделалось с ним в тишине вечера: будто кто-то с высоты указал на него пальцем, и узнал он на вкус небывалую печаль. Стало ему жутко, стоял он над ней, смотрел, как вздрагивала и чуть слышно стонала она, враз вспомнил подвал, крыс на затылке и, прежде чем убежать дальше в свою судьбу, вдруг захрипел и начал бить, всаживал, вгонял сапогом в девичьи ребра ненависть к кому-то над собой, к тому, кто проклинал его внятным, властным голосом закатного холодного неба над черной деревенькой.

Проморгал, припозднился, добрый человек! Те удары коваными каблуками вышибли что-то из него самого. Он знал, чувствовал — проклят. И некого, и незачем сделалось жалеть.

Ну, а что же душа? Что же он сам? Или щепка он в бегущем ручье? Или все спуталось в кровавый ком в его прозрачно-голубых, будто мертвых, глазах?..

К двадцати пяти он растерял все клички. Стучали тюремные воровские «телеграфы», катилось по зонам, по «малинам» — ходит по России лютой Хлебов, «вор в законе», а будто над «законом» — в карты не играет, всегда молчит, в делах одинок, не цифрирует, не колет «перстной» да сердечек, страшен Хлебов, и неведомы его пути.

Огромного роста, непомерной силы, он был уже навсегда просто Хлебов. Девять человек «замочил» он с того вечера под мостом. Не было такого, чего не сделал бы он, если б захотел. Не ведал людского страха и равно презирал всех, своих

и «лежавых», всем платил равно — ледяной, отточенной ненавистью, и таким ходил по улицам и дорогам, летал самолетами и катался в метро — всегда один, обритый, как в малолетстве, дерзкий, надменный и могучий **Хлебов**, страх начальства, гроза воров, конечный беспределщик, беспощадный зверь.

Неужто кончен? И никто не простит? Какой уж там добрый человек! Девять жизней повисли на нем, но не добрались до Хлебова по «мокрым делам». Один он на всем свете знал, что оставил за собой, так же как знал, что жить ему незачем. И все-таки жил. Но как жить после всего-то?.. Остался ли в мире хоть кто-нибудь, кто б забыл?.. Разве только мать могла бы. Но не было ее под ненужным ему солнцем, и если жила где-то и искала его — не нашла.

Тоска жила в нем навью и во снах. Он не хотел и не любил денег, водки, баб, детей. Желаний не осталось. Прожив тридцать восемь лет, он сумел полюбить только вора Спиру, сам толком не зная, за что и почему. За тридцать восемь лет он не работал ни часу и гордился этим. Теперь все сделалось смешно: Спира какой-то, дурная гордость, постылые бабы ласки за монету да марафет, пляжи юга — тоска! Скука и дешевка все, волчий юмор да обман! Он понял, подходя к сорока, откуда в нем эта блажь: все могло иначе повернуться. Как — он не думал. Знал только: **могло!**

Надо было деться куда-то, спрятаться от кого-то. И будто делалось жалко чего-то, как тогда в кино, когда забрел невзначай на «Калину красную» и расквасился, сам себе не веря. Копец, копец!.. С повинной — пусть рыжие ходят. Дела варить? Будя, наварил. Забиться бы, как тогда, под вагончик, и куда-нибудь... не глядя... хоть с моста!..

Но пробрал кто-то мимо сараюшки, где он прятался шестой час. Где ж это было? Кажется, в Ростове или в Киеве? А, без разницы! Ошибки не наблюдалось: то был старый «опер» Сулимов, крупный спец по части захвата. Это ж надо — какие силы подняли на его берлогу! Ладно, будем на взводе. Сулимов брал его когда-то, много стволов тогда наставили, пришлось выходить. Здорово! Значит, Сулимов живой?!

А это кто там еще рыпается? Ну, мальчишки, вам в такие дела ишло не натикало...

Он посмотрел через щель сараяхи на небо. Дело к вечеру. Вот ведь смех: никому-то он не нужный, и стольким его надо! Это чтоб по новой намотать или под «вершок»? Ну, мотать уж некуда, только ловят больно делово — шутить не станут. Ай-лю-ли!

Ай-лю-ли, Сулимов! Не авторитетно встал под выстрел! Или нарочно — жизнь под кон, чтоб нам себя выдать?

Он бесшумно взвел курок. Старая механика легко и привычно лежала в руке, и сулимовский лоб на прицеле. Юморист, сволочь! Ну, у нас в голове не сено.

Один из молодых — совсем салажонок — высунулся из-за поленницы. Дурашечка.

— Степанов! — обернувшись на миг, резко крикнул Сулимов, но дверь уже вылетела с петель, с громом посыпались мокрые дрова. Сулимов не успел и тяжело упал на поленья.

— Не стрелять!

Всю жизнь он куда-то бежал. Все бежал и бежал. Сначала это было игрой, потом стало работой, теперь — потребностью выжить.

Так бежал он и в этот мокрый весенний день, и вновь гнались за ним — в ненавистной форме и в штатском.

Он мог отстрелиться, но словно забыл о «пушке», бежал напролом, скользил по глине, карабкался по склонам, по молодой яркой траве, грохался оземь, подбрасывал себя и бежал дальше, держа на прозрачный лесок.

Усталость овладела им! Она была во всем, всюду и везде. Усталость от бега всей жизни. Когда-то перебывало дыхание — сейчас задышалась душа. Тело мешало ей, держало и не давало улететь быстрее, чем могло оно, это большое, тяжелое, хрипящее, бухающее ногами, открытое пистолетным стволам тело. Душа билась, просилась вон — оторваться и избавиться от этой ненужной, проклятой обузы. Да, он устал и не мог, не хотел больше бежать. Пришла пора дать душе покой, но он несся вперед к леску — собранным, твердым клинком воли и ненависти — высоченный, белоголовый, в выбившейся рубашке в красный горошек.

Вот и опушка! Добежал! А силы остались где-то там, на дороге, на косогорах, но он бежал — душа вырвалась и волокла тело на буксире, на тонкой нитке...

Вечерело. За ним гнались шестеро, за их спинами корчился раненый молодой курсант. Много раз брали его, и много раз он уходил — в пиджаках, майках, ватниках, плащах, а в этот вечер — белая рубаша в красный горох — выноси!..

Нить меж телом и душой натянулась до боли; и боль была так остра, что тело особо опасного рецидивиста Хлебова стонало — оставь же, хватит, больше не могу, сполна!

Он уходил — не в первый раз, — и тогда главный из шестерых, бледный и уже немолодой, быстро выкрикнул остальным:

— Беглым, на поражение, огонь!

Белая спина запрыгала на «мушке», рванулся палец, и страшная сила порохового огня вышибла в донце маленькую пулю.

Он убежал, но округлая свинцовая капля, просверлив воздух, легко догнала его и вошла в одну из красных горошин...

Много месяцев отец и мать учили его ходить, радовались каждому шагу, и вот маленькая пуля вмиг разучила: он упал, как в младенчестве, рухнул плашмя головой вперед, рябь пошла по его лицу, страшная боль прорезала насквозь, и он так был рад, что не надо больше никуда, вот и все, можно полежать...

Сержант Степанов, разучивший его ходить, был уже близко. Он, умевший выбивать на стрельбах 9 из 10 и гордившийся этим, еще ничего не понимал, еще не видел, что сделал одним движением пальца.

Они подбежали.

— Осторожней!

Но по телу Хлебова уже перекатывались последние буруны, глаза жадно смотрели на подбежавших людей, и такая великая, такая давняя мука... такая безмерная радость была на этом свободном лице.

Пузырилась кровь на его губах. Боль захватывала целиком. Он потянулся к белому небу над собой, лицо сделалось детским, беззащитным и робким.

Последний пузырек лопнул на губах. Ниточка оборвалась.

«Ну вот...» — мелькнула мысль.

Огромная волна выкатилась на берег, подхватила и унесла, вернула его в свою глубину, и остался на опушке весеннего леса прекрасное мужское тело с отрешенным лицом.

И страшно было сержанту Степанову смотреть в это лицо, и не знал сержант Степанов, зеленый паренек, что он-то и был тем **добрым человеком**, который так долго проходил мимо, но вот — успел.

Лицо Хлебова делалось все спокойнее, а Степанову становилось все хуже. Он видел ускользящее, уходящее, детское лицо в кровавых пузырях и торопливо говорил себе, что все нормально, все правильно и только так должно быть, что лежащий на земле человек — изверг, зверь, которого давно по ошибке носила земля, что собаке собачья смерть, что...

И все же Степанов чувствовал, что в этот вечер сделалось такое, чего никогда не должно было быть, что не хотел он неподвижности человеку, легко и сильно бежавшему по земле и видевшему лес... И жалость, то ли к себе, то ли к этому... внизу... все сильнее охватывала его горло. Он глотнул воспаленным ртом свежий влажный воздух распускающегося леса. Было тихо. Где-то в ветвях высвистывала птица. Прощумел далекий самолет. Все были бледны, и на лицах застыло общее, неприятное, будто пристыженное выражение. И это смущение перед чем-то, что было неизмеримо больше их самих, мешало встретиться глазами.

Видя такое, Сулимов пробил тишину негромким голосом:

— Отбежался, г-гад!..

Но Степанов будто не слышал. Механически сунул он пистолет под мышку и побрел в глубь леса. Его мутило.

— Сержант Степанов! — крикнул Сулимов. — Ты что-о?!

Тот не отозвался. И Сулимов, вспомнив первый свой труп лет двадцать назад, крикнул громче и злей.

— Чего разнюнился?! Не знаешь, кем он был?! Дьявола кончил, ясно?!

Он понимал: не для Степанова слова — для остальных. Но все молчали, даже не пробовали закурить. На земле лежал человек. Раскинулось тело редкой силы, на которое охотились давно и упорно. Зачем жил он, кем был в пути, куда так неистово спешил?.. Сюда, в этот лесок?.. Тридцать восемь лет был он на земле и почти тридцать прожил злодеем. Кровью пометил свой след. Но жаль! Все равно жаль души, жаль мощи сердца, жаль воли и ума, жаль... Какая горькая насмешка!

Страшна смерть живым, и тяготятся живые подле мертвых. Синели на побелевшей руке Хлебова три слова: «Отбежалось, отпрыгалось, отпелось» — не нужная больше никому розыскная примета. Не прихотила к охотникам радость. Один он праздновал свой покой, и не было никого, кто заплакал бы о нем, ни одной далекой или близкой души.

Сержант Степанов шел за другими как оглушенный, зная, что непоправимо нарушена его связь со всем, что любил, и не знал он, как встретит завтрашнее утро, в один миг поняв впервые и до конца, что такое война.

Сулимов больше не покрикивал на него. Это он, Сулимов, провел неудачную операцию и ругал себя всякими словами. Мертвого тащили вчетвером, пока не вышли к вездеходу. Тело кинули в кузов и набросили мешковину. Взобрались под тент и поехали в город. Степанов смотрел на убегающую мокрую дорогу.

— Ну, все, все! — сказал Сулимов. — Ты бы лучше о Муртазине подумал — выживет ли.

— А? — очнулся Степанов.

— Сейчас в управление, говорю, приедем, рапорт напишешь. А хочешь, давай завтра. Я тоже завтра подам.

Сулимов смотрел на Степанова, но думал не о нем. «Странно, почему он не стрелял? Оружие заклинило?..»

— Степанов, слышь, что говорю? — Он похлопал его по коленке.

Степанов кивнул.

Сергей
РЫБАКОВ

НМ

«Неубитая земля» назывался первый «сменовский» фоточерк о трагедии в Армении, опубликованный в нынешнем январе. Да, земля эта древняя, мужественная и прекрасная жива! Полнится цветением, которое не в силах приглушить чернота развалин. Дышит, возрождается, собирая себя по камешку...

Есть у строителей такое понятие — нулевой цикл. В него входят работы, выполняемые до нулевой отметки: выемка грунта, бетонирование и армирование — закладка фундамента. Мы чаще говорим о квадратных метрах, том или ином виде планировки. Нас мало волнует состав бетона. Мы доверяем строителям. Верим их профессионализму и мастерству до тех пор, пока стоят дома наши. Верим

ли и ленинаканцы. Спитакцы верили...

«Нулевой цикл» — озаглавили мы этот очерк, имея в виду не только строительную специфику.

ИЗ СПРАВКИ, ПОЛУЧЕННОЙ В ГУВД г. ЛЕНИНАКАНА: По городу Ленинанкану до землетрясения насчитывалось: 13 264 дома, 43 660 квартир, 45 школ, 63 детских дошкольных учреждения.

В результате землетрясения разрушено полностью и подлежит сносу 543 жилых дома государственного сектора и 829 домов — индивидуального... Всего по городу разрушено 1328 тысяч квадратных метров жилья, где проживало 27 тысяч семей...

Сегодня Армении помогает вся страна. Это не красивые слова — ре-

альность. Только на восстановлении дошкольных учреждений заняты строители Минсевзапстроя, Минюгстроя, Минуралсибстроя, Росгразданстроя, Мосстройкомитета, Ленинградстроя, Казахстроя... Так же и на строительстве жилья, промышленных предприятий. Во второй половине мая строительные работы были начаты на 124 жилых домах. Бетонная подготовка под фундаменты выполнена на 34; 15 домов находились на стадии завершения нулевого цикла, на двух работы велись выше «0», на 80 — армирование.

Много это или мало?

Немало, если учесть, что строительство нового жилья развернулось на местах страшных развалин, которые нужно было разобрать, вывезти. Немало, если не забывать

обходимо было создать нормальные условия для строителей...

Сегодня у сибиряков есть многое из того, чего так не хватает другим: своя почта, столовая, баня, магазин, поликлиника. Они, можно сказать, готовы, чтобы принять и строителей (а к концу года их только из Сибири здесь будет 12 тысяч), и их семьи. Уверены: и женам работа найдется. Для детишек — и русских, и армянских — открывают семейные ясли-сад и школу, подумывают о курсах разговорного армянского языка... «Вместе живем, вместе строим, значит, и язык у нас должен быть общим», — сказал заместитель начальника объединения Анатолий Бенимецкий.

Говорят, беда сплачивает людей, делает их ближе.

Наверное, это так. Но не все здесь так просто и однозначно. В «процессе сплачивания» вдруг обнаруживаются порой точки «неконтакта». И мне, пусть приезжому, пусть не знающему местной специфики, тем не менее не понятно, какие могут быть разногласия у городских властей Ленинанкана и сибирских строителей, предлагающих открыть школу в одном из жилых модулей; и кому нужен миллиардный счет в рублях и твердой валюте, если малыши из детского сада «Звездочка» в том же Ленинанкане недополучают ежедневно по 100 килокалорий, и не уразумею, отчего в нашей громадной стране не найдется несколько тысяч мест в пионерских лагерях для детей из Армении...

...С Ашотом Петросяном, первым секретарем Ленинанканского горкома комсомола, поговорить как следует не удалось. Нас то и дело прерывали входящие в тесную подвальную комнату люди — дети, подростки, мужчины, женщины, старики.

Отутюженный костюм, белоснежная сорочка, галстук — в данном случае не «аппаратная форма» первого, а как бы своеобразный гарант спокойствия и надежности; все еще образуется, станет на свои места...

Ашот говорит медленно, сдерживая себя:

— Сейчас в городе 15 тысяч школьников. Наша задача: вывезти их на лето в пионерские лагеря страны. На сегодня (мы говорили 18 мая. — С.Р.) нам выделили около 8 тысяч мест. Куда девать остальных — неизвестно...

В Спитаке тамошний первый секретарь райкома комсомола Грайр Корухян, когда речь зашла о детях, не выдержал:

— Ты записывай, записывай!.. Я скажу...

Я включил диктофон. «Ребятам, которые потеряли только мать или только отца или не потеряли родителей — нет путевок ни на какие курорты... А ведь многие из них по 3—4 дня провели под руинами, боролись со смертью. К какой категории их отнести — вы мне объясните, пожалуйста! Они виноваты, что их родители остались живы — так получается?!.. Мне собираются объявить на бюро выговор за то, что я хочу отправить из Спитакки на отдых тех ребят, которым, понимаешь, не положено...»

ИНФОРМАЦИЯ АРМЕНПРЕСС: Со счета № 700412 «Фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении» по состоянию на 1.05.1989 г. снято и израсходовано 453 654 тыс. руб. В Ереванском городском управлении Внешэкономбанка СССР для оказания помощи пострадавшим от землетрясения имеется 18 452,5 тыс. инвалютных рублей, из коих — 14 767,4 тыс. руб. в свободно конвертируемой валюте.

СВОЙ ЦИКЛ

Был дом... Была семья...

о том, что строительная техника, практически все стройматериалы доставляются в Армению бог весть откуда. Немало, потому что приезжие строители (вместе с пожелавшими работать с ними армянами) не уходят со стройплощадок по 12 часов.

И все-таки мало...

Ведь даже при обеспечении ввода в эксплуатацию восстанавливаемых детских садов город будет испытывать дефицит в 5 тысяч мест. Девять школ, что отстраиваются сейчас, рассчитаны лишь на 4350 мест. (А нужно 32 тысячи!) Даже при выполнении плана ввода жилья в 1989 году с учетом установки 5 тысяч домиков и строительства 3 тысяч индивидуальных домов, восстановления 2 тысяч государственных квартир 10 тысяч семей в Ленинанкане остаются без крова.

ИЗ БЛОКНОТА: «Так уж устроен человек: в первое мгновение подумав о детях, семье, родственниках, уже в следующее обеспокоен судьбойжитого скарба. Думал об этом всякий раз, останавливаясь у наполовину разрушенных домов. Иногда ведь разлом проходил так, что одна половина комнаты превращалась, обрушиваясь, в ничто, а другая — с мебелью, книжными полками, сервантами-сервизами и т.д. — стоит себе как ни в чем не бывало. На третьем, на пятом ли этаже... Так вот: ничего из уцелевшего скарба хозяева не бросили: сами лазали по обвалам, студентов упрасивали, спасателей — как откажешь?»

Проектно-строительное объединение «Уралсибстрой» поначалу ходило в «критикуемых». На многочисленных заседаниях, планерках и летучках им доставалось за то, что они с самого начала занимались только двумя вопросами: разбирали завалы — это первое — и создавали социально-бытовые условия для себя. На перспективу, Сегодня, спустя полгода после катастрофы, «Уралсибстрой» едва ли не единственная строительная организация в Ленинанкане, чуть ли не вдвое перекрывающая месячный план и имеющая при этом мало-мальски нормальные бытовые условия.

— Нам было ясно, что приехали сюда не на 2 года, — говорит главный инженер объединения Леонид Полонский. — И, прежде чем построить новое жилье для ленинаканцев, не-

беда — нет в живых дочери, внуков, племянников.
 — В первом полугодии строители должны были сдать около 3000 квадратных метров жилья. Наверное, не сдадут...
 — Почему?
 — Не хватает материалов, нет внутриквартальных коммуникационных проектов, сметной документации... Если работать, как сейчас, такими темпами, то, конечно, за два года ничего не сделаем...
 Возвращаюсь к беседе в ГУВД Ленинканана.
 Сразу после землетрясения резко возросла преступность... Кражи, хищения... Сейчас рост этот прекратился, сошел на нет. Убийств, изнасилований, других тяжких преступлений

Не все решает техника.

Новгородцы «обустроились»...

Нулевой цикл...
 Каким будет здание?

Может, пощастливится им пожить в пионерлагере?

Мы говорили об этих немалых деньгах с комсомольскими работниками. Может быть, наивно, но я спрашивал: неужели нельзя часть их истратить на то, чтобы обеспечить летний отдых всем ребятам из зоны бедствия? Комсомольцы этого тоже не понимали. Да и как понять: деньги вроде бы есть и одновременно вроде их и нет. «Висит груша — нельзя скушать»?

...Граир Корухчан поспешил в свой вагончик. Там вместе с ним разместился весь аппарат райкома — 15 человек. У них много работы: и с людьми, и... с бумагами. До 1 июня Спитакскому райкому предстояло отчитаться перед вышестоящими организациями по пятнадцати (!) формам. Не знаю, успели ли?..

Лукаш Арташезович Аристакесян — счастливый директор школы. И не только потому, что уцелели все самые-самые близкие. В другом причина. Немногим, очень немногим из 45 директоров ленинканских школ повезло так, как ему: устояло здание школы-интерната № 5.

Сейчас ребята учатся в палаточном городке, что подарили им сотрудники МВД.

— Ну, ничего, — говорю, — не за горами каникулы, а там, смотришь, в новое здание переберетесь.

— Нет такой уверенности, Сергей-

джан, что 1 сентября новая школа будет, — сказал директор. — Не знаю, кто решил, что за два года можно построить новый город...

ИЗ БЛОКНОТА: «Старого солдата, участника Великой Отечественной Аветика Алексаняна мы встретили у его вагончика. Он молча распахнул дверь своего временного жилища, приглашая войти. На стенах развешаны фотографии — сына, четырех внуков. Аветик пережил их, и теперь эти фотографии — все, что у него есть. Так и живет среди своих дорогих, навсегда замолчавших мальчиков».

Помните хронику тех декабрьских дней? Осунувшееся, напряженное, с блестящими от усталости глазами лицо Николая Ивановича Рыжкова. Много, очень много тогда делалось силой его авторитета, компетентности.

Но премьер страны не всесоюзный прораб. Вопросы — от гвоздя до автокрана — не единственные в круге его забот.

Уехал премьер, спало жесткое напряжение. И выяснилось, что многие хозяйственники, от мастера до министра, не тянут. Так неужто не можем без «погонялки»?

Стихийное бедствие, как это уже не раз бывало, сдвинуло, перемешало не только земные недра. Обнажило не одни лишь вековые корни, но

и всю нашу бесхозяйственность, преступную неадекватность, головотяпство. Сколько сил, средств нынче брошено сюда!

Так почему же так медленно продвигается дело? Сейчас-то что мешает?!

...В Спитаке, среди груд битого камня, вся жизнь, похоже, развернулась вокруг нескольких десятков вагончиков, в которых разместились райкомы партии и комсомола, городские организации и учреждения. На одном из вагончиков вывеска: «Кабинет политпросвещения». Многочисленные плакаты призывают не вести беспорядочной половой жизни, тщательно мыть фрукты и овощи... Зачем эта «наглядная агитация» здесь?!

С известным всей стране первым секретарем Спитакского райкома партии Нориком Мурадяном нам поговорить не удалось, он был занят с делегацией из ФРГ: немецкие специалисты помогут переработать и использовать промходы; концерн «Просайг» займется созданием компактных установок для очистки питьевой воды, очистных сооружений для канализационных стоков...

Разговариваю с Сергеем Самсоновичем Григоряном, вторым секретарем райкома партии. Его, как и большинство спитакцев, не обошла

по Ленинану не зафиксировано. Но — другая напасть...

Мнацакан Карпетович Варданян, заместитель начальника Ленинанского ГУВД, вздохнул и поделился со мной новостью. А она, новость эта, действительно из разряда необычных. Во всяком случае, для Армении: в городе открывается первый в республике... медвытрезвитель. На 20 мест.

ИЗ БЛОКНОТА: «Эту ленинанскую старушку я заметил сразу. В сером халате, в сером же платке, повязанном так, что лица не разглядеть, она и в последующие дни встречалась мне на улице Ширакаци. Ни на кого не обращая внимания, согнувшись в три погибели, она работала заступом — соскребала спрессованную коросту мусора у бордюров. И таким бессмысленным, безрезультатным в этом вселенском запустении казался ее подвижнический труд! Но как старалась она...

Однажды я подошел, поздоровался, отвлек... Рот, нос — все скрыто платком, этакий самодельный респиратор. Только глаза из-под пыльных век. Посмотрели друг на друга с минуту, она что-то проворчала по-армянски и снова взялась скрести. То ли не знала по-русски, то ли не хотела говорить. «Наверное, ей не о ком и не о чем больше думать», — решил я.

...Раньше здесь было село Ширакамут. Сегодня — горы строительного хлама.

— Работаем на старой технике, — говорит бульдозерист Николай Бородин. — К первому апреля еще обещали прислать новую — до сих пор ждем. У нас тут клич бросили: «За 2 года отстроим Ширакамут!» С такой работой мы, конечно, ничего за этот срок не сделаем.

Некоторые хозяйственники исхитрились «сбегать» в зону бедствия откровенно негодные машины и механизмы. От многих руководителей довелось слышать сетования по поводу того, что среди вновь присылаемых людей все чаще и чаще встречаются... как бы поточней выразиться, чтоб не обидеть, — те, без кого можно безболезненно обойтись дома. (Вернувшись из Чернобыля, сопоставляя сообщения прессы с собственными заметками, я убедился: как только схлынула первая, самая жгучая волна горя, сострадания всенародного, хитрованы-руководители начали командировать в «зону» кого попадая, от кого желательно было избавиться. Похоже, история повторяется?)

...В расположении полка гражданской обороны зеленеют 64 молоденькие елочки: на счету воинов этого полка 64 спасенные человеческие жизни.

— Мы бы, конечно, могли и больше спасти, — говорит начштаба майор Александр Кужим. — Но посудите сами: в декабре на всех воинов гражданской обороны у нас было всего 5—6 автокранов. А тогда именно автокраны и были главными спасателями... Мы достаточно поднатерели в «преодолении нечеловеческих трудностей», у нас действительно на высоте героизм в «экстремальных ситуациях», но ведь мы уже до такой степени насмотрелись в глаза смерти в мирное время, что, казалось бы, хватит, хватит, хватит! Но трагические уроки следуют друг за другом со злобещей методичностью.

«Адмирал Нахимов», Сванетия, Таджикистан, Арзамас, Армения, Башкирия... Что дальше?! До каких пор мы будем восхищаться спасателями из маленькой Швейцарии или Норвегии и, опустив очи долу, признаваться в собственной преступной нерасторопности?

Спасая, пилим без обезболивания руки. Не имея крохотных, но сильных домкратов, ворочаем кранами плиты, из-под которых еще слышны голоса...

...Наши с майором Кужимом пути-дороги перекрещивались в Чернобыле. Теперь вот Ленинан. Неужели будут еще встречи?! Прощаясь, мы не сказали друг другу «до свидания».

ИЗ БЛОКНОТА: «В выходной день с местным провожатым поехали на кладбище. Горькая картина — что тут говорить... Сотни и сотни свежих могил. Повсюду кипит работа: одни рубят камень старого надгробия, другие ровняют малко просеянную землю. На фоне этого скорбного труда выделялась группа женщин. Все, кроме одной, одетой в черное, молчали. Не говоря ни слова, они сопровождали свою почтенную спутницу. А та, выбирая из страшного множества похожих холмиков нужный, подходила к нему, падала сперва на колени, а потом и грудью ложилась на ссохшиеся комочки земли. И замирала. От могилы к могиле, из ряда в ряд долго переходили они...»

Накануне отъезда из Еревана заглянули в мастерскую известного армянского скульптора Фердинанда Аракеяна. Рассказали, что видели на ленинанской гостинице «Ширак» — одном из уцелевших зданий — выполненные им барельефы. «Да, да, я знаю, видел, — негромко говорит Фердик. И, думая о своем, добавляет: — Сейчас очень много работы, очень много хачкаров делаем... Но надгробные кресты не главная работа. Надо думать о том, как снова сделать наши разрушенные города красивыми. Это наша земля, нам жить тут!»

Фото Сергея ВЕТРОВА

ОХОТА НА ПРОКУРОРА

кой победе. Но радость оказалась преждевременной. Через полгода, по указанию Медунова, приговор опротестовали и отправили дело на дополнительное расследование. Свидетели отказались от своих прежних показаний. Поступило указание провести экспертизу и проверить, откуда на руках Арутюняна взялся краситель, которым поместили денежные купюры. Выдвигали новую версию — с рук взяточдателя. Авторы «версии» допускали, что преступник в течение полугода не мыл рук и ждал, пока решат провести такую экспертизу... Ставилась заведомо невыполнимая задача. Дело было прекращено. Арутюняна восстановили в партии и назначили заместителем директора ресторана.

Костюк сообщил о случившемся в Москву. По указанию заместителя прокурора республики Н. Трубина

Начало 70-х.
Краснодарский край,
Брежнев и Медунов
(справа).

Май 1979 года.
Старший советник юстиции
Петр Кузьмич Костюк.

Он же. Май 1989-го.

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА и Юрия КЕЛЬДИНА

Николай ЗАЙКИН

Год 1964-й. Вызов в Москву, в Прокуратуру РСФСР, и неожиданное предложение: переменить место работы. Вместо должности прокурора Магнитогорска предложили должность прокурора города Сочи.

«Местные власти просят туда такого, как ты, — настаивало руководство. — Да и сам понимаешь, Сочи есть Сочи».

Петр Кузьмич Костюк это понимал, но отказываться стал сразу. «Да ты хоть съезди, посмотри».

Костюк съездил. То ли черноморское лето оказалось не в меру ласковым, то ли беседа с первым секретарем горкома партии Медуновым показалась интересной, но по возвращении он дал согласие...

Работы не боялся — сказывалась фронтальная закалка. Его «год» в полном составе защищал Родину. В сорок четвертом вступил в партию.

В первое время после переезда в Сочи серьезных столкновений с местными властями не было. Но потом ситуация стала меняться. Совершили, к примеру, несколько милиционеров преступления — их привлекли к уголовной ответственности. А Медунов упрекает: для пользы дела, мол, лучше было бы не раздувать скандала; зачем наносить вред авторитету милиции, да и всему городу?.. Стал прокурор следить, чтобы решения исполкома строго

соответствовали требованиям закона, — обвинили в покушении на авторитет местных властей. Уже тогда были первые попытки скомпрометировать Костюка, «предупредить», чтобы не зарывался. Так, однажды на партактиве один из выступавших вдруг заявил, что прокурор города получил взятку...

«Краснодарско-сочинской мафии» еще не существовало. Ее будущие лидеры пока только набирали силу, шли к настоящей власти. В конце 60-х переехал в Краснодар Медунов и, поработав председателем крайисполкома, стал первым секретарем крайкома. Наступали его времена...

Надо было делать выбор: или отступить, закрывая глаза на многое, или продолжать бороться за справедливость.

Выбрав второй путь, Костюк не остался в одиночестве. Заместителя начальника Сочинского управления внутренних дел по оперативной работе А. Удалова компрометировали, уволили, исключали из партии, возбуждали против него уголовное дело. А он выстоял. Не отступил и Костюк. Хотя быстро понял, с какими силами он столкнулся.

В поселке Лоо жил некий Арутюнян. Он купил дом в Сочи. Стоимость дома и должность директора столовой, которую он получил, по оперативным данным, исчислялись 100 тысячами. Честные работники ему явно мешали; под всякими предлогами он стал от них избавляться. Новых людей принимал за

взятки, с оставшихся требовал деньги. Новоявленный князек терял чувство меры. В результате его взяли с поличным, прямо на рабочем месте, в присутствии трех свидетелей. Он пытался выбросить меченные красителем купюры, но свидетели заметили и это. Закончилось следствие. Дело стопроцентное, доказанность обвинения ни у кого не вызвала сомнения. Арутюнян обвинялся в систематическом получении взяток. По этой статье в числе других наказаний предусматривалась и смертная казнь. Поэтому дело должен был рассматривать краевой суд, а обвинительное заключение предстояло утверждать в прокуратуре края.

И вдруг дело оттуда вернули. Поводом были мелкие формальности. Их устранили. И снова отказ. И так — три раза. Костюк позвонил в прокуратуру края, спросил: что это означает? Ничего особенного, дал понять начальник следственного отдела Кекало, просто краевое руководство не хочет, чтобы дело попало в суд. Видно, не забылись услуги Арутюняна при устройстве банкетов в Лоо, которые так любили руководители Сочи.

Что оставалось делать прокурору? Он пошел на тактическую уловку: вынес постановление о прекращении дела по всем эпизодам взяток. Кроме одного! Таким образом, получил право сам утвердить обвинительное заключение и направить дело в суд. Был вынесен приговор — четыре года лишения свободы. Костюк радовался этой малень-

в Сочи командировали следователя из Новосибирска. Тот возобновил следствие, тщательно все проверил и, предъявив Арутюняну обвинение в первоначальном объеме, немедленно его арестовал. Взятчика снова уволили, исключили из партии и осудили.

Чем стал этот обвинительный приговор для прокурора Костюка — победой или началом поражения? Председатель партийной комиссии крайкома Карнаухов написал справку о том, что Костюк вводил в заблуждение горком, представлял неверную информацию по делу Арутюняна. В особую вину ставилось, что прокурор сам допрашивал свидетелей (в чем нет никакого криминала) и присутствовал на допросах обвиняемого (и правильно, скорее всего, делал). Последовало приглашение на бюро горкома.

Александр Трофимович Мерзлый, секретарь Сочинского горкома по идеологии, курировал и работу правоохранительных органов. Он был давним любимцем Медунова. В 1969 году Медунов даже приказал изменить протокол счетной комиссии на отчетно-выборной городской комсомольской конференции, где Мерзлого провалили на выборах, и желанный пост комсомольского вожака был сохранен за Александром Трофимовичем. А когда Медунов стал властителем края, Мерзлый и его жена, работавшая в общепите, развили бурную деятельность по сбору урожая взяток, что в итоге обошлось каждому из них в пятнадцать лет лишения свободы.

Но это — в будущем. А пока он снимает с повестки дня бюро горкома вопрос о прокуроре и приглашает Костюка к себе.

— Не хочешь ты, Петр Кузьмич, себе и своим близким добра,— покачал головой Мерзлый,— а ведь мы с тобой об этом уже говорили.

Такой разговор действительно был. Костюк располагал информацией о преступлениях Мерзлого. Отлично понимая, что сам ничего с ним сделать не сможет, решил написать в ЦК КПСС. Но письмо попало к Мерзлову. Узнав об этом, он пошел в горком. Мерзлый ждал, будучи уверенным, что прокурор впредь постарается избегать подобных поступков. Потому и разговор повел доброжелательно: за письмо, мол, не сержусь, кто глупостей не делает; да и что толку от этих писем, если они все равно ложатся ко мне на стол. Откры-

го санатория и других. Настала очередь Воронкова. Вот тогда Костюк позвонил Найденову и сказал, что было бы лучше, если санкцию на арест мэра города даст кто-нибудь другой... Найденов согласился. В это время абоненты из Краснодара обрывали телефоны, требуя информацию «для самого Медунова». Ответ слышали один: обращайтесь к Найденову.

Этого Костюку не простили. Не смог помочь и Найденов, ему самому оставалось пробить на своем посту совсем немного.

В следующий за Воронковым «слой» преступников входил сам Мерзлый, а с ним и председатель партийной комиссии Карнаухова. С их режиссурой и непосредственным участием ставился спектакль: по сценарию получалось, что правоохранительные органы терроризировали честных партийных и совет-

Примерно в то же время, осенью 1981 года, на пленум Сочинского ГК КПСС выносятся вопросы об улучшении работы с кадрами и усилении борьбы с правонарушителями в торговле и общепите. Медунов, почтивший своим присутствием пленум, горячо одобрил повестку дня, назвал обсуждаемый вопрос «важным и острым». Затем похвалил партию и лично Леонида Ильича Брежнева за заботу о советском человеке. Правда, заметил он, в отношении работников торговли города оказалось возбуждено около девяти сот уголовных дел по фактам хищений и взяточничества. «...Это объективно привело к тому,— продолжал Медунов,— что сложившейся обстановкой воспользовались всякого рода антисоветчики, клеветники и демагоги... Эта группа завела досе на ответственных работников города Сочи и края, установила связи с диссидента-

обвиняемого. Костюку объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Он апеллирует в горком. Ответа нет. Проходит месяц. Костюк звонит первому секретарю, тот возмущен: «Указывать нам?!» Собирает бюро и предлагает... исключить Костюка из партии. Проголосовали единогласно.

За Костюка пытались заступиться заместитель прокурора республики Н. Горшенева и прокурор края А. Шинкарев. Первый секретарь горкома Гавриленко ответил им: пусть Костюк покается, тогда, может быть, и пересмотрим решение. Но Петр Кузьмич написал заявление о восстановлении в партии на XXVI съезде, потом в КПК при ЦК КПСС. Снова — комиссия крайкома, знакомая фамилия Карнаухова и новая — Осокина, инструктора отдела административных органов крайкома. Они решили подобрать столько компро-

тым же текстом предложил жить в дружбе, чтобы всем было хорошо.

Теперь же, видя, что прокурор оказался несговорчивым, Мерзлый решил, что дальше тянуть не стоит. Костюк становился опасным. Тем более, уже арестовали председателя Сочинского горисполкома Воронкова.

Арест Воронкова аукнулся громко для многих. Это сейчас мы не удивляемся, когда порой под стражу берут милицейских генералов, министров, секретарей обкомов... То время было иное. Но уже из дела Воронкова становилось видно, что ниточки тянутся на самый верх.

Следственная группа под руководством заместителя Генерального прокурора СССР Виктора Васильевича Найденова раскручивала дело, известное под названием «Океан». Найденов хорошо знал Костюка и доверял ему. Перед началом работы следственной группы в Сочи между ними состоялся разговор.

Найденов попросил Костюка помочь — выделить трех надежных следователей и по мере надобности решать вопросы об аресте тех, в отношении кого будут доказательства преступлений. Найденов подчеркнул: информация по этому делу не должна никуда уходить. Даже в краевую прокуратуру.

Следственная группа работала слаженно. Вскоре Костюк дал санкции на арест директора магазина «Океан», его заместителя, директора базы Мясорыбторга, начальника гаража совминовско-

ских работников, а сами грубо нарушали закон, поэтому-де и росла преступность.

Расправились с заместителем начальника Сочинского УВД Удаловым. Тому пришлось уехать из города. Мерзлый нагнетает атмосферу, убеждает редактора городской газеты «Черноморская здравница» в том, что в Сочи есть антисоветчики, которые клеветают на партийные и советские органы, и он готов дать для публикации соответствующие материалы. Мерзлый всеми способами собирал компромат на неудобных ему людей.

По его предложению, некий Чернокондратенко, работавший прежде секретарем Хостинского РК ВЛКСМ, опустивший человека, уже привлекавшийся к уголовной ответственности, подготовил своих бывших сокамерников написать в крайком письма и обвинить работников милиции и прокуратуры в применении недопустимых методов следствия. Комиссия крайкома во главе с Карнауховым быстро «проверила» и подтвердила факты. Здесь они даже переборщили, поскольку пришлось возбуждать уголовное дело. Когда старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. Париц приступил к расследованию, выяснилось, что власть имущие обещали Чернокондратенко добиться отмены его приговора, восстановить в партии, дать выгодную работу. В результате незадачливый лжедоносчик получил семь лет лишения свободы.

ми Сахаровым, Медведевым, передавала для публикации в иностранной прессе враждебные материалы с целью компрометации нашей советской действительности... На ваших глазах отдельные работники органов прокуратуры и МВД, опираясь на сомнительные источники информации антисоветчиков... проводили линию на компрометацию партийных и советских органов города, нарушали социалистическую законность...

Взять, к примеру... нашу шумевшее «дело Мерзлого». В каких только тяжких грехах его не обвиняли, чего только не писали и не говорили о нем!.. По нашему письму принято постановление ЦК, была создана комиссия... Комиссией не установлена причастность Мерзлого к продвижению в корыстных целях по службе ряда работников, не подтвердилось содействие им в приеме в партию недостойных людей, не удалось получить достаточно убедительных доказательств того, что Мерзлый брал взятки...»

Речь прерывалась бурными аплодисментами.

С июля 1979 года Костюк уже не прокурор города, его переводят в Сочинскую транспортную прокуратуру. Карнаухов готовит очередную справку, где обвиняет Костюка в нарушениях законности по двум уголовным делам, в том числе и по делу Арутюняна. В ней упоминается и «низкий надзор», и подача неправильной информации в партийные органы, и необоснованный арест

та, чтобы вопрос о прокуроре уже никогда не возникал. Чтобы прикрыть свои длительные командировки в Сочи, Осокин жил в санаториях под вымышленной фамилией. Вот что показал позднее на следствии бывший начальник Сочинского территориального совета по управлению курортами профсоюзом Кибзун: «О своей работе Осокин ничего не рассказывал, подчеркивая, однако, что он выполняет сверхсекретное задание, напускал на себя таинственность. В отдельные периоды он просил оформить его под фамилией Алексеев. На вопрос, зачем ему это нужно, отвечал, что хотел бы находиться в Сочи, не привлекая к себе внимания».

Внимания он не хотел привлекать и когда «обрабатывал» по одному работников прокуратуры города. Помощнику прокурора Арефинкиной — для конспирации — назначил встречу в двух часах езды на электричке от Сочи и беседовал с ней целый день. Он очень удивился, что Костюка все хвалят. Когда Арефинкина письменно изложила ответы на все вопросы, он предлагал ей посидеть и подумать, многие места переписать. Но так ничего и не добился...

Тем не менее комиссия достигла своей цели, взяв за основу нарушения в учете материалов бывшим следователем Кормилицыным. Его обвинили в халатности, а Костюка — в отсутствии контроля за ним. Когда Кормилицына собирались исключить из партии, заведующий орготделом горкома Лившиц

предлагал ему «обмен»: если хочешь, чтобы тебя не исключили или потом быстро восстановили, напиши, что во всем виноват Костюк. Но «обмен» не состоялся.

Охота на прокурора продолжалась. Медунов несколько раз предлагал новому прокурору края Б. Рыбникову возбудить против Костюка уголовное дело. Не за что, отвечал Рыбников. А я легкие задачи не ставлю, парировал Медунов. Карнаухов требовал возбуждения уголовного дела от заместителя начальника управления кадров прокуратуры республики В. Макаровой. Не получив согласия, тоже возмутился. Это очень удивило работников прокуратуры республики. Но еще больше удивилась В. Макарова, когда ей по кремлевскому телефону позвонил Голиков, помощник Брежнева, и спросил о результатах командировки в Сочи. Она поняла: в Краснодарском крае очень недовольны выводами в отношении Костюка, о чем сообщено в Москву...

«Старшего советника юстиции Костюка Петра Кузьмича с должности Сочинского транспортного прокурора Северо-Кавказской транспортной прокуратуры снять». (Из приказа прокурора РСФСР от 19.01.1981 г.)

Костюк едет в Ростов-на-Дону и приступает к работе заместителем начальника следственного отдела Северо-Кавказской транспортной прокуратуры. Хотя, если быть точным, начать он не успел, его вызвал прокурор и сказал, что звонил первый секретарь обкома, считающий, что присутствие Костюка здесь нежелательно...

Куда податься? Конечно, в Москву, уж там-то не достанут! Пристроился опальный прокурор в Московскую транспортную прокуратуру. Работники Прокуратуры РСФСР пошли на дополнительные меры предосторожности: чтобы «запутать следы», тут же был издан приказ о назначении Костюка помощником транспортного прокурора в Йошкар-Оле. А через четыре дня послали туда телетайпограмму об откомандировании Костюка обратно в Москву, хотя из нее он никуда и не уезжал. Но несмотря на все эти ухищрения, люди Медунова нашли Костюка и тут. Пришлось ехать на Север. В Архангельске предложили работу помощника районного транспортного прокурора. Пришлось согласиться, хотя на такую должность обычно назначают выпускника юрфака, а не старшего советника юстиции с тридцатилетним стажем работы.

Все это понимали. Не потому ли командир объединенного авиаотряда в Нарьян-Маре и предложил вдруг Костюку должность начальника штаба, на что тот неожиданно согласился... Прижился, с коллективом сработался, организовал образцовую народную дружину. И тут узнал, что сняли Найденова...

Наступил 1984 год. Восстановили на работе Найденова. Он стал хлопотать о реабилитации Костюка, но не успел ничего добиться.

Между тем истек трехгодичный срок договора. Петру Кузьмичу исполнилось шестьдесят, пенсию заработал, и он решил вернуться в Сочи к семье, для которой эти годы были не сладкими.

Без дела сидеть не мог, решил устроиться на работу. Но никуда не брали. И только директор местного «Вторсырья» взял его к себе рабочим.

Уже возвращаются в Сочи те, кого арестовывал прокурор Костюк. Вернулся и Воронков.

У остальных действующих лиц судьба сложилась по-разному.

Виктор Васильевич Найденов умер 2 июня 1987 года — инфаркт.

Медунов живет в Москве, по-прежнему Герой Социалистического Труда, хотя в 1989 году исключен из партии.

Карнаухов и Мерзлый отбывают наказание за взятки.

Бывший прокурор Сочи, заслуженный юрист РСФСР Костюк работает во «Вторсырье» и апелляциям о восстановлении в партии больше не пишет.

Не верит в справедливость.

Ленинградский филиал «Русское видео» совместно с английской «Антилоп филмз лимитед» заканчивает съемки художественного фильма «Борис Пастернак». Финансируют производство и прокат «Видеофильм» (СССР) и западные телекомпании «Ай-Ти-Ви» (Англия) и «Вз-Дэ-Эр» (ФРГ). В плане намеченных ЮНЕСКО культурных акций к столетию Бориса Пастернака, которое будет широко отмечаться во всем мире в январе 1990 года, этот художественный фильм — единственный.

Марк ГРИГОРЬЕВ

У времени в плену

О чем же фильм? Сценарист, он же режиссер, Андрей Некрасов попытался вплести судьбу Пастернака в сюжетную канву романа «Доктор Живаго», совместить нравственные искания литературного героя с теми вопросами бытия, на которые всю жизнь пытался ответить автор романа. Читая сценарий, я убедился, что фильм потребует от зрителя большого напряжения, способности ассоциативного мышления и философского постижения смонтированных эпизодов и сцен. Так что заранее можно сказать: картину вряд ли ожидают кассовость, массовость и легкая экранная судьба. Однако, насколько можно судить по моим продолжительным беседам с Андреем Некрасовым, режиссер ставил перед собой совсем иные цели.

Андрей Некрасов. Искусство создается не творцом, а действительностью. «Будучи замечена, природа расстается послушным простором повести, а в этом состоянии ее, как сонную, тихо вносят на полотно», — написал Пастернак в «Охранной грамоте». Пастернак да и Юрий Живаго, каким представил его автор, постоянно чувствовали свое существование в историческом пространстве. История для них — это то, что ежесекундно происходит с каждым человеком, а не только мощные и многолюдные повороты событий...

Андрей Некрасов представляет в творческой группе английскую фирму «Антилоп филмз лимитед». Он родился и жил в Ленинграде. В романе Пастернака Юрий Живаго так объяснял друзьям свое состояние: «Нельзя без последствий для здоровья изо дня в день проявлять себя противно тому, что чувствуешь; распинаешь перед тем, чего не любишь, радоваться тому, что приносит тебе несчастье».

Сегодня, вспоминая юношеские годы, пришедшиеся на эпоху застоя, Андрей не вычеркивает их из жизни. «Нас спасала поэзия, — говорит он, — в самом широком смысле этого слова. Литература как поэзия, город как поэзия, дружба как поэзия. Иначе все наше поколение рисковало вырасти пошляками и циниками. Но без иллюзий относясь к брежневским «шедеврам» литературы, к звездам, сыпавшимся на его грудь и мундиры подхалимов, мы нашли свою «экологическую нишу» в неисчерпаемых глубинах русской литературы».

Андрей не испытал ни гонений, ни

ссылок, хотя о душевном комфорте не могло быть и речи. Его курсовая работа о духовном начале в творчестве кинорежиссера Андрея Тарковского вызвала, мягко говоря, шок в руководящих институтских кругах.

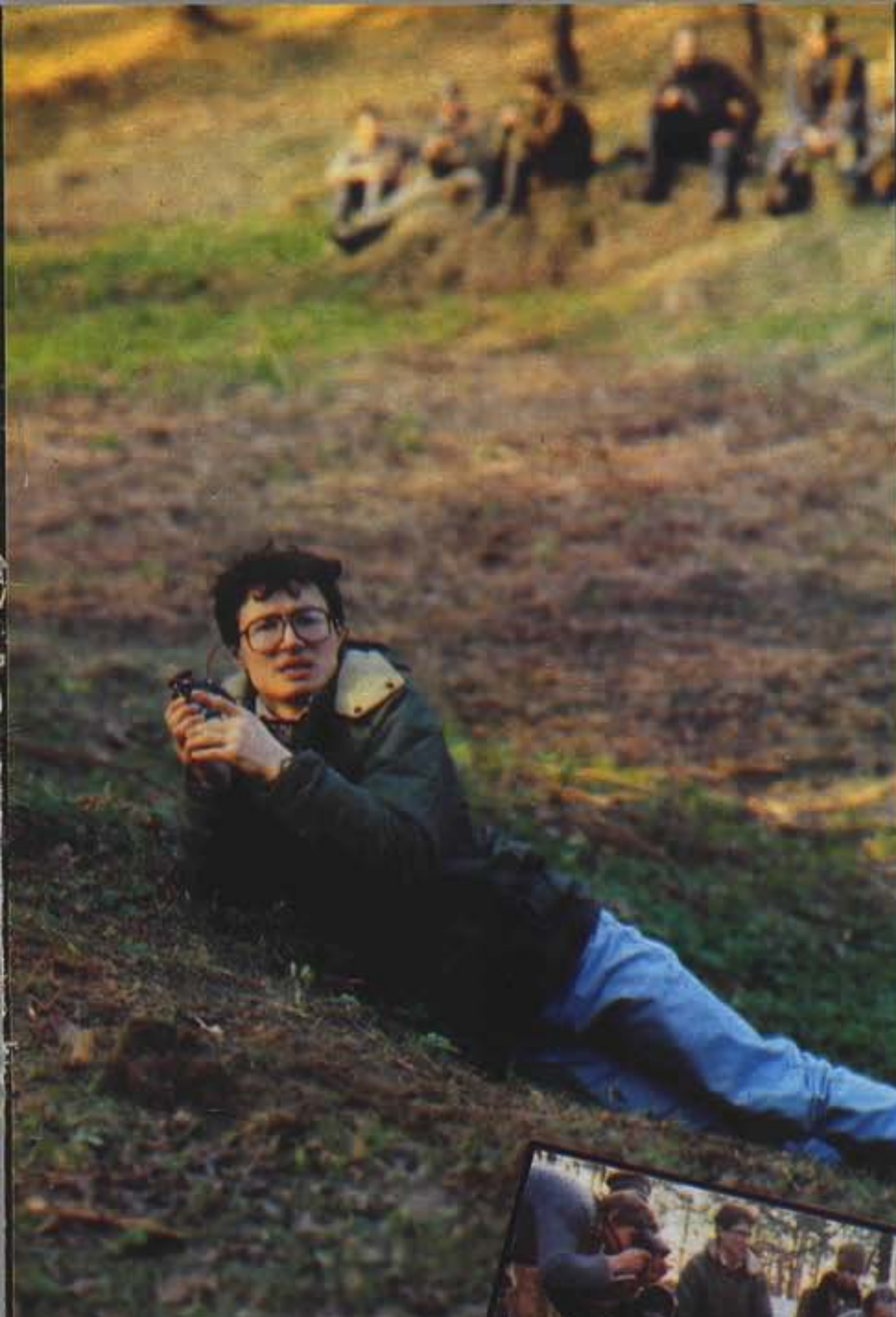
Проучившись год на актерском факультете Ленинградского государственного института театра, музыки и кино, Андрей в 79-м году познакомился с американкой, женился на ней и уехал в Нью-Йорк. По сравнению с другими русскими он легко вписался в чужую жизнь — поступил в Колумбийский университет и даже добился стипендии. Зная язык, находясь в среде ровесников, он не испытывал дискомфорта, но через год-полтора...

Андрей Некрасов. Я почувствовал страшную тоску по Старому Свету. Америка не только материально отличается от нас и Европы, но и духовно. В Штатах культура рассматривается не как нравственная категория, а как вещь, которую можно купить. Это трудно объяснить, хотя я попытался передать свои ощущения в документальной ленте «Русские, как они есть» о судьбе

трех эмигрантов в Америке. Короче говоря, я перевелся в филиал Колумбийского университета во Франции, там же окончил философский факультет и получил степень магистра. Но кино я «заболел» еще в Ленинграде, посмотрев фильм Тарковского «Зеркало». Поэтому, видимо, вполне логично, что я окончил курсы в английском городе Бристолле и стал профессиональным режиссером.

Как пришел к Пастернаку? Я достаточно критично отношусь как к устройству общества в Советском Союзе, так и на Западе. Но никогда не возьму на себя смелость судить безапелляционно, где лучше, а где хуже. Тем более давать советы, поучать. Я был в Швеции, на острове Готланд с Тарковским, когда он снимал «Жертвоприношение». Он очень тосковал по России. Не по черному хлебу, не по водке-свеледке, а по русской духовности. На Западе к нему относились с уважением, но не понимали его. Он не подавал вида, но очень страдал. Пастернак никуда не уезжал, но и его состояние было сродни желанию Ивана Карамазова «по-

Леонид Майзель —
исполнитель роли
Живаго — Пастернака.

Снимается
эпизод
партизанской
войны.

Фото Александра ГРАЩЕНКОВА

читательнейше» — возратить билет на право существования в мире, где к топчущим правду и людей сапогам насильника должно «припадать как к иконе». Мне близка мысль Пастернака и его героя, что жизнь — непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало»...

Все актеры, занятые в фильме, советские. Это принципиально важно, считает Андрей Некрасов, чтобы не породить очередную клюкву, какой немало произвели западные режиссеры. Причем главные роли доверены совсем еще молодым дебютантам.

В тот день, когда я приехал на «натуру», снимался эпизод ареста Юрия Живаго в Варыкино. Режиссер выбрал для природы деревню Кобринно под Ленинградом. Есть там изба, украшенная мемориальной доской: «Здесь жила няня Пушкина Арина Родионовна». Около избы толпились народ: актеры, осветители, звукооператоры, рабочие, но отыс-

кать среди них исполнителя роли молодого Пастернака-Живаго (второй актер играет Пастернака-Живаго зрелого возраста) не составило труда. Передо мной стоял вылитый Борис Пастернак, каким он запечатлен на фотографиях начала века — с характерными резкими скулами, обращенным в неведомые глубины взглядом и романтическим изломом губ. Несмотря на столь поразительное сходство, мне не очень верилось, что человек, родившийся после смерти Пастернака, когда имя поэта было не только предано забвению, но и подвергалось публичному поношению, мог близко к сердцу принимать перипетии судьбы художника и его героя. Поэтому первое, о чем я спросил Леонида Майзеля: как он познакомился с творчеством Пастернака?

Леонид Майзель. Роман «Доктор Живаго» я прочитал по ксерокопии еще в девятом классе. До этого знал стихи поэта, слышал о его трудной судьбе. Начав работу над ролью, жалко теперь, что знаю больше. Понимаете, читая стихи или прозу писателя, невольно создаешь свой, зачастую идеальный образ человека. А полное знание разрушает сложившийся стереотип. Но отказываться от юношеских иллюзий рано или поздно приходится. Помните у Пастернака:

Он отказался без сопротивления,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства.
И был теперь, как смертные, как мы.

Хотя эти строки относятся к Христу, Пастернак, по-моему, терпеть не мог всемогущества, возможности одних распоряжаться жизнью других людей.

— Мир фильма — это давно ушедшее время. Ты играешь интеллигента дореволюционной формации. Насколько он тебе близок и понятен?

— По-моему, жизнь меняется, но

ся самым тесным образом взаимосвязанными. В романе «Доктор Живаго» такие случайности и совпадения происходят на каждой странице. Маленький Юрий случайно оказывается в номерах, где Амалия Карловна пыталась покончить жизнь самоубийством. Там он впервые встречается с Ларой, своей будущей любовью и музой. Через несколько лет, проезжая по Камергерскому переулку, Живаго обращает внимание на окно, освещенное свечой (отсюда рефрен, появившийся потом в стихах: «Свеча горела на столе, свеча горела»). За окном Лара и Паша Антипов, как бы сказали сегодня, выясняют отношения. А в самом конце жизни Юрий Живаго поселится в этой бывшей Пашинной комнате, здесь же будет стоять гроб с его телом, и случайно оказавшаяся в Москве Лара придет в этот дом, гонимая давними воспоминаниями, и попадет на горькую тризну по любимому человеку.

Это лишь несколько примеров такого рода случайностей, которые Пастернак выстраивает с упрямой закономерностью. Можно отнести это на счет авторской прихоти, а можно увидеть философскую концепцию, сконцентрированную в строчке: «Но продуман распорядок действий...»

А вот случайность сегодняшнего дня. Режиссер, приехавший из Англии снимать фильм «Борис Пастернак», ищет в Ленинграде актрису на роль Лары (согласно сценарию, в эпизодах из реальной жизни писателя она должна играть и роль Ольги Ивинской). Из множества претенденток на роль утверждается девятнадцатилетняя Дарья Худякова, студентка 3-го курса Ленинградского государственного института театра, музыки и кино. И оказывается, что фамилия Даши по материнской линии Веденяпина. Вам это ни о чем не говорит? Тогда напомним: на первой же странице романа появляется дядя Юрия Живаго — Николай Николаевич Веденяпин, расстриженный по собственному прошению священник, который оказал решающее влияние на формирование философских и эстетических взглядов своего романного племянника. А дальше выясняется, что романский дядя оказывается личностью реальной, прадаждой Дарьи Худяковой-Веденяпиной. И впрямь «продуман распорядок действий...».

Я нашел Дашу Худякову около дома няни Пушкина Арины Родионовны. Глядя на прекрасное, одухотворенное лицо Даши, понимаю, что передо мной тот самый пастернаковский образ путеводного огня, та самая красота, которая спасет мир.

— Приглашение сниматься для меня огромное счастье. Да еще такая роль, по существу, две роли, два образа. Ольга Ивинская и Лара — это разные люди, хотя бы потому, что первая — реальный друг Пастернака в жизни, а вторая — персонаж из романа. А в фильме мне надо создать третий образ, самостоятельный, и похожий, и непохожий на прототипов.

— А приятно быть музой Пастернака?

— Очень. Я каюсь себе умнее и старше, чем я есть на самом деле. Даже иногда начинаю думать, что именно я вдохновила поэта на стихи и роман. Это, конечно, наглость, но мне так кажется. И, чтобы не убаюкивать себя этими фантазиями, я постоянно повторяю стихи Пастернака, написанные в последние годы жизни: Не спи, не спи, художник, Не предавайся сну, Ты — вечности заложник У времени в плену.

Итак, снимается фильм. Трудно давать прогнозы, строить предположения о его будущей судьбе. Хочу лишь пожелать удачи творческой группе. А мы, зрители, подождем до осени.

- Когда в нянечки пойдут по конкурсу?
- «Поеду в деревню бычков разводить!»
- «Королевы красоты» — пример для молодежи?
- Еще раз о футболе.

✉

С большим волнением прочитал статью «Стажеры на войне» («Смена» № 9, 1989 г.).

Мне, как и курсантам Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени С. О. Макарова, пришлось участвовать в боевых действиях, только не на фронте, а находясь в так называемом «глубоком» тылу, и не один месяц, а два года (1941—1942 гг.).

С августа 1941 года, находясь на учебе в Ейском военно-морском авиационном училище, я участвовал в боевых действиях против налетов фашистской авиации. И когда стало невмоготу, училище (военнослужащие и матчасть) перебазировалось на Северный Кавказ в город Моздок. И в этом городе также были боевые действия. От рук фашистских агентов погибла группа наших курсантов во главе с командиром отделения Дмитрием Казаковым. Училище перебазировалось в Куйбышевскую область в с. Борское.

По состоянию здоровья (после трех госпиталей) военным летчиком я не стал, и 30 мая 1945 г. был демобилизован из рядов Советской Армии по статье 30, гр. 1 — инвалидом.

Об этом случае (на фронте не был, а воевал) я рассказал начальнику отдела горвоенкомата. Мне удостоверение участника войны 1941—1945 гг. не выдали. Сказали: «Не положено!» Это «Не положено!» я проглотил как самую горькую пилюлю. Продолжал жить, трудиться. Теперь на пенсии. Обучил и воспитал тысячи учеников, а моя любимая Родина не может дать мне в руки документ, хотя бы моральный (а не материальный, подрывающий финансовые основы государства), чтобы я мог показать своим внукам и напомнить им, что честь и свободу Родины все-таки мы им отстояли, внесли хотя и скромную, но лепту в Победу над фашизмом.

А из пенсии я бы смог ежемесячно отчислять несколько рублей на нужды Министерства обороны. Это не проблема!

Запрашивал архивы Министерства обороны, но получил равнодушные отписки «роботов-бухгалтеров». Да и в личном деле эти боевые действия мне из-за суматохи того времени не успели записать. А архивариус пишет, что об этом в моем личном деле сведений нет. Если бы он был настоящим человеком, то по телефону получил бы архивную справку в самом училище...

Виктор БАБАЕВ,
Коломна Московской области

✉

Как заинтересовать людей переехать из города в деревню? А если за теми, кто туда поедет, навсегда оставить городскую квартиру? Чтобы человек мог жить в ней, когда захочет, и распоряжаться ею по своему усмотрению.

Почему бы не дать возможность арендаторам строить в городе кооперативные квартиры? Наравне с горожанами. Это было бы справедливо.

Наверное, понадобится еще и право восстановления на работе. Вдруг человек не приживется, не сможет заниматься сельским трудом. А если первые

три года на его место брать только временно? Ведь есть же опыт: специалисты, вернувшиеся из-за границы, принимаются на прежнее место.

Если появятся такие гарантии, то сама возможность поехать на землю станет льготой. Ведь тогда у человека будет и квартира в городе, и дом в деревне. Работаем в городах — отдыхаем в селах, работаем в селах — отдыхаем в городах. Чем плохо?

Кто поедет в первую очередь? Тот, кто имеет тягу к земле. Но поедут и по другим, менее романтичным причинам. В деревне ведь при хорошей постановке дела можно хорошо зарабатывать. Не будет в семье и трудностей с питанием (пища-то своя, без нитратов!).

Решится проблема семейного отдыха. Многие едут на юг вовсе не потому, что там хорошо, а потому, что деться больше некуда. У нас мало приспособленных для отдыха мест, а на юге хоть и загажено, но частично налажено. Однако для многих юг дорогое да и противопоказан. И «отдыхают» люди в своей квартире...

Понятно, что должны быть созданы элементарные возможности для работы и обустройства в деревне. И не стоит сразу ждать роста производства зерновых. Это дело для профессионалов. А вот что-нибудь попроще — кур разводить, овощи сажать — бывшие горожане смогут. Но и это уже будет серьезная помощь городу.

Как быть, если человек обманет — захочет иметь просто дачу в деревне и не будет работать на земле? Захочет — так и пусть! Но тем, кто хочет иметь дачу, надо создать условия, чтобы они осуществили свое желание не обманым путем, а просто взяли бы дачный участок. Это, так сказать, стратегическое решение. Но можно и в тактическом плане кое-что предусмотреть. Во-первых, если я арендную не лучшие земли, которые стоят без дела, — одна цена; ну, а если что-то получше, то другая, повыше. Это взаимовыгодно. Но во втором случае придется работать серьезно: не будешь же брать для дачи аренду — это себе дороже.

В конце концов бывшие горожане освою производство не только продовольственного сырья, но и производство кожи, шерсти, научатся шить дубленки и т. д. Но главное все-таки — продукты питания. Вот тогда и понадобятся посреднические кооперативы, которые будут челноками деревня — город, а торговые и обслуживающие кооперативы снизят цены.

Аркадий ЕГИДЕС,
кандидат психологических наук,
Москва

✉

Почему телятницы, птичницы зарабатывают вдвое-втрое больше наших детсадовских нянечек? И даже получают правительственные награды за «привесы»? А наши с вами дети чем хуже? Разве мы с вами не радуемся, когда они, розовые и упитанные, приходят из садика домой и не шарят ручонками по столам, не хнычут: «Мама, я есть хочу»? А кто им там в садиках носы утирает, кто кормит, одевает, раздева-

ет, укладывает спать, учит разговаривать, наконец? Да не одного-двух, как мы с вами дома, а сразу 15—20 маленьких человечков. Так разве не заслуживают они, эти нянечки-воспитательницы, высокой зарплаты наравне со всеми другими работниками производства, а?

Предлагаю:

1. Повысить зарплату воспитательницам и другим работникам детских дошкольных учреждений, непосредственно контактирующим с детьми, в два раза.

2. Ежегодно выводить в каждой группе процент посещаемости.

3. Обязательно в конце каждого месяца выводить общий месячный процент посещаемости.

4. В зависимости от посещаемости выводить окончательную месячную заработную плату нянечке, закрепленной за данной группой.

КРЫМОВА Валентина Яковлевна,
Алма-Атинская область

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя письмо В. Крымовой, мы, конечно же, не хотим принизить труд телятниц и птичниц. Они работают на всех нас, справедливо получая за свой труд и награды, и заработанные деньги.

Но, без сомнения, права Валентина Яковлевна, сетуя на мизерную зарплату работников яслей, детских садов. Общество обязано полной мерой оплачивать труд тех, кто заботится о детях. И тут, нам думается, деловые, конкретные предложения В. Крымовой — к месту.

Как-то откликнутся на них ведомственные чины?! Ждем и ваших писем, читатели, на эту болевую тему...

✉

Я не единственный «афганец», нас около десяти человек только в этой зоне. Многие имеют медали и ордена, ранения, один без ноги (оставил в Афганистане), второй — инвалид после тяжелой контузии (офицер, замполит роты). Короче, всех судьба не баловала. Все публикации в прессе, касающиеся воинов-интернационалистов, не проходят мимо моих глаз, но самую болезненную тему и самую желанную для таких, как я, затронули впервые в материале «Свадьба в зоне» («Смена» № 9). Прав, очень даже прав Сергей Кривцов в том, что хорошо было бы, если хотя бы изредка навещали нас, запутавшихся в лабиринтах жизни, ребята в пятнистых куртках. Часто вспоминаю своих друзей, с которыми прошел ад Афганистана. Эту дружбу не сравнить ни с какой — тверже не найдешь.

Я благодарю вас от имени всех ребят-«афганцев». Мы все ждем перемен в лучшую сторону, живем надеждой, что и про нас когда-то вспомнят, дадут возможность исправить свои жизненные ошибки. Сбудутся ли наши желания?

Не указывайте мой полный адрес и фамилию во избежание лишних неприятностей, прошу вас. Извините.

Хмельницкая обл.

✉

Хочу искренне поблагодарить вас за публикацию письма Светланы В. из Тихвина (№ 7, 1989 г.). Я полностью согласна со Светланой: конкурсы красоты — это оскорбление женского достоинства. Они заставляют видеть в женщине лишь красивую куклу, но не личность.

Можно понять устроителей таких конкурсов, получающих материальную выгоду от этих мероприятий. Мужчин, что сидят в зале и поедают глазами полуобнаженных див, демонстрирующих свою сексуальность, понять тоже можно. Но никогда не смогу понять

женщин, которые, захлебываясь от восторга, говорят: как это чудесно, что мы наконец увидели красивых девушек в купальниках! Что это — инстинкт стадности: раз кому-то нравится, то и мне тоже? Или слепое преклонение перед западной модой? Но не перегибайте ли мы палку? Раньше мы усердно хаяли все, что происходит «у них», на Западе. Теперь столь же безоглядно стремимся все перенять... Пусть наши товары неконкурентоспособны на мировом рынке — зато «конкурентоспособны» наши красотищи!

Меня поразило высказывание одного из организаторов конкурса «Московская красавица», комсомольского работника, о том, что победительницы конкурсов красоты являются примером для всей советской молодежи. Примером в чем? В том, как лучше преподнести прелести своего тела? Зачем учиться, гнуть спину на работе, подумает иная пятнадцатилетняя девчонка, когда всего можно добиться гораздо проще. Стоит лишь выйти в купальнике на помост, и ты будешь иметь все, что пожелаешь: дорогие поездки, шикарные туалеты, дорогие украшения...

Мне могут возразить: красота ведь требует большого труда, нужно заниматься физкультурой. Да, это было бы справедливо, если бы конкурсы красоты проводились среди тех, кому за пятьдесят. Но молодая девушка, генетически не предрасположенная к полноте, будет иметь стройную фигурку, даже ведя неправильный образ жизни и не занимаясь спортом.

И, наконец, несколько слов о критериях красоты. На конкурсах побеждают высокие, худые, широкоплечие женщины с длинными ногами и узкими бедрами. Но ведь все это издавна считалось признаком мужской красоты! Да, женственность нынче не в моде.

Я разделяю мнение Светланы В.: нам не нужны конкурсы красоты, незаслуженно превозносящие одних и унижающие других. Пусть каждая женщина будет самой очаровательной, самой прекрасной на свете для того единственного, с кем она рука об руку идет по жизни!

Татьяна КОМОНОВА,
Сочи

✉

Человеку имя дается раз в жизни. С ним он живет и умирает. Кому придет в голову, дожив до определенных лет, сменить имя и из Александра, скажем, превратиться в Алексея?

С городами же почему-то все иначе. Их названия у нас меняются вслед за изменениями в политике. За 70 лет все к этому привыкли. Но сейчас мы приходим к осознанию необходимости уважительного отношения к истории. Некоторым городам вернули их прежние имена. Всем ясно, что Мариуполь не должен быть более Ждановым, Небережыне Челны — Брежневим, Ижевск — Устиновым. Но вокруг Рыбинска почему-то такой явности нет. И письмо А. Бондарчука в «Смене» № 8, в котором он ратует за сохранение названия Андропов, встревожило меня. Бондарчук пишет, что Ю. Андропов заслужил авторитет и оставит о себе добрую память, а следовательно, название надо оставить. Но мы очищаем карту от имен печально известных лидеров не для того, чтобы подготовить место для новых, как бы хороши они ни были, а потому, что исторические названия никто не вправе менять волевым решением. Здесь не должно быть исключений. В этом же номере журнала я прочитал, что за создание фильма «Молодая гвардия» были награждены все исполнители ведущих ролей, кроме актера, сыгравшего роль предателя. Оставив Рыбинск Андроповым, мы поступим так же беспринципно.

Рыбинск уже переименовывали. В

30-е годы он носил имя Щербакова, но кто сейчас помнит об этом? Я с уважением отношусь к Юрию Андропову и ни в коем случае не пытаюсь поставить под сомнение его заслуги. Имена достойных, принесших пользу государству людей надо увековечивать, но, право же, не таким необдуманным методом. Ведь есть богатый арсенал других средств, принятых во всем цивилизованном мире. Можно и города называть, но только с согласия населения и желательны новые, строящиеся, чтобы не нарушать традиции и не задевать патристических чувств горожан. Ведь представьте, более двухсот тысяч рыбаков в одно прекрасное утро проснулись андроповцами. И никто их не спросил, хотя они так назывались или нет.

Сам я из Ленинграда, но судьба Рыбинска мне безразлична, поскольку, живя летом у бабушки в Тутаеве, что неподалеку от Рыбинска, я бывал там, успел полюбить этот своеобразный и в прошлом очень колоритный русский город. Кстати, и Тутаев может служить характерным примером наплевательства на историю. Древний, семисотлетний Романово-Борисоглебск переименовали в одночасье, лишь бы уничтожить ненавистное имя. Назвали именем красноармейца Ильи Тутаева, который, не успев совершить никаких подвигов, погиб от шальной белогвардейской пули. Собственно, на месте И. Тутаева мог бы оказаться и любой другой погибший воин. Понимаю, конечно, время было такое, но сейчас-то не 18-й год, и надо соизмерять заслуги с почестями. Про свой родной город писать пока не буду. В прессе про «ленинские» города предпочитают помалкивать. Хотя очевидно, что все это звенья одной цепи.

Вадим СЕРГЕЕВ,
студент,
Ленинград

Минздрав СССР, обсудив с заинтересованными научными учреждениями статью С. Каленикина «Кому не по нраву погода», считает необходимым проводить дальнейшие научно-исследовательские разработки по проблемам биоклиматологии.

Воздействия метеорологических и геофизических факторов на состояние здоровья человека являются весьма актуальными, учитывая и интенсивное антропогенное воздействие на среду обитания. Доказано, что изменения погоды, геомагнитного поля, солнечной активности, электрического поля атмосферы приводят к увеличению заболеваемости и вызывают обострения хронических заболеваний.

В СССР проблемами биоклиматологии занимаются несколько научно-исследовательских учреждений, в том числе Всесоюзный научный центр медицинской реабилитации и физической терапии Минздрава СССР. Работа Центра оценена, и в его адрес высказаны замечания. В частности, подчеркнута необходимость получения конкретных рекомендаций для профилактики и лечения метеопатических реакций.

По программе «Солнце — климат — человек» научные работы проводились в учреждениях СО АМН СССР, Минздрава СССР и РСФСР в Новосибирске, Свердловске, Владивостоке, Норильске, Красноярске, Казани и других городах.

Президиум СО АМН СССР и НИИ физических методов лечения и медицинской климатологии имени И. М. Сеченова высказались за создание Государственной медико-метеорологической службы информации и прогноза.

Наиболее мощным кадровым и материально-техническим потенциалом в настоящее время располагает Сибирское отделение АМН СССР. Минздрав

СССР поручил СО АМН СССР разработать до 1.04.89 г. проект программы создания медико-метеорологической службы информации и прогноза с участием Государственного комитета по гидрометеорологии и контролю природной среды и других заинтересованных ведомств, а также обратиться в ГКНТ СССР для утверждения дополнительных заданий по тематике и необходимого финансирования фундаментальных исследований.

Предполагается, что государственная служба должна оценивать влияние погоды и геофизических факторов на здоровье человека, прогнозировать состояние человека в изменяющихся условиях среды, выяснять опасность повышения в воздухе концентрации химических загрязнений при определенных метеорологических ситуациях, разрабатывать методические рекомендации по профилактике метеопатических реакций.

Обеспечение прогнозами учреждений СССР, обучение специалистов методам метеопрофилактики, консультативный прием и лечение больных могут быть организованы на принципах хозрасчета.

А. И. КОНДРУСЕВ,
заместитель министра

ОТ РЕДАКЦИИ. Напомним, критический материал Сергея Каленикина «Кому не по нраву погода» опубликован еще в прошлом году в тринадцатом номере. Увы, руководство Академии медицинских наук так и не отреагировало на журнал, его читателям, хотя обязано — в месячный срок. Ответ из Минздрава получен лишь в феврале, но, признаваясь, он мало нас утешает.

Похоже, министерство не очень-то смущает что бывший Центральный научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии, а ныне Всесоюзный научный центр медицинской реабилитации и физической терапии под руководством члена-корреспондента АМН СССР В. М. Боголюбова, в сущности, развалил в стране медицинскую климатологию и метеопатологию. А в адрес Центра высказаны... замечания. И нет проблем?

В материале С. Каленикина достаточно подробно и убедительно говорилось о проблеме и значении научного наследия А. Л. Чижевского, Г. М. Данишевского. И как отреагировал Минздрав СССР на опыт этих и других видных советских ученых?.. Из ответа, полученного редакцией, видно — никак...

Но все же чего-то мы добились: принято решение о создании Государственной медико-метеорологической службы информации и прогноза, о чем, собственно, и шла речь в публикации.

Однако не будем спешить с выводами.

Мы позвонили в Новосибирск: как идут дела, готов ли проект программы медико-метеорологической службы? Оказывается, готов, отправлен в Минздрав СССР еще в апреле. Более того, сибирские ученые предложили обсудить проект в Москве с участием заинтересованных сторон. Позади апрель, май, июнь, а Минздрав СССР хранит молчание. Так когда же все-таки будет разработана и утверждена программа медико-метеорологической службы? Когда, наконец, она начнет выдавать необходимые здоровым и больным людям прогнозы? Все эти вопросы мы вновь задаем Минздраву СССР и руководству АМН СССР.

К сожалению, из-за чрезвычайной занятости не смог оперативно ответить на серьезную критику состояния футбольных дел в нашей стране, изложенную

в статье Марка Рафалова «Коль слово «честь» забыто», напечатанную в журнале «Смена» (№ 8, апрель 1989 года). Не берусь судить о том, что было в футболе до 1979 года (года моего назначения начальником Управления), но твердо убежден, что еще не все пороки изжиты, в их числе, как правильно указывает автор, низкий уровень судейства, нестабильный календарь игр, «странные» матчи, необоснованные переходы. Все это так. Но благодаря длительной и кропотливой работе Управления и Федерации случаи эти стали единичными. Опытному специалисту нельзя не заметить, что значительно оздоровилась обстановка в президиуме ВКС, в его состав включена группа действующих судей, тем самым к управлению судейскими делами пришли люди, которые на практике знают, почему «фунт судейского лиха». За последние годы состав судей высшей лиги обновился наполовину. Причем большинство из вновь пришедших бывшие футболисты команд мастеров. Стабильным стал календарь соревнований. В этом году было всего два переноса, и оба с участием команды «Динамо» (Тбилиси), по известным обстоятельствам. Переходы всех игроков были осуществлены в полном соответствии с инструкцией о переходах, утвержденной президиумом Федерации футбола. Не берусь утверждать, есть или нет у нас договорные игры, но раз об этом говорят, значит, они есть. Для борьбы с этим негативным явлением при президиуме Федерации футбола было образовано апелляционное жюри, в положении о соревнованиях записан специальный пункт, в соответствии с которым президиум Федерации по представлению жюри может отменить результат матча. Поводом для разбора служит, как правило, запись в рапорте судьи-инспектора о подозрительном, с его точки зрения, миролюбии команд. Таких случаев на моей памяти было три. Все они разбиралось жюри и президиумом Федерации, но ни разу не удалось доказать преднамеренности в действиях той или иной команды. Один раз подобный сигнал судьи-инспектора М. Якушина разбирала коллегия Комитета, но веских причин к аннулированию результата матча не нашла и она. И это понятно, так как судья-инспектор руководствовался не достоверными фактами сговора, а своим личным впечатлением. Вместе с тем публичный разбор «сомнительных игр», выступления прессы, привлечение внимания широкой общественности к этой проблеме привели к положительному результату. Сигналов о «подозрительных играх», во всяком случае, в высшей и первой лигах, не стало.

Мы тоже, как и автор статьи, с большой надеждой ожидаем образования Футбольного союза СССР, независимой организации, работающей на принципах самоуправления и хозрасчета. Нет сомнения в том, что создание Союза поможет полнее использовать имеющийся в нашей стране потенциал в деле развития футбола. Автор статьи не грешил против истины, когда писал о проблемах футбола, но непонятно, для чего ему потребовалось давать ложную информацию. Для того, чтобы усилить впечатление от статьи? Связать все негативное со мной и дискредитировать в глазах общественности? Нет страшнее порока, на мой взгляд, чем использовать служебное положение в личных, корыстных интересах. А ведь именно так пытается представить автор ситуацию с моим сыном. Что же на самом деле? Мой сын В. Колосков 10 из 20 лет посвятил футболу. Вначале в Футбольной школе молодежи (ФСМ) в Лужниках. Затем три года в Московском спортивном интернате. Он выступал в это время за сборную команду Москвы, был победителем первенства Москвы, участвовал в чемпионате

СССР среди юношей и юниоров, привлекался для подготовки в сборную юношескую команду страны. Единственный из группы закончил интернат с серебряной медалью. Так что в дублирующем составе ЦСКА он оказался не случайно. Более того, игру в дублирующем составе ЦСКА он совмещал с учебной на заочном отделении экономического факультета МГУ. Сдав все экзамены на «отлично», был переведен на очное отделение и в этом же году был призван на действительную службу в армию. После принятия присяги был направлен в футбольную команду «Искра» (Смоленск), где играет и в настоящее время, являясь военнослужащим, и демобилизуется только осенью этого года, когда истечет срок службы. Ни одного дня, пока он находился в армии, он не был на учебе в МГУ.

Таковы факты. Не знать об этом М. Рафалов не мог. Значит, сделал это умышленно. Странно, что до опубликования этой статьи данный факт редакция не проверила, не заступилась за комсомольца, который является к тому же комсоргом команды. Я горжусь своим сыном и не хочу, чтобы нечистоплотные руки Рафалова касались честного человека.

В. КОЛОСКОВ,
начальник управления
футбола и хоккея
Госкомспорта СССР

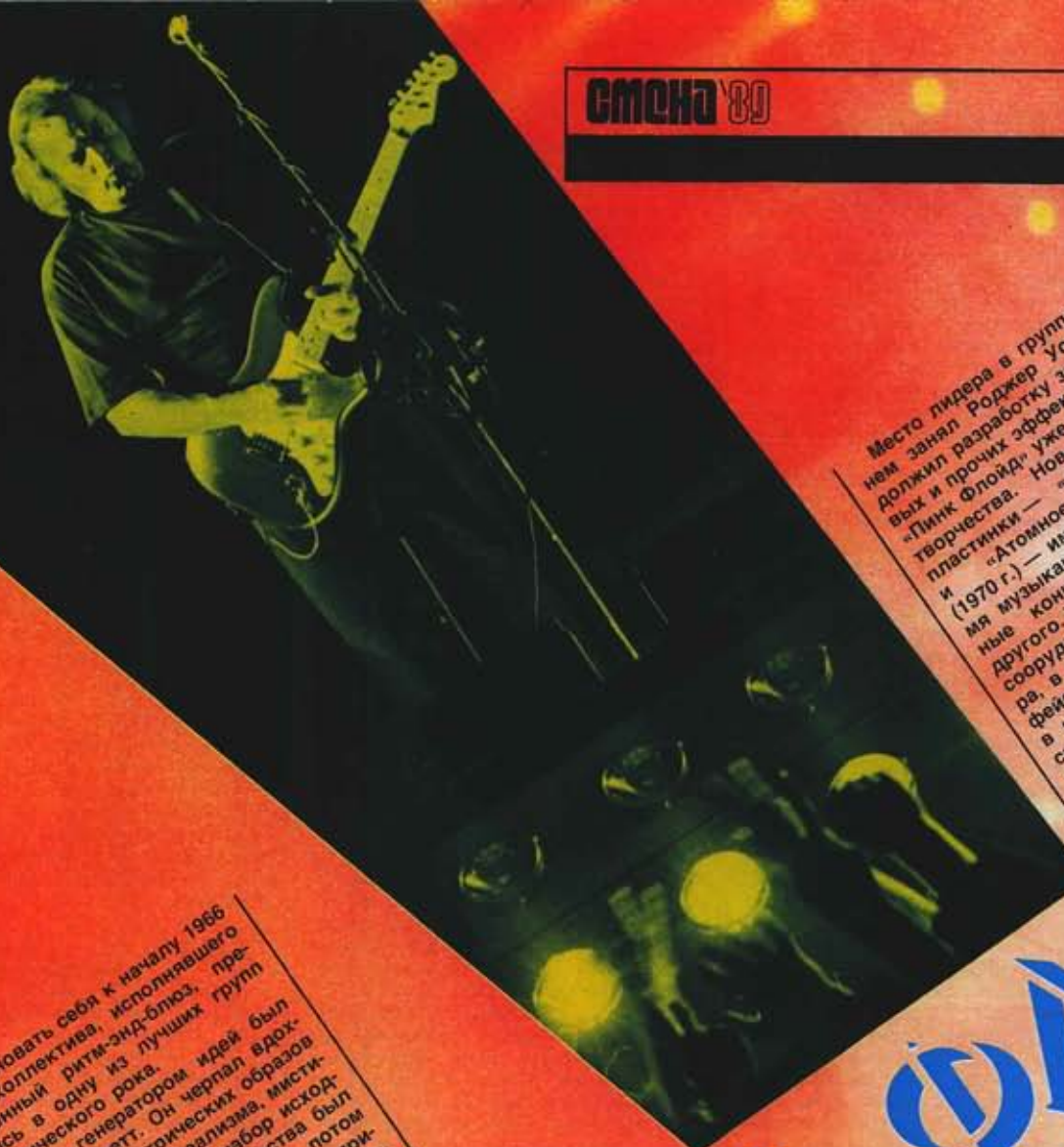
ОТ РЕДАКЦИИ. Мы благодарны В. И. Колоскову за то, что он нашел время отреагировать на выступление «Смены». Однако ряд положений письма заставляет редакцию сопроводить его комментарием.

Во-первых, нас удивили слова начальника управления футбола о том, что «переходы всех игроков были осуществлены в полном соответствии с инструкцией о переходах...». Достаточно вспомнить только процедуры разборательства дел о переходах О. Саленко в киевское «Динамо» и Ю. Кулиша в «Черноморье» в 1989 году. В обоих случаях окончательные решения принимали аппаратные работники Госкомспорта, но пожелавшие согласиться с вердиктом Федерации футбола. Какой же это порядок?

Мы не разделяем оптимизма В. И. Колоскова и об улучшении судейского дела. Провалы ряда ведущих арбитров в 1989 году, в том числе председателя ВКС А. Спирина и работника Управления футбола С. Хусаинова, тому убедительное свидетельство.

В. И. Колосков не может не знать, что лишь в сезоне 1988 года только на играх высшей лиги вопреки действующему «Положению о чемпионате СССР по футболу» было допущено 29 (!) замен ранее назначенных судей. А ведь в соответствии с «Положением» «просьбы команд или организаций о замене судей, назначенных на игры, не принимаются».

Совсем не обнадеживает позиция начальника Управления и его оценка откровенного явления, получившего скромное наименование «договорные игры», а говоря откровенно, наличие коррупции в нашем футболе. Разве можно оставаться равнодушным, читая письмо молодых футболистов ростовского СКА в «Комсомольской правде»? Крик души, зов совести этих ребят был напечатан под примечательным заголовком «Надоело играть в поддавки». Они сообщили, что в сезоне 1988 года их команда провела четыре «договорных» матча. Одна команда — четыре договорные игры! Каково? А Вячеслав Иванович с завидным спокойствием общает: «Не берусь утверждать, есть или нет у нас договорные игры, но раз об этом говорят, значит, они есть». Нужны ли комментарии?

Место лидера в группе тем временем занял Роджер Уотерс, он продолжил разработку звуковых, световых и прочих эффектов, без которых «Пинк Флойд» уже не мыслил своего творчества. Новые долгоиграющие пластинки — «Аммагамма» (1969 г.) и «Атомное сердце матери» (1970 г.) — имели успех. В то же время музыканты давали многочисленные концерты, один из которых восторгался прямо перед камерой. Так, однажды «Пинк Флойд» соорудил сцену прямо перед сценой шоу устроив гигантский фейерверк и привлекая зрителей восторг всплывшим надувным осьминогом. На следующем концерте, к примеру, гигантским надувным осьминогом последовала зрительская рыба, которая всплыла на поверхность, видимо, не выдержав мощного звучания группы.

ФЛОЙД

начали именовать себя к началу 1966 года) из коллектива, исполнявшего традиционный ритм-энд-блюз, превратились в одну из лучших групп психоделического рока. Основным генератором идей был тогда Сид Барретт. Он черпал вдохновение из эксцентрических образов детства, сказок, сюрреализма, мистифицизма. Такой странный набор исходного материала для творчества был напрямую связан с его, как потом выяснилось, все возрастающим пристрастием к галлюциногенам, в основном к наркотику ЛСД. Тогда еще никто не знал, какую роковую роль в его судьбе сыграет это «баловство»...

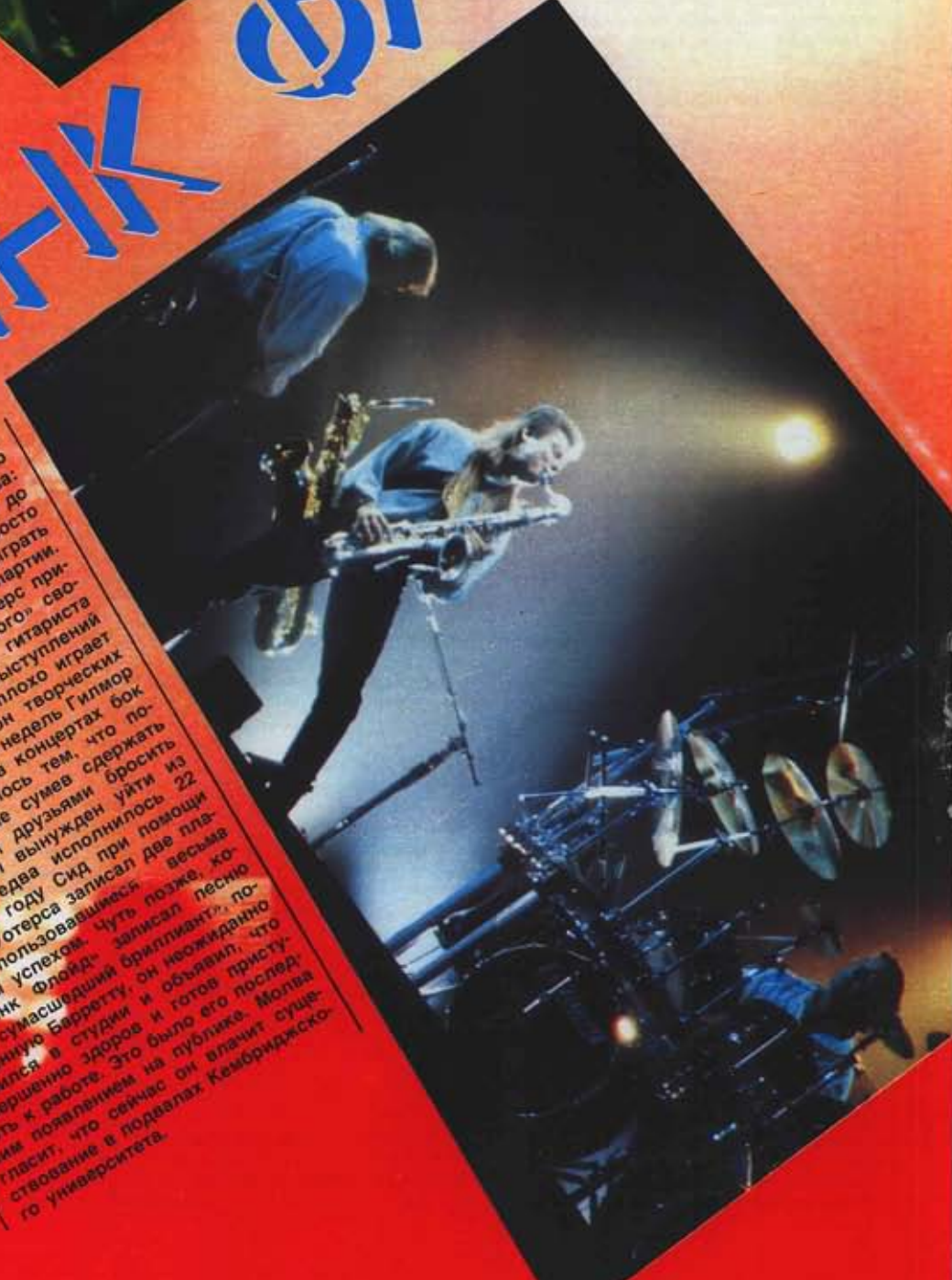
В августе 1967 года «Пинк Флойд» выступил на фестивале современной музыки в Лондоне и отправился в свое первое большое турне по стра-

ПИНК

Николай АРЕФЬЕВ

Приезд на гастроли в Москву группы «Пинк Флойд» расценивается многими критиками как самое значительное музыкальное событие года... Будущие участники группы — бас-гитарист Роджер Уотерс и гитарист Сид Барретт были знакомы еще по школе для мальчиков в Кембридже. После окончания друзья переехали в Лондон для изучения искусства и архитектуры. Там Уотерс встретил барабанщика Ника Мейсона и пианиста неразлучника «Скрипача» Дэвида Гилмора. Ребята с удовольствием стали называться «Скрипачи и Дэвид». После того как они разошлись по разным группам (Уотерс присоединился к группе «Монки», Барретт — к «Сиде», Гилмор — к «Сиде»), коллектив взял это название от имени двух американских блюзовых гитаристов — Пинка Андерсона и Флойда Кансила). Сид Барретт полностью ушел из сферы оригинальных идей в область лирики и музыки: «Пинк Флойд» (именно так они

не. Несмотря на успешное начало, уже через несколько недель стало ясно, что гастроль на грани срыва. Барретт довел себя наркотиками до такого состояния, что иногда просто стоял на сцене, забывал свои партии и в конце концов Роджер Уотерс пригласил в качестве «запасного» своего старшего знакомого — гитариста Дэвида Гилмора. В ходе выступления выяснилось, что тот неплохо играет и поет, а также полон творческих идей. В течение семи недель Гилмор и Барретт играли на концертах бок о бок. Это кончилось тем, что последний перед друзьями бросить наркотики, так и не сумев сдержать обещания. Был вынужден уйти из группы. Еду едва исполнилось 22 года. В 1970 году Сид при помощи Гилмора и Уотерса записал две пластинки, пользовавшиеся огромным успехом. Чуть позже, когда «Пинк Флойд» записал песню «Сияя, сумасшедший бриллиант», посвященную Барретту, он неожиданно повис в студии и объявил, что совершенно здоров и готов приступить к работе. Это было его последнее появление на публике. Молва гласит, что сейчас он владеет недвижимостью в подвалах Кембриджского университета.

У криминологов есть понятие: опасное состояние личности. То, что происходит в Казани, Алма-Ате, Набережных Челнах, Дзержинске, Йошкар-Оле, можно назвать опасным состоянием уличной среды.

Общественность Казани требует разработать механизм манипулирования «мотальщиками», найти взрослых главарей, устроить над ними показательный суд. В Казанском УВД создано специальное подразделение по борьбе с организованной преступностью. Места подростковых сборищ контролируются нарядами милиции, комсомольскими оперотрядами, ДНД, родительскими патрулями.

На улицы Казани вышли демонстранты — старшеклассники и студенты. На лозунгах: «Гопник — гад, хуже козла!» По инициативе комсомола созданы ОИДы (отряды имени Дзержинского), в одной из казанских школ был организован отряд самообороны «Каскад». Их цель — защитить тех, кого преследуют «мотальщики». Но подобные формы борьбы не поддержали даже те, кто натерпелся от группировок. «Каскад» распался. ОИДы не оправдали надежд. Теневые заправилы так и не выявлены...

Комсомольские работники и милиция пытались узнать от уличных мальчишек, что может заменить их опасные похождения. Устраивали телефонные «прямые линии». Эффект: пацаны просили дать им помещения для оборудования «качалок». Чтобы стать еще сильнее, еще опаснее. Результаты прямых контактов приводили в отчаяние. В Воркуте после одной такой «беседы по душам» милиции пришлось разогнать массовую потасовку «качков».

кого боится, кто кому сколько должен. Улицу не тронешь за сердце душещепательными воспитательными инсценировками. Ее можно разогнать в одном месте — завтра она соберется в другом. Да и надо ли вообще прибегать к подобным методам?

Мы твердим: «контора», «банда», «тусовка» и не думаем о том, что за этими малопривлекательными словами прячется самое точное название подросткового сообщества — самоуправляемый уличный коллектив.

Сошлюсь на Макаренко. «Интересы коллектива являются интересами общими. Кто нарушает эти интересы, кто идет против коллектива, тот отвечает перед коллективом. Наказание есть форма воздействия коллектива... Задача нашего воспитания сводится к тому, чтобы воспитать коллективиста... Детская организация должна быть пропитана игрой... а мы, педагоги, должны в этой игре принимать участие... Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставит его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество...»

Сравним два коллектива: школьный и уличный. Где больше общих интересов? Где нарушения общих интересов преследуются строже? Где подросток в большей степени коллективист? Где больше игры и возможности показать себя «настоящим мужчиной»? Где взрослые ведут себя проще, по-товарищески?

Какой бы величины минус ни стоял, подобно клейму, на той или иной подростковой группе, в любом случае она — первичный уличный коллектив. И нам нужно научиться работать с ним целенаправленно, систематически, на государственном уровне. Только с одной-

ется в них естественное стремление уберечь других от того грязного, страшного, опасного, что пришлось испытать им самим.

Заправилы казанских «контор» и алма-атинских «банд» используют отрицательные черты ребят: бездуховность, жестокость, тягу к примитивному суперменству. Но ведь у подростков хорошего больше, чем плохого! Втайне друг от друга они тяготеют своей рабочей зависимостью от сильных. Не всем по душе цинизм и жестокость. Вряд ли кто-то испытывает большое удовольствие от обычной процедуры наказания за строптивость, когда пацаны, состоящие в «конторе», окружают наказываемого и мочатся на него. Каждый боится угодить на место жертвы и потому вынужден подчиняться. Обычная тактика выживания.

Спасти от улицы можно только тех, кто хочет быть спасен. Два инстинкта неизбежно должны срабатывать в уличном подростке. Инстинкт нравственного самосохранения: как бы не стать законченным подонком. И инстинкт самосохранения физического: как бы не сложить голову в кровавой драке. Это и есть то положительное, на что можно опереться в борьбе за пацанов.

Знаю не только по собственному опыту работы с подростками: как только в уличной компании появляется взрослый парень, с которым ребята могут говорить на «ты» и в ком видят старшего друга, — по степени своего влияния он вскоре превосходит всю уличную верхушку. Один — целую группу вожаков!

Перед пацанами встает вопрос: с кем быть? Новый лидер дает реальный

лиции, ни у родителей. Именно этот коллектив, чьи нормы поведения не принято нарушать, и должен стать защитником каждого отдельного подростка!

Как установить с пацанами контакт? Макаренко советовал начинать с разговора. Подростки сегодня совсем другие, но совет не устарел. Именно в разговоре они сразу улавливают: кто перед ними — личность или мыльный пузырь.

Самые трудные подростковые группы — те, в которых ребят уже ничто не волнует. Единственный спасательный круг, который можно им бросить, — вернуть способность критиковать, возмущаться, обсуждать нашу жизнь. Известный призыв В. И. Ленина «втянуть подростков в политическую жизнь» был девизом моей восьмилетней работы с ребятами, и я убедился: это не только девиз — целая программа воспитания!

Что прежде всего толкает уличные группы к противоправному поведению? Анонимность существования, отсутствие «социальной прописки». Все другие детские, молодежные коллективы имеют свои официальные места для общения, обучения. Школы, ПТУ, классы, актовые и спортивные залы, клубы, дворцы... Психологически трудно расписаться там, где тебя знают и всегда могут найти. Вне улицы несовершеннолетние совершают двадцать процентов правонарушений. На улице — восемьдесят!

С другой стороны, любая подростковая группа испытывает желание иметь свое помещение. Выходит, интересы общества и улицы совпадают. Что же мешает совместить их?

Помещения для подростков должны быть в каждом микрорайоне. А еще

Виталий ЕРЕМИН

ЧЕРНАЯ ТРА

Окончание. Начало в № 14.

Меры, которые предпринимают педагоги, еще более наивны и беспомощны. Минпрос Татарии предложил директорам школ разработать меры, отвлекающие подростков от группировок. Алма-атинцы оказались порасторопней, создали план из множества пунктов, похожий на боевую диспозицию. Увы, в Казани и Алма-Ате «конторы» и «банды» продолжают здравствовать.

То ли от бессилия, то ли от бедности фантазии изобретаются почти анекдотические способы борьбы. В Казани появился лозунг «Ударим по подростковой преступности днем чая!». В Алма-Ате отобрали группу «афганцев» с наградами, водили их по школам. В назначенный сценарием момент парни вставали и демонстрировали под лучами прожекторов свои сверкающие медали. Благо «афганцы» быстро сообразили, в каких дешевых спектаклях используется их желание спасти от улицы «пацанов».

Нет, улицу не исправишь «откровенными разговорами» с трибуны или из президиума. Она по горло сыта собственной болтовней: кто чего стоит, кто

единственной, но чрезвычайно важной оговоркой: работать с уличным коллективом, не ломая и тем более не уничтожая его внутренний воспитательный механизм, а только управляя им.

Что мешает этому? Прежде всего психологический барьер. Уличный народ смотрит на нас исподлобья, мы отвечаем таким же настороженным взглядом. Неприятие обоюдное. Среди нас ничтожно мало тех, кто может подойти к уличной компании и завязать разговор на равных.

До недавнего времени считалось, что улица вообще не идет на контакт со взрослыми. А сегодня мы открыли Америку, узнав о старшаках. Но не будем рисовать их всех одной черной краской. Среди них немало таких, кто готов грудью встать на защиту пацанов. Некоторые даже пишут из армии письма: просят совета, как им поступить после демобилизации — где найти помещения, средства, инвентарь. Желание работать с пацанами появляется у старшаков почему-то именно в армии. Вероятно, вспоминая свое недавнее прошлое, смотрят на него иными глазами, и просыпа-

шанс освободиться от деспотии старшаков. Надо только решиться, и тогда верхушка дрогнет, увидев, что перед ней большинство.

Но до поры до времени ребята боятся. Еще не уверены в силе и твердости нового лидера. Ведь ему приходится полагаться только на себя. Особенность «кризиса власти» в том, что старшаку-спасателю нельзя обращаться за помощью. Никуда! Самый верный способ оттолкнуть от себя всех — выйти за рамки улицы и обратиться к властям. Полагаться только на себя! На свою волю, находчивость, мужество, умение вести переговоры с уличной камарильей. Ну, а когда убеждения и «дипломатия» не помогают, нелишним бывает показать и собственный уличный дух. Это действует. Во-первых, главари тоже хотят жить. А во-вторых, они не хотят рисковать своей свободой из-за какого-то «чокнутого», которому дали какие-то пацаны. Да бери их, если очень надо, а мы найдем других!

Пацан, в каком бы катастрофическом положении он ни оказался, не смеет просить помощи ни у педагогов, ни у ми-

лучше — в каждом жилом квартале. Чтобы ребята знали их так же, как знают детские сады и школы. Только в этом случае ускользающая, кочующая, мотающаяся уличная среда может перестать мотаться. С* переходом на «оседлость» изменится и образ ее жизни.

В США применяется рискованный, но хорошо оплачиваемый метод борьбы с преступностью несовершеннолетних. Специально подготовленные агенты внедряются в уличные шайки, подрывают власть главарей, расстраивают планы преступных действий, находят лучшие качества подростков достойное применение.

Примерно так же действовала в Черемушкинском районе Москвы и Элла Анатольевна Котова. С той лишь разницей, что ее никто не направлял спасать ребят от улицы, никто не оплачивает ее работу и она не проходила никакой специальной подготовки.

В доме, где живет Котова, было помещение, где под вывеской «Шахматный клуб» устроились взрослые картежники. В соседнем помещении агит-

пункта собирались подростки-наркоманы. Увидев брошенные в туалете шприцы, Котова сама назначила себя спасателем.

То, чем она взяла ребят, только подтверждает уже сказанное. Им захотелось встретиться в чистом, а не загроможденном помещении. И они вместе с Котовой засучили рукава. А увидев, что она не испугалась угроз картежников, помогли ей выставить их за дверь.

Элла Анатольевна быстро поняла, что улица — это прежде всего общение. Нужно только изменить его содержание. Начала с бесед о жизни, чтении и обсуждения газетных и журнальных статей, пробуждая у ребят интерес к тому, что происходит в обществе. Котова понимала, что многим клуб нужен как второй дом, а она сама — как мать.

Но одних бесед, споров, чаепитий и совместного проведения выходных и праздничных дней мало. Подросткам нужно действие! Котова поняла: самое лучшее действие — коллективный труд! Для начала — по оборудованию клуба. После трехлетних хождений по разным инстанциям она добилась главного: созданный ею клуб «Мозаика» получил статус кооператива. ДЭЗ поручил ребятам сооружение детской площадки. Решили: если справятся, — будут внедрять и другие предложения Котовой. Дворничка, плотничка и даже простые сантехнические работы в своем и соседних домах — вот чем заняты ребята.

Котова — фанатик, человек редкого упорства и преданности детям. Три года неоплачиваемой вечерней работы — после работы основной. Три года непонимания со стороны ДЭЗа и предприятия, которое могло бы взять шефство над клубом.

Ну, а если стать спасателем ребят захочет человек меньшей выносливости? Какие есть гарантии поддержки со стороны общества? Никаких. А если не создано юридического и правового оформления работы с улицей, если под эту работу не подведена материальная база, то нет и сколько-нибудь реальных перспектив ее планомерного проведения. Есть лишь беспоконные метания энтузиастов вроде Котовой. Но при всем уважении к ним надо признать: они не смогут вернуть в общественную жизнь миллионы подростков, «охваченных» улицей.

Мы явно недооценили улицу как конкурента. Иначе не поручили бы организацию досуга по месту жительства самому далекому от педагогики ведомству — Минжилкомхозу — и не понадеялись бы еще массу глупостей.

Руководителей клубов, кружков и секций по месту жительства называют сегодня насмешливо-презрительно «сторублевыми педагогами», они, как правило, лишь отбывают положенные часы. В клубы по месту жительства обычно идут люди с педагогическими дипломами, кто не хочет работать в школе, либо признанные там профнепригодными. Размер зарплаты поставлен в зависимости от педагогического образования и стажа подработки. Между тем желание работать с подростками, как ни странно, свойственно чаще людям непедagogических профессий.

Клубам по месту жительства больше двадцати лет, а на всех всесоюзных встречах, семинарах, совещаниях, посвященных их работе, звучит один и тот же вопрос: когда же наконец будет выработана методика воспитания по месту жительства? А кому ее выработать, если в клубы не идут люди талантливые, способные к педагогическому творчеству? Они, быть может, и пошли бы и на сторублевою зарплату, если бы не прокустовое ложе, в кото-

рое втиснута вся работа по месту жительства.

По положению, клуб должен получать три процента от квартирной и арендной платы. Не бог весть какая сумма, но и она не достается клубам полностью. Только за последние три года в Калининском районе Москвы остались неизрасходованными 259 тысяч рублей. В 1987 году в Пролетарском районе из 169 тысяч рублей израсходовано... 720. В Ворошиловском районе — из 94 тысяч — 180 рублей. Посчитать бы, сколько неизрасходованных денег в целом по стране!

Большинство клубов является либо в подвалах, не отвечающих элементарным санитарным и эстетическим нормам, либо в тесных секциях на первых этажах жилых домов. Размеры помещений сами по себе диктуют выбор занятий для подростков. В лучшем случае это технические кружки, футбольные или хоккейные секции. Неудивительно, что к 13—14 годам подростки начинают обходить клубы стороной или даже мешать их работе.

...Дмитрий Яцук из Запорожья играл раньше в молодежной сборной страны по гандболу. Много ездил, бывал за границей. И всюду присматривался: где как работают с подростками. А когда ушел из большого спорта, решил провести эксперимент. Нашел большое, никому не нужное здание бывшей котельной и решил превратить его в спортивно-оздоровительный комплекс.

Яцуку на редкость повезло. Его поддержали второй секретарь райкома партии В. Левченко и директор районного жилищно-коммунального управления В. Зайко.

Яцук понял то, что давно пора бы понять городским властям Казани и Алма-Аты. Тех, кто сегодня старше 13—14 лет, оторвать от улицы уже сложно, может, и невозможно. Значит, надо начинать с более раннего возраста. С какого? С четырех-пяти лет! И сделать так, чтобы комплекс посещали семьями. Чтобы у родителей и детей была общая культура — физическая и общая позиция — здорового образа жизни. Семья становится коллективом, способным конкурировать с коллективом уличным. А ребенок, войдя во вкус физической культуры и здоровых привычек, приобретает иммунитет против дурного влияния.

Хороший замысел могла осуществить только крепкая команда настоящих профессионалов. Но как дать каждому зарплату профессионала? С молчаливого одобрения районного руководства Яцук начал финансовую партизанщину. Шефом стало объединение «Запорожтрансформатор». На деньги, выделенные профкомом, Яцук набрал штат тренеров, руководителей кружков и секций. Потом отпечатал в типографии абонементы на посещение комплекса и стал распространять их по цехам и отделам за плату.

На него смотрели с ужасом: «Как можно брать с детей деньги?» А родители выстраивались за абонементом в очередь. Они готовы были и на большие затраты, только бы знать, что дети находятся под присмотром.

В среднем месячный абонемент стоит восемь рублей. Для семьи с любым количеством детей. Если комплекс посещают и родители, с детей плату не берут. Так хитрый Яцук привлекает весь семейный коллектив. Дошкольник, занимающийся без родителей, платит два рубля в месяц, школьник — три. Ребята из малообеспеченных семей — ничего.

Яцук завел в комплексе бухгалтерию, кассу, открыл расчетный счет. Профкомы цехов и отделов стали пере-

числять плату за семейные абонементы по безналичному расчету. Отныне множество рабочих и служащих объединения могли бывать в комплексе не раз в неделю, как раньше, а гораздо чаще. Но вместе с детьми! — ставил условие Яцук.

В дополнение к основной плате руководители секций, кружков, тренеры, врачи, массажисты стали получать — по заключаемым с ними договорам — 40 процентов от выручки за платные услуги. От 300 до 400 рублей каждый.

Зал настольного тенниса дает 672 рубля. Зал борьбы дзюдо — 840. Бассейн — 960. Зал атлетической подготовки — 1200, женской гимнастики — 1600. Сюда можно добавить платные занятия у-шу, мини-футболом, рукопашным боем, просмотр видеофильмов, посещение сауны, кружки технического творчества. Из 114 учебных групп — 88 платные.

Заключив трудовой договор, руководитель группы кровно заинтересован в каждом занимающемся, будь то ребенок или взрослый. Сотрудники комплекса — штатные и совместители — работают с 6 утра (на объединении трех-сменка) и до 23 часов.

Яцук сделал к котельной мыслимые и немыслимые пристройки. Уже занимались две тысячи человек — в два раза больше, чем рассчитывали, но и такой размах не устраивал Яцука! Он начал создавать филиалы комплекса на базе ближайших школ.

Обычно районный отдел народного образования выделяет каждой школе на спортивный и культурно-массовый инвентарь не более 500 рублей в год. Яцук в квартал выдает по тысяче! Открывает новые бесплатные секции и кружки — так используются остальные 60 процентов денег, получаемых от платных занятий в школах. Вместе с пятью филиалами годовой доход комплекса составляет 113 тысяч рублей.

О ценности метода судят по его результатам. В Ленинском районе Запорожья, где работает комплекс Яцука, — 250 тысяч жителей. Комплекс посещают три тысячи. На учете в районной инспекции стоят 310 подростков. А в микрорайоне, где расположен комплекс, — только один! Пацан-третьеклассник. Но и тот посещает комплекс.

— А как вы поступаете с уличными подростками? — спросил я Яцука. — Уж они-то наверняка не станут ходить с родителями. Да и по отдельности тоже. Привыкли быть в куче.

— А мы уличной группе ничего не навязываем, — отвечал Яцук. — Пацаны занимаются, чем хотят. Для нас главное — чтобы не шатались по комплексу, не мешали другим, не безобразничали. Конечно, больше всего ребят привлекают тренировки по рукопашному бою без оружия, которые проводят бывшие «афганцы». На втором месте у них видео. На третьем — бассейн. Пробовали установить для них плату. На следующий день смотрю — ни одного! Я тут же объявил: «Для вас, ребята, хозрасчет отменяется». Смотрю: пришли...

Опыту Яцука — десять лет. За этот срок комплекс сформировал несколько тысяч здоровых семей. В микрорайоне самое низкое в городе количество алкоголиков и дебоширов. А десять лет назад этот микрорайон считался одним из самых тяжелых в Запорожье.

Бывшие воспитанники Яцука и его коллег сегодня заниматься приходят уже с собственными детьми. Сложился своеобразный замкнутый воспитательный цикл, своего рода «безотходное производство» здоровых личностей.

Летом команда Яцука отправляется вслед за потоком горожан на Кахов-

ское водохранилище. И предоставляет там совершенно другой набор платных услуг. Катание на яхте и водных лыжах. Стрельба из пневматических ружей. Подводное плавание. Дискотека. Прокат лодок, теннисных столов, бильярда, рыболовных принадлежностей.

Мы встретились с Дмитрием Яцуком в ВЦСПС. «Это то, что мы ждали много лет! — воскликнул он, подняв над головой брошюру с постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС «О применении договорных форм организации и стимулировании труда коллективов и отдельных работников культурно-просветительных, внешкольных учреждений и спортивных сооружений, занятых оказанием платных услуг населению». — Наши методы легализованы! Теперь я имею юридическое право поощрять лучших профессионалов в размере 30 процентов от оклада. Как тут не радоваться!»

Конечно, хорошо, что Яцуку повезло с котельной. А если бы ее не было? Хорошо, что поддержали руководители района. А если бы не поддержали? Хорошо, что комплексу дали статус профсоюзного клуба задолго до того, как было принято Положение о профсоюзном подростковом клубе. Хорошо, что первый секретарь обкома посоветовал работникам ОБХСС заняться более важными делами и не терзать напрасну Яцука. Хорошо, наконец, что в ВЦСПС нашлись люди, которые внимательно следили за экспериментом Яцука и разработали упомянутое постановление на основе его модели организации платных занятий.

Так до каких же пор работа с подростками по месту жительства, ее успех или провал будут зависеть от стольких условий?

Почему для того, чтобы спасти пациентов от уличных главерей, воспитателю надо спасаться от тех, кто постоянно мешает ему вопреки очевидной служебной обязанности помогать?

В одном и том же городе могут быть районы с разным поведением подростков. Стало быть, могут применяться разные варианты работы с уличной средой. Я привел только два. Но есть и другие. Они могут быть многообразны, как и сама уличная жизнь и запросы ребят. Но не пора ли нам свести все это многообразие в единую отрасль социальной педагогики, коль она так сильно отличается от школьной и всякой другой, да начать специальную подготовку настоящих профессионалов?

В сентябре в Ленинградской высшей профсоюзной школе откроется факультет по подготовке организаторов работы с подростками по месту жительства. Такой же предполагается открыть на Дальнем Востоке. После четырехгодичного обучения будет выпущено около тысячи специалистов. Но тысяча на страну — капля в море! К концу пятилетки одних только профсоюзных детских и подростковых клубов будет около 16 тысяч. А сколько у нас дворовых — жилкомхозовских? Еще больше. Кто же их возглавит? Тысяча специалистов будет подготовлена только через четыре года, а работать с улицей, особенно в таких тревожных городах, как Казань, Алма-Ата, Воркута, надо сегодня, сейчас!

...Улица — давно уже не только «простор меж двух порядков домов», как сказано в слове Дая. Это особая сфера общественной жизни, серьезная социальная сила и порой еще «черная дыра». Но не занимаемся же мы освоением космоса с помощью самодельных телескопов и не собираемся лететь к Марсу на дирижабле. Пора бы и улице — «черной дыре» — заняться на государственном уровне.

Алексей ИВИН

Еще туман. Все спит еще пока.
Уйду туда, где плещется река,
Пустую лодку в камышах найду
И посмотрю на блеклую звезду,
И оттолкнусь, и мирно поплывет
Моя душа среди пустынных вод
На склоне ночи, накануне дня,
Зарю предвосхищая и храня.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Пустынный мокрый лес.
Туман. И моросит.
В просторной тишине трещат
сучки стропливо.
Пружинит толкий мох,
и белый свет сквозит
В разрывах серых туч,
бегущих торопливо.
И палая листва легла
на перегой,
И почва стылая струит
промоглый запах,
И изморось дрожит, как бисер
рассыпной,
На паутинках и в еловых лапах.
И щеки холодны, как яблоки,
и в грудь
Вливается такой знобящий
серый воздух,
Что хочется легко и радостно
вздохнуть
Или расплакаться от воздаяний
поздних.

Нина ЛОКШИНА

Здесь нет числа чудесным
превращениям,
Здесь прошлое пленяет новизной,
И гибель завершается рождением,
И осень завершается весной.

Здесь царствуют законы постоянства
Преображенья малости любовью,
И чувства многомерны,
как пространство,
Разъединяющее нас с тобой.

Так будь великодушен, разреши
Поплакаться сладко, пошутить
с горчинкой,
Соприкасаясь каждой ложбинкой
И каждой неровностью души.

Так будь великодушен, разреши
Словами не жонглировать иными
И обращаться с ними,
как с родными,—
Не трогай их, и будут хороши.

Так будь великодушен и позволь
Хоть временами выходить из круга,
И что-то значить только друг
для друга,
И не играть при этом
чью-то роль...

Я утра жду, чтоб твой услышать
голос,
Я все тревоги от себя гоню,
Ты жив — и эту радостную новость
Я повторяю сорок раз на дню.

И эта весть — мне высшая награда
За тяжесть невостремленных дней,
За то, что беспощадна наша правда,
И лучше нам не вспоминать о ней.

Валерий МИТРОХИН

ОБЪЯСНЕНИЕ

Два сильных пламени,
Два трепетных огня
Согрели эту комнату холодную.
Плебей. Люблю тебя,
высокородную...
Как все же угораздило меня!

А слово очень коротко живет:
Оно звучит, пока к тебе
стремится.
На замкнутой, невидимой границе
Кончается звучанье и полет.

Несправедливость эту я пресек.
Я слово обессмертил рифмой
точной.
Грань преступив, ты горечью
восточной
Дохнула мне в заснеженный висок.

И комната холодная в чертог
В златой, конечно, стала
превращаться.
В ней зверь живет. Он жаждет
укрощаться,
Как бог: и многорук, и многоног.

При ясном свете и когда темно,
Кружится осени веретено.
Дорога, что взлетела над горой,
Как нитка между небом и землей.

Но что же снова пряжа расплелась?
Летит, летает, растянувшись длинно —
Прозрачная седая паутина —
Непрочная и призрачная связь.

МОЛИТВА

Вокруг идет война.
Я дрался что есть силы.
Я на краю могилы,
Спаси, любовь, меня!

Услышь меня вдали.
Приди сюда скорее.
Я без тебя старею
Со скоростью земли.

Горит вода морей.
Тьма подступает с тыла.
Забудь меня скорей!
Спасибо, что забыла.

Исчезнет плоти груз.
В душе любовь упрячу.
Так почему я плачу?
Бессмертия боюсь?

НЕЧАЯННО

Ничья она, ничья она —
Нам чайка вслед кричала.
Мы встретились нечаянно
У этого причала.
Разменяв рябью медною
Луны червонный слиток.
Ютимся вечно бедные —
Без крыши и пожиток...

Снова вечер тих и бесконечен.
Снова я тобой спокойно встречен.
Говорю привычные слова.
В печь кладу смолистые дрова...

Снова все, как некогда бывало,
Губы от огня слегка горьки...
В августовской темноте чувала¹
Падают, как звезды, угольки.

¹ Чувал — камин в печи.

Татьяна ПОКРОВСКАЯ

Я не смогу любовь обосновать,
и ты в нее, возможно, не поверишь,
и о другой ты будешь тосковать,
и по другим часам ты время сверишь.

Увы, я слов надежных не найду,
печально наблюдая: время тает,
словам порой значений не хватает,
строка — как пар дыханья на лету.

Акоп ЕСАЯН

ЛЮБОВЬ

Все небо немо.
В тишине
Слова разлуки шепчут мне
Звезд раскаленные лучи,
И я в руках,
как жар свечи.

Их ощущаю и молчу...
Нет, не молчу —
тебе кричу.

А ты не слышишь.
Говоришь,
Что вот разлука, что грустишь,
Но ты под небом уж другим...
Да, я тобою не любим.

Мы друг другу улыбнулись,
Только взглядом разминулись,
Как в пустом стекле стекло.
Посмотрели друг на друга,
Будто мы иного круга,
Нас друг к другу
не влекло.

Но меня остановила
Вдруг неведомая сила —
Ты иной не можешь быть:
Ты среди пустых стекляшек,
Средь забот подспудных наших
Можешь главное —
любить.
Перевод с армянского
Александра Герасименко.

Валентина КОРОСТЕЛЕВА

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Мы выпивали ночь до дна,
Как будто мстя разлуке,
Сливались наши имена,
Сплетались наши руки.

Попробуй словом назови —
Что мрак одолевает!..
Пусть совершенства нет в любви,
Есть песня грозовая!

ВЕЧЕР В ОБЛАКАХ

Он рядом был, и цвел, казалось,
воздух,
Судьба дарила новые права,
И, не спросясь, непостижимо просто
Входили в душу взгляды и слова.

А за окошком шелестели травы,
Казалось, солнце в рученьки
плывет...
Да разве знала я, какой отравой
Вдруг обернется встречи
этой мед!

Да разве знала я, да разве
знала...
Не солнце — шарик лопнувший
в руках,
Но, кажется, и жизнь бы променяла
На этот странный вечер в облаках!

СИЛЬНЫХ
ПЛАМЕНИ,
ТРЕПЕТНЫХ
ОГНЯ...

Владимир БУТ

■
Пришла пора
Отдать долги
Всем женщинам,
Что нас любили,—
Господь нам, грешным, помоги,
Чтоб мы кого-то не забыли.

Чтоб мы,
В раскаяньи своем,
О ближних помнили,
И дальних,
Об опаливших нас огнем,
И некрасивых,
И опальных.

Помянем добрым словом тех,
Чьих мы надежд не оправдали,
С кем распрощались без помех,
Кому чего-то недодали...

Потери наши,
Наша боль...
Чего в них больше —
Зла иль света?
Бальзам на раны
Или соль
Мы сыплем в поисках ответа?

Запомним свет!
Отбросим зло!
Чтоб не гасила взгляд
Усталость,
Быльем плохое поросло,
И лишь добро в душе осталось!

Вернемся в памяти своей
К дням нашим лучшим
На свиданье,
И, может, там,
Средь этих дней,
Нам и найдется
Оправданье.

■
Если грусть по тебе
Одолеет меня,
Я не стану заламывать руки,
Украду я у жизни
Три лучшие дня
И прерву бесконечность разлуки.

Я швырну эти дни
На горячий песок,
Я их чайкам скормлю
на рассвете,
Пусть их смоеет волна,
Как следы твоих ног,
Пусть развеет, как облако,
ветер.

Говорят: не богат,—
Богачом не кажись!
Но чего-то я все ж таки
стою,
Хоть и весь капитал мой
Единственный — жизнь,
Хочешь, я поделюсь им
с тобою?

Я немного боюсь иронических
глаз,
В дар каких-то три дня
предлагая,

Это в перстни твои
Мой нехитрый алмаз,
Это — время! —
Моя дорогая.

Пусть рассеет их ночь,
Как за морем огни,
Пусть дождем они тихим
Прольются,—
Ты возьми эти дни,
Даже если они
Из последних, что мне
Остаются...

Александр ХОЛИН

■
Нужны ли вам они, нужны ли
Мои безумные глаза?
Кого они вчера любили?
Кого полюбят за глаза?

Нельзя сказать, что мы
не пара,
И в то же время — далеки,
Как две невыпитые чары,
Как две забытые строки.

Руки невидимого взмаха
Не удержать, не угадать.
И между нами призрак страха,
Как тайный страж,
как злобный тать.

Гаси отчаянные вздохи
В очередях, на все плюя,
Ведь для эпохи эти вздохи —
Пустая трата бытия.

■
Два века мне отмерено,
Отмерено из небыли.
Не ты впотьмах потеряна,
А та, которой не было.

И не с тобой под пятницу
Пойду я в храм на исповедь,
А с той, которой пьяницы
Стихи читают издавна.

Но ведь не зря из небыли
Вдруг возникает истина.
И та, которой не было,
Меня целует истоиво.

■
Темь на платформе.
Ни огонька.
Фырканье незагоревшейся спички.
Непостоянные облака
Дремы
в постылой до слез электричке.
Росчерк еще не рожденной строки
Птицей ночью в окне
обернулся.

И померещилось:
Кто-то щеки
Нежно,
неверно,
нервно
коснулся.

Чей это голос —
чужой ли, родной —
Памяти сонной листает странички?
...Но никого в темноте за спиной,
И никого за хвостом электрички.

Борис МАРТЫХИН

ПРОЩАНИЕ

Ушел мой друг, не смог
меня простить,
ушел, махнув рукою так
устало,
и то движенье как бы
оборвало
какую-то невидимую нить.
Остались только снежные следы
при тусклом свете
у закрытой двери,
и долго на меня они смотрели,
все превращаясь в лужицы воды.
За дверью долго слышались
шаги,
а я молчал в своем оцепененье,
ладонь моя хранила ощущение
протянутой при встрече мне
руки.

фото Анатолия ЖМУЛЮКИНА

На этот раз мы обошлись без «тролляка». Ассистентки с помощью шофера вытащили меня из машины, поставили на ноги, и, поддерживаемая со всех сторон, я с трудом протиснулась в дверной проем и очутилась в красиво убранной комнате. Седая женщина в пурпурном шелковом платье сидела в кресле-качалке у камина. По морщинистому лицу и ладоням было видно, что ей уже немало лет, но смотрела она на меня живыми, внимательными, **нестарыми** глазами.

— Входите, моя дорогая, — приветливо сказала она неожиданно звонким голосом.

Она кивнула на кресло возле себя, но, взглянув на меня еще раз, с сомнением покачала головой:

— Наверное, вам будет удобнее на кровати.

Я взглянула на кровать с недоверием.

— Вы думаете, она выдержит? — спросила я.

— Полагаю, да, — ответила она, впрочем, не слишком уверенно.

Мои провожатые помогли мне взобраться на это ложе — лица у них при этом были озабоченные, — и, когда стало ясно, что кровать выдерживает мой вес (хотя она и заметно прогнулась), застыли возле меня, словно охраняя от кого-то. Седая женщина знаком велела им оставить нас и позвонила в маленький серебряный колокольчик. Крохотная фигурка — чуть больше метра ростом — показалась в дверях.

— Будьте добры, темный шерри, Милдред, — повелительно произнесла женщина. — Вы ведь выпьете шерри, дорогая? — обратилась она ко мне.

— Да... Да, конечно, благодарю вас... — слегка растерялась я. — Простите, мисс... или миссис?..

— О, мне, конечно, следовало сначала представиться. Меня зовут Лаура. Вы же, насколько я знаю, Орчиз. Мама Орчиз, не так ли?

— Так они меня называют, — неохотно и с еле сдерживаемым отвращением сказала я.

Ваша крохотная горничная с серебряным подносом, на котором стояли полупрозрачный графин и два бокала. Горничная наполнила оба бокала, а пожилая дама переводила взгляд с нее на меня и обратно, словно сравнивая нас. Странное, не передаваемое словами выражение промелькнуло у нее на лице, и я решила сделать пробный шаг.

— Должно быть, это мадера? — кивнула я на бокалы.

Она изумленно вскинула брови, потом улыбнулась и кивнула с явным удовлетворением на лице.

— Что ж, кажется, вы одной-единственной фразой подтвердили правильность и целесообразность вашего визита сюда, — сказала она.

Горничная вышла, и мы обе потянулись к бокалам. — И все же, — продолжала Лаура, — давайте-ка поподробнее все обсудим. Скажите, дорогая, они объяснили, почему направили вас ко мне?

— Нет. — Я отрицательно качнула головой.

— Потому что я историк, — сказала она. — А заниматься историей в наши дни позволено и доступно не каждому. Это своего рода привилегия, нас очень мало. К счастью, сейчас понимают, что ни одной отрасли знаний нельзя дать отмереть окончательно, и все же некоторые из нас вызывают, м-мм, настороженность... политического характера. — Она неодобрительно усмехнулась. — Однако, когда нужно что-то выяснить, приходится обращаться к специалисту. Они что-нибудь говорили о диагнозе, который вам поставили?

Я опять помотала головой.

— Так я и думала. Это у них профессиональное, не так ли? Что ж, я передам вам все, что сказали мне по телефону из Дома материнства. Пожалуй, лучше всего начать именно с этого. Мне сообщили, что с вами беседовало несколько врачей, которых вы сильно заинтересовали, озадачили и, надо полагать, расстроили. Бедняги, ни у кого из них нет ни малейших исторических знаний, они ровным счетом... Словом, две из них убеждены, что у вас психическое заболевание — мания, шизофренический бред и так далее. Остальные склонны полагать, что с вами произошел гораздо более редкий случай — трансформация личности. Это действительно большая редкость. Известно всего три подобных зарегистрированных случая, но интересно, что два из них связаны с препаратом «чюнджиагин», а третий — с лекарством сходного происхождения. Итак, большинство из беседовавших с вами врачей сочли некоторые ваши ответы связанными, последовательными, убедительными и полностью совпадающими с тремя уже известными случаями. Но, так как они не знают практически ничего, что выходит за рамки их профессии, очень многое в вашем случае выглядит... С одной стороны, им трудно в это поверить, с другой — у них нет возможности проверить. Для этого им и нужно мое профессиональное мнение. Ваш бокал пуст, дорогая, позвольте, я налью вам еще.

— Трансформация личности, — задумчиво повторила я, подставляя бокал, — но если такое возможно...

— О, нет никаких сомнений в том, что в принципе это возможно. Те три случая, которые я упомянула, определены совершенно точно.

— Это очень похоже... — вынуждена была согла-

ситься я. — В каком-то смысле это действительно может быть... Но, с другой стороны, и элементы галлюцинации тут, безусловно, присутствуют. Скажем, вы — вы сами — кажетесь мне совершенно нормальной. Но взгляните на меня!.. И на свою маленькую служанку! Тут явный бред — иллюзия! Мне лишь **кажется**, что я — такая — нахожусь здесь и разговариваю с вами... Этого не может быть в действительности, а значит... Значит, где же я на самом деле?

— Я понимаю, и, быть может, лучше, чем кто бы то ни было, насколько нереальным вам кажется все это.

Она помолчала, задумчиво глядя на меня.

— Вы знаете, я, пожалуй, столкнулась сейчас с самым интересным случаем за всю мою довольно долгую жизнь... В каком-то смысле мне повезло, но... я понимаю, дорогая, как вы сейчас воспринимаете то, что вас окружает, — повторила она. — Я провела столько времени среди книг, что это иногда кажется нереальным и мне... Скажите, дорогая, когда вы родились?

Я ответила.

— М-да... Георг Шестой, стало быть... Следующей, второй войны вы не... помните?

— Не помню, — подтвердила я. — Меня еще не было на свете.

— Но вы можете помнить коронацию следующего монарха. Кстати, кто это был?

— Елизавета... Елизавета Вторая. Моя мать водила меня смотреть, — сказала я.

— Вы что-нибудь запомнили из этого зрелища?

— Честно говоря, не очень много... Разве что... Целый день напролет шел дождь, а больше... пожалуй, ничего существенного, — созналась я.

Мы еще немного побеседовали в таком духе, пока она, наконец, не улыбнулась, одобрительно кивая.

— Ну, что ж, теперь у меня не осталось ни капли сомнений. Я кое-что слышала об этой коронации... Великолепное, наверное, было зрелище в аббатстве... Она помолчала и легонько вздохнула. — Вы были очень терпеливы и любезны со мной, дорогая, и, конечно, будет справедливо... Теперь настала ваша очередь кое-что выслушать. Но боюсь, вам будет это... нелегко...

— Вряд ли меня может что-нибудь удивить после тех тридцати шести часов, которые я провела **здесь**.

— Сомневаюсь, — возразила она, не отводя от меня внимательных глаз.

— Скажите, — попросила я, — пожалуйста... объясните мне все... если можете!

— Ваш бокал, дорогая, разрешите, я налью вам еще... И я скажу вам все. — Она наполнила оба бокала. — Что поразило и поражает вас больше всего? Из окружающей вас реальности?

— Но... этого так... много. — Я колебалась, не зная, с чего начать.

— Может быть, тот факт... то обстоятельство, что вы ни разу за все время не встретили здесь мужчину? — подсказала она.

Я постаралась вернуться к моменту моего «пробуждения». Вспомнила, как одна из «Мам» удивленно спросила: «Что значит — мужчина?»

— Пожалуй, — сказала я, — пожалуй, это — одно из самых...

Она медленно покачала головой.

— Их больше нет, дорогая. Ни одного. Нигде.

Я туло уставилась на нее. Выражение ее лица было серьезным и участливым, даже... жалостливым. На нем не было ни тени притворства. Некоторое время я молча перебарывала услышанное, пока, наконец, у меня не вырвалось:

— Но... Это **невозможно!!!** Ведь где-то должны быть... Вы же не можете... Как же вы тогда?... То есть я хочу сказать!..

Она вздохнула.

— Я понимаю, это кажется вам невозможным, Джейн... Вы разрешите называть вас Джейн? Однако это действительно так. Я пожилая женщина, мне скоро будет восемьдесят, и за всю свою долгую жизнь я ни разу не видела мужчину... разве что на древних картинах и полуистлевших фотографиях. Пейте шерри, дорогая, вам станет лучше. Боюсь, я очень расстроила вас. — Она помолчала, давая мне время прийти в себя. — Я примерно представляю себе, что вы сейчас чувствуете. Видите ли, я знаю историю не только по книгам. Когда я была совсем девочкой, мне довелось слышать множество историй от моей бабки. Тогда ей было что-то около восьмидесяти, но память у нее была хорошая, и рассказчица она была прекрасная. Я словно сама видела те... тот мир, о котором она говорила, те места... Но это было настолько **другим**, так чуждо... Так непохоже на все, что меня окружало... Мне было трудно понять ее... Когда она говорила о юноше, с которым была когда-то помолвлена, слезы струились из ее глаз. Она плакала, конечно, не из-за него, а из-за всего утраченного ею мира — мира ее юности. И даже тогда мне было непонятно, что она испытывала. Да и как я могла понять? Но теперь, когда я сама стала старой и так много прочла, я могу приблизительно представить, что она должна была чувствовать, вспоминая о былом. Скажите, дорогая... Она взглянула на меня с острым любопытством. — А вы... вы тоже были помолвлены?

— Я была замужем... очень недолго.

Она задумалась.

— Должно быть, это очень странное чувство, чувствовать себя чьей-то собственностью...

— Собственностью?! — изумленно переспросила я.

— Собственностью своего, м-мм, мужа, — пояснила она.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

— Но... это было... совсем не так... — пробормотала я, — это было... Но что случилось? Что могло случиться с ними **со всеми**?

— Они все умерли, — спокойно сказала она. — Заболели и умерли. Никто не мог ничего поделать — они исчезли, всего за год... даже чуть меньше года — не осталось ни одного, за исключением, быть может, нескольких на всей планете.

— Но тогда... тогда все должно было пойти прахом!..

— О, да. Сначала почти так и было — было... очень скверно. Начался голод. Замерла вся промышленность, и лишь в менее развитых странах, преимущественно аграрных, женщины сумели научиться кое-как обрабатывать землю и тем самым уберечь себя и своих детей от голодной смерти. Почти все цивилизованные центры, скопления городов превратились в пепелища... Перестал существовать транспорт: кончилась нефть, некому было добывать уголь... Когда наступил кризис, оказалось, что лишь ничтожное количество женщин, которых было больше, чем мужчин, способно заниматься какой-то серьезной работой.

Но кризис был неизбежен. Случись это пятьюдесятью годами раньше, мы были бы обречены на неминуемую гибель. Пятьюдесятью годами позже — тоже могло оказаться роковым — к этому времени **все** без исключения женщины могли превратиться в домашних... полуживотных. Но, к счастью, в середине двадцатого столетия некоторые женщины владели определенными профессиями и, что оказалось важнее всего при сложившихся обстоятельствах, были среди них и **медики**. Пожалуй, не будь этого, мы не сумели бы выжить... Я сама не очень разбираюсь в медицине,

(научно-фантастическая повесть)

"Звёзды пусть всё..."

Джон УИНДЕМ

поэтому вряд ли сумею объяснить вам, как это было достигнуто. Все, что я могу сказать... Словом, стали проводиться интенсивные научные исследования в той области, которая вам, вероятно, знакома больше, чем мне. Все виды существ, и наш в том числе, стремятся выжить, и доктора прежде всего должны были во что бы то ни стало сохранить это стремление. Несмотря на голод, хаос и разруху, дети должны были рождаться. Восстановление цивилизации, ее возрождение могли подождать: главное было — **продолжение рода**. И эта проблема была решена — дети стали рождаться: младенцы женского пола выживали, мужского — умирали. Таким образом, производить на свет мальчиков стало пустой тратой времени, и было сделано так, что стали рождаться лишь девочки. Вы, я вижу, хотите спросить: как? Но тут, дорогая, мы опять вторгаемся в область, которая вам ближе и понятнее. Вообще-то, как мне говорили, на самом деле это гораздо проще, чем кажется. Ведь, скажем, саранча способна производить женское потомство без мужских особей, кажется, до восьми поколений, а может, и дальше. Было бы странно, если бы мы, со всеми нашими знаниями и разумом, оказались беспомощнее саранчи, не правда ли?

Она смотрела на меня выжидающе. Судя по выражению ее лица, она ожидала восхищения... или, по крайней мере, изумления. Если я не ошиблась, то моя реакция должна была разочаровать ее: после того, как ядерная физика наглядно продемонстрировала, чего может достичь наука, вряд ли стоило удивляться каким-то **техническим** достижениям цивилизации. В принципе возможно **все** — другое дело, нужно ли это, может ли это принести какую-нибудь пользу, то есть реальное движение **вперед**...

— Чего же в результате вы добились? — спросила я.

— Мы выжили, — коротко ответила она.

— Биологически да, — согласилась я. — С этим я не спорю. Но если за это пришлось заплатить... Если это стоило вам **всего**... Если любовь, искусство, поэзия, физические наслаждения — все было принесено в жертву продолжению рода, зачем тогда нужно это самое продолжение?

— Вряд ли я смогу вам что-нибудь ответить, — пожалала она плечами, — разве что высказать общеизвестную истину: это — общее и главное стремление **любого** вида. Но я убеждена, что и в двадцатом веке ясности в этом вопросе было не больше, чем теперь. Кроме того, почему вы считаете, что все остальное исчезло? Разве поэзия Сафо не поэзия? А ваше самонадеянное утверждение, будто обладание душой зиждется на разнице полов, удивляет меня: ведь так очевидно, что двое **разных** неизбежно находятся в противоборстве, в различного рода конфликтах. Вы не согласны, дорогая?

— Как историк, изучавший мужчин, женщин и движущие силы тех или иных процессов, вы должны были сейчас лучше понять, о чем я говорила.

Она досадливо поморщилась.

— Вы — дитя своего века, моя дорогая, — произнесла она слегка снисходительным тоном. — Вам постоянно внушалось, что земля вертится лишь благодаря сексу, принявшему с развитием цивилизации форму Романтизма. И вы в это верите. Вас обманули, дорогая, обманули жестоко. Ваши интересы, весь кругозор свели к тому, что было необходимо, удобно и безвредно для развития существовавшей тогда экономики.

— Я не могу с вами согласиться, — покачала я головой, — конечно... кое-что вам известно о моем мире, но... извне — со стороны. Вы не можете понять, не в состоянии почувствовать!.. Что, по-вашему, тогда движет всем? Из-за чего, по-вашему, земля вертится?

— Это очень просто, дорогая. Стремление к власти. Оно заложено в нас с первого дня существования — и в мужчинах, и в женщинах одинаково. И это гораздо сильнее, чем секс, я же говорила вам — вас жестоко обманывали. «Подгоняли» под удобную в то время систему экономики. С появлением вируса, уничтожившего мужчин, впервые за всю историю человечества женщины перестали быть эксплуатируемым классом. Когда ими перестали править мужчины, они начали понимать свое истинное назначение, понимать — в чьих руках **должна** находиться сила и власть. Мужская особь нужна лишь благодаря **одной** своей функции — выполнив ее, весь остаток дней своих эта особь проводит в бессмысленной, ненужной и вредной для общества паразитической жизни. Когда они лишились своей власти, попросту исчезли, эта функция оказалась в руках медиков. Прошло не больше двух десятилетий, и они стали контролировать **все**. К ним прикнули немногие женщины, владеющие другими профессиями: инженеры, архитекторы, юристы, некоторые учителя и так далее, но только у врачей была настоящая власть, ибо они обладали **главным** — секретом жизни, дорогая... Секретом продолжения рода. Будущее было в их руках, и, когда жизнь потихоньку начала входить в русло, они превратились в домини-

рующий класс — **Докторат**. Отныне Докторат стал олицетворением высшей власти — он издавал законы и следил за их неукоснительным исполнением... Разумеется, не обошлось без оппозиции. Память о прошлом и два десятилетия полной анархии не прошли даром. Но в руках врачей было мощное средство повинования: каждая женщина, желавшая иметь детей, была вынуждена обращаться к ним и принимать все их условия, то есть занять то место в обществе, которое ей предназначалось. Анархия кончилась, порядок был восстановлен. Правда, позже возникла более организованная оппозиция — целая **партия**, утверждающая, что вирус, поразивший мужскую половину населения, исчез, и прежнее положение вещей может и должно быть восстановлено. Их называли Реакционистами, и они представляли собой определенную угрозу зарождавшейся **новой** форме жизни, **новой системы**.

Почти все члены Совета Докторов хорошо помнили те времена, когда беспощадно эксплуатировалась женская слабость и беспомощность, — времена наивысшего «расцвета» их бессмысленного и жалкого прозябания. И, естественно, они не имели никакого желания вновь разделить власть и авторитет с существами, которых считали биологически ниже себя. Да и с какой стати, если они **доказали** свое биологическое превосходство? Они отказались сделать хотя бы шаг, ведущий к разрушению нового порядка, новой системы. Реакционистки были объявлены вне закона... Но этой меры оказалось недостаточно. Вскоре стало ясно, что таким способом можно лишь устранить **следствие**, а не причину. В Совете поняли, что в их руках оказалась крайне нестабильная система — система, способная к выживанию, но по сути своей структуры мало чем отличающаяся от прежней — той, что потерпела крах. Нельзя было идти по проторенной дорожке — чем дальше, тем больше недовольства это вызвало бы у определенной части людей. Поэтому, если Докторат хотел остаться у власти, нужно было придумать и создать какую-то совершенно новую форму существования, новую структуру общества. При создании этой новой структуры необходимо было учитывать настроения малообразованных и некультурных представительниц женского пола — такие их свойства, как, скажем, стремление к социальной иерархии, почитание неестественных, надуманных социальных барьеров. Вы не можете не согласиться, дорогая, что в ваше время любая, прощу прощения, дура, чей муж занимал высокое социальное положение, вызвала почитание и зависть всех остальных женщин, хотя и оставалась той же самой душой. Точно так же и любое собрание незамужних, «свободных» женщин немедленно вызвало общественное порицание, социальную дискриминацию. Все это развело женские души, более того, процесс был практически необратим, и следовало учитывать это извечное женское стремление к безопасности, к силе, за которую можно укрыться. Не менее важным фактором, который невозможно было обойти, оставалась способность и стремление к самопожертвованию, проще говоря, к рабству, в той или иной форме. В сущности, мы ведь очень привязчивы по своей природе. Большинство из нас внутренне цепляется за привычные, когда-то установленные нормы, страшится отойти от них хоть на шаг, какими бы уродливыми эти нормы ни выглядели со стороны. Вся трудность управления нами заключается в создании каких-то незыблемых привычных стандартов. Поэтому для того, чтобы создаваемая заново социальная структура могла успешно развиваться, в расчет должны были приниматься стремления **всех** слоев населения. Были предприняты исследования различных вариантов тех или иных социальных структур, но в течение нескольких лет пришлось забросать все предлагаемые проекты, по разным причинам они не устраивали ту или иную категорию женщин. Структура, которая, наконец, была избрана и устраивала практически всех, родилась на основе Библии, очень популярной и почитаемой в то время. Дословно я, конечно, не помню, но... приблизительно это изречение звучало так: «Ступай к пчеле, ленивец, и избери путь ее!..» Совет Доктората последовал этому изречению, и структура, возникшая в результате этого, оказалась экономичной и удобной для всех категорий. В основе ее лежит разделение всего общества на четыре класса, причем, разделение это такое, что малейшее межклассовое проникновение и изменение исключено: слишком велико различие... Итак, у нас есть Докторат — наиболее образованный, **первый** класс, более пятидесяти процентов которого — медики. Далее — Мамы, затем — Обслуга, превосходящая по количеству другие классы, и, наконец, Работницы — физически развитые, сильные, выполняющие самую тяжелую работу. Все три низших класса почитают авторитет Доктората. Представительницы двух последних классов с трогательным благоговением относятся к Мамам. Обслуга считает свои функции

более престижными, чем функции Работниц. Те, в свою очередь, относятся к Обслуге добродушно-снисходительно... Итак, как видите, было достигнуто равновесие. Не все, конечно, шло гладко, были свои трудности, но в целом система себя оправдала. Постепенно вносились необходимые поправки, система совершенствовалась — вскоре, например, стало ясно, что без некоторого внутриклассового разделения Обслуги не обойтись. Потом кто-то догадался снабдить Полицейских чуть большим интеллектом, чтобы они немного отличались от обычных Работниц...

Пока она увлеченно пересказывала эти детали, я все отчетливее сознавала абсурдность, чудовищную аномалию всей системы в целом... И ее странную схожесть с...

— Пчелы! — неожиданно вырвалось у меня. — Улей!.. Вы же взяли за основу **пчелиный улей!**

— Почему бы и нет, — удивленно пожалала она плечами. — Это одна из самых совершенных и разумных структур, которую когда-либо создавала природа. Конечно, допустимы некоторые вариации, но в целом...

— Вы... Не хотите ли вы сказать, что только Мамы могут иметь детей?

— Нет, конечно. Члены Доктората тоже могут, если пожелают.

— Но... Как происходит градация?..

— Все решает Совет Доктората. В клиниках врачи исследуют новорожденных и определяют их принадлежность к тому или иному классу. После этого они, естественно, помещаются в соответствующие данному классу условия — разное питание, тренинг, гормональное развитие — все под контролем.

— Но зачем?! — вырвалось у меня непроизвольно. — Для чего?! Какой в этом смысл?.. Зачем жить... существовать **так**?!

— В чем же, по-вашему, заключается смысл существования? — спокойно спросила она.

— Мы живем, чтобы любить! Любить и быть любимыми... Рожать детей, чтобы любить их, рожать от тех, кого мы любим!..

— Вы опять рассуждаете, как дитя своей эпохи, наводите глянec на обыкновенные животные инстинкты. Но ведь мы стоим на ступень выше животных, и тут вряд ли вы будете со мной спорить.

— Тут — нет, но...

— Вы говорите «Любить». Но что вы можете знать о любви матери и дочери, любви, в которую не вмешивается мужчина, не привносит ревности и боли? Разве не трогательно любовь девушки к своим маленьким сестрам?

— Вы не понимаете... — с тоской прошептала я. — Как вы можете понять любовь, живущую в самом сердце, определяющую все ваше существование!.. Любовь, которая везде, во всем!.. Она... она может ранить, приносить страдания, но она может сделать вас счастливее всех на свете!.. Она может превратить пустырь в цветущий сад, простые слова сделать музыкой! Нет, вам не понять... ведь вы не знаете... не можете... Господи, Дональд, родной, как мне рассказать ей о том, что она не может даже представить!..

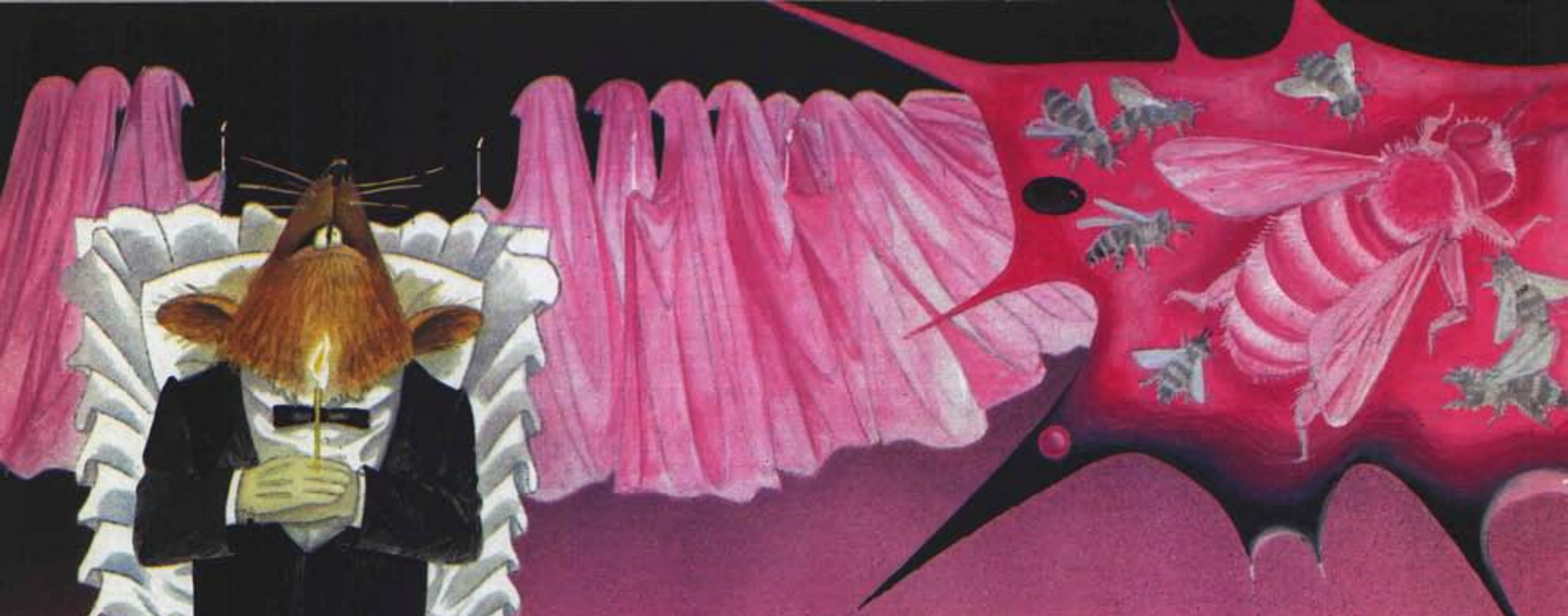
Возникла неловкая пауза. Наконец она проговорила:

— Ваша реакция женщины той эпохи сейчас вполне естественна... Но постарайтесь понять и нас: стоило ли отказываться от нашей свободы, от нашего Возрождения и вновь вызвать к жизни тех, кто превращал нас в полуживотных?

— Как вы не можете понять!.. Только самые малообразованные мужчины и женщины, самые тупые, лишенные интеллекта, «воевали» друг с другом. В основном мы были любящими парами, из которых и состояло наше общество.

— Моя дорогая, — улыбнулась она, — вы или поразительно мало знаете о собственном мире, или... Словом, те «тупые», о которых вы говорите, представляли собой подавляющее большинство. Ни как историк, ни как женщина, я не могу согласиться с тем, что мы должны были вновь воскресить, реанимировать прошлое. Примитивная стадия нашего развития навсегда канула в Вечность, и настала **новая эра** в цивилизации. Женщина, венец и основа всей жизни, была какое-то время вынуждена искать мужчину для продолжения рода. Но время это кончилось. А вы, дорогая, хотели бы вновь восстановить этот бессмысленный и опасный процесс исключительно для сохранения сентиментальной шелухи? Не буду скрывать, что кое-какие из второстепенных, м-мм, удобств мы утратили... Вы, наверное, вскоре заметите, что мы менее изобретательны в механике и лишь скопировали то, что давно было изобретено мужчинами. Но нас это мало беспокоит, так как мы занимаемся в основном биологией и всем, что с ней связано. Возможно, мужчины научили бы нас передвигаться в два раза быстрее, или летать на Луну, или искусно и массово истреблять друг друга, но за знания подобного рода не стоит платить возвратом к рабству. Нет, наш мир нам нравится (за исключением ничтожного числа Реакционистов)... Вы видели Обслугу — они немного светливы, но разве среди них есть печальные, горестные лица? А Работницы, которых вы называете амазонками, — разве они не пышут здоровьем, красотой, радостью и силой?

— Но ведь вы их обкрадываете! Вы украли у них право иметь детей!..

— Не стоит заниматься демагогией, моя дорогая. Разве ваша социальная система «не обкрадывала» точно так же незамужних женщин? И вы не только давали им это чувствовать и знать, вы создали на этом всю структуру общества. У нас же иначе: Работницы и Обслуга просто не знают, и их несколько не гнетет чувство неполноценности. Материнство — функция Мам, и это для всех естественно.

— Вы же обокрали их! Каждая женщина имеет право любить!

Впервые за время нашей беседы я почувствовала ее раздражение.

— Вы продолжаете мыслить категориями своей эпохи, — довольно резко оборвала она меня. — Любовь, о которой вы говорите, существует исключительно в вашем воображении — ее придумали! Вам никогда не приходилось взглянуть на этот вопрос с другой стороны? Ведь вас, лично вас, никогда открыто не продавали и не покупали как вещь. Вам никогда не приходилось продавать себя первому встречному просто для того, чтобы прокормиться. Вам не приходило в голову поставить себя на место одной из тех несчастных, которые на протяжении веков корчились в агонии, подыхали, насилуемые завоевателями, а то и сжигали сами себя, чтобы избежать подобной страшной участи? Или тех, кого заживо хоронили с усопшим супругом... Или тех, кто всю жизнь томился в гаремах... Вот она — изнанка Романтизма. И так продолжалось из века в век, но больше никогда не повторится, это кончилось, однажды и навсегда. А вы пытаетесь меня убедить в том, что нам следовало бы вернуться к прошлому — выстрадать все заново...

— Но большинство из того, о чем вы сейчас говорили, было прошлым и для нас... — попыталась я возразить, — мир становился все лучше...

— Вы полагаете? — усмехнулась она. — Может быть, наоборот — мир стоял на заре нового всплеска варварства и вандализма?

— Если от зла можно избавиться, отбросив с ним все добро, то что же остается? Что осталось?

— Очень многое. Мужчина олицетворял собой начало конца. Мы нуждались в нем... да, он был нужен — лишь для того, чтобы рождались дети. Вся остальная его деятельность приносила миру лишь горе и страдания. Теперь мы научились обходиться без него, и нам стало гораздо легче жить.

— Значит, вы убеждены, что победили... саму Природу?

— А-а, — она досадливо тряхнула головой, — любое развитие любой цивилизации можно назвать «победой» над Природой. Или насилем над ней — вы ведь хотели произнести это слово, дорогая? Но, скажите, разве вы предпочли бы жить в пещере, чтобы ваши дети умирали от голода и холода?

— Но есть же какие-то незыблемые вещи, которые нельзя менять, ибо на них... ибо в них состоит... — я пыталась подобрать слова, но она неожиданно прервала меня.

На поляне перед коттеджем замелькали длинные тени. В вечерней тишине слышался хор женских голосов. Несколько минут мы молчали, пока пение не начало затихать и отдаляться все дальше и дальше, замирая вдалеке.

— Как прекрасно! — с блаженной улыбкой вымолвила моя собеседница. — Ангелы не спели бы лучше! Это наши дети, они счастливы, и у них есть на то основание: они не вырастут в мире, где пришлось бы зависеть от злой или доброй воли мужчины, им никогда не придется принадлежать хозяину... Вслушайтесь в их голоса!.. Дорогая, почему вы плачете?

— Я знаю, это ужасно глупо, но, наверное, я плачу обо всем, что вы... утратили бы, окажись это явью, — сквозь слезы пробормотала я. — Вам никогда не встречались такие строки:

*Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть днем, выходя на берега,
Один к другому простирают руки... **

Неужели вы не чувствуете пустоту вашего мира? Неужели действительно не понимаете?..

— Я знаю, дорогая, вы еще очень мало знакомы с нашей жизнью, но пора уже осознать, что можно создать прекрасный мир, в котором женщинам не надо драться между собой за крохи мужского внимания... — взорвалась она.

Мы говорили и говорили, пока за окном не стало совсем темно.

Она действительно много читала. Некоторые «куски» прошлого, даже целые эпохи, она знала блестяще, кое-что из сказанного мною принимала с удивлением и признательностью, но ее взгляд на жизнь и общество был непоколебим. Она не чувствовала бесплодности этой жизни. Я для нее была лишь «продуктом эпохи Романтизма».

— Вы не можете отбросить от себя шелуху древних мифов, — продолжила она. — Вы рассуждаете о «полной» жизни и за образец берете несчастную женщину, связанную по рукам и ногам брачными цепями в собственном доме-клетке. И это, по-вашему, полная жизнь! Чувь, дорогая! Ее обманывали, внушая, что она живет полной жизнью, обманывали, потому что это было выгодно мужчинам. Действительно, полная жизнь была бы очень короткой в любой форме вашего общества.

И прочее... и прочее... и прочее...

Вскоре появилась маленькая горничная и сказала, что мои ассистентки готовы меня забрать, как только

потребуется. Однако была одна вещь, которую мне очень хотелось выяснить.

— Скажите, — попросила я собеседницу, — как... как все произошло? Что случилось? Почему они все умерли?

— Случайно, дорогая. Совершенно случайно, но, надо сказать, эта случайность тоже была довольно характерной для того времени. Обыкновенное научное исследование, давшее неожиданный побочный результат, — вот и все.

— Но как?!

— Довольно любопытно, как бы... между делом. Вы когда-нибудь слышали о человеке по фамилии Перриган?

— Перриган? — переспросила я. — Нет, не припоминаю. Вряд ли, это довольно редкая фамилия, я бы запомнила.

— Теперь она, конечно, очень известна. Доктор Перриган был биологом и разрабатывал средство для уничтожения крыс. Его в особенности интересовали коричневые крысы. Он хотел найти возбудителя заразы, которая истребила бы их полностью. За основу он взял колонию бактерий, вызывавших нередко летальный исход у кроликов, вернее, несколько колоний, действующих очень избирательно. Эти бактерии постоянно изменялись, мутировали, давали бесконечное множество вариантов: их испробовали на кроликах в Австралии, проводились опыты и в других местах, с небольшим, впрочем, успехом, пока не вывели более стойкий вид бактерий во Франции и сильно уменьшили количество кроликов в Европе. Взяв этот вид за основу, Перриган искусственно спровоцировал новую мутацию, и ему удалось создать бактерию, поражающую крыс. Он продолжал работу, пока не вывел род бактерий, поражающих только коричневых крыс. Свою задачу он выполнил. Проблема коричневых крыс была решена. Но дальше... произошло нечто непредвиденное: какой-то вид этих бактерий оказался губительным для человека. Но, к сожалению, все обнаружилось слишком поздно. Когда этот вид оказался «на свободе», он стал распространяться со страшной скоростью, слишком большой, чтобы можно было предпринять какие-то эффективные меры защиты. Женщины оказались неподверженными этой болезни, а из мужчин чудом уцелело лишь несколько. Случайно уцелевшие были помещены в стерилизованные условия, но... Они не могли жить так вечно. В конце концов и эти несколько погибли.

У меня сразу возникло множество чисто профессиональных вопросов, но стоило мне задать первый, как она покачала головой:

— Боюсь, я ничем не смогу вам помочь, дорогая. Может быть, медики сочтут нужным рассказать поподробней.

По выражению ее лица я поняла, что она сильно в этом сомневается.

— Я понимаю. Просто несчастный случай... Другого объяснения не вижу... Разве что...

— Разве что рассматривать это как вторжение свыше.

— Вам не кажется, что это походит на святотатство? — помолчав, спросила я.

— Я просто подумала о Первородном грехе и о возможном его искоренении.

На это трудно было сразу ответить, и я лишь спросила:

— Вы можете сказать мне искренно, без притворства?.. Можете поклясться, что вам не кажется, будто живёте вы в каком-то жутком кошмаре?.. В страшном сне? Вы никогда не ощущали ничего подобного?

— Никогда! — твердо и без колебаний ответила

* В. Шекспир. Сонет 56. Перевод С. Маршака. Прим. переводчика.

она.— Кошмар... страшный сон — все это было, но теперь кончилось! Вслушайтесь!

До нас донеслись из парка поющие женские голоса. Теперь хор сопровождался оркестром... Голоса были мелодичны и красивы... Ни капли грусти, уныния — они звучали бодро, жизнерадостно, но... Бедняжки, как они могли понять!..

В комнату вошли мои ассистентки и помогли подняться на ноги. Я поблагодарила свою собеседницу за ее доброту и терпение. Она покачала головой и улыбнулась.

— Дорогая моя, это я у вас в долгу. За короткое время я столько узнала о жизни женщины в смешанном обществе, сколько не почерпнула бы из всех книг, которые мне суждено еще прочесть. Я надеюсь, дорогая, что врачи найдут способ помочь вам забыть все и жить счастливой, нормальной жизнью здесь, с нами.

Я медленно двинулась к выходу, поддерживаемая «карлицами». У двери я обернулась.

— Лаура! Многие из того, что вы говорили, — правда, но в целом... Вы даже не можете себе представить, как вы неправы! Скажите, вы ведь много читали. Разве никогда... в юности... вы не мечтали о Ромео?

— Нет, дорогая. Хотя я читала пьесу. Миленькая, забавная сказка. Кстати, я хотела бы знать, сколько мук принесла эта сказка несостоявшимся Джульеттам? Вы позволите, Джейн, теперь мне задать вопрос? Вы когда-нибудь видели серию картин Гойи, которая называется «Ужасы войны»?..

Розовая «скорая» привезла меня к блоку, напоминающему больше больницу, чем «Дом Материнства». В палате была всего одна койка, на которую меня и водрузили.

На следующее утро после обильного завтрака меня посетили трое незнакомых врачей. Примерно полчаса мы болтали о самых разных вещах. Стало ясно, что они осведомлены о содержании моего разговора с пожилой дамой и не прочь ответить на некоторые мои вопросы. Реплики с моей стороны вызвали у них восхищение, но к концу разговора настроение резко изменилось. Одна из них, с видом человека, приступившего к своим основным обязанностям, сказала:

— Вы поставили нас перед довольно сложной задачей. Ваши... гм... соседки-Мамы, конечно, не очень восприимчивы к реакционистским взглядам... Хотя за довольно короткий срок вы сумели вызвать у них массу отрицательных эмоций... Но на представительниц иных классов вы можете оказать довольно сильное и, без всяких сомнений, вредное влияние. Дело не в ваших словах, а в самом вашем существовании. В этом нет вашей вины, но мы, честно говоря, не представляем, как женщина с вашим умом и образованием может приспособиться к примитивному и бездумному образу жизни Мамы. Вы этого просто не вынесете. Более того, условия вашего общества породили непреодолимый барьер в вашем восприятии и понимании нашей системы, так что рассчитывать на понимание и адаптацию не приходится. Это очевидно.

Как я могла спорить с ними? Перспектива провести остаток своих дней, завернутой в розовое одеяние, надушенной, ублаживаемой сладкой музыкой и с регулируемыми интервалами производящей на свет выводок дочерей... такая перспектива неизбежно свела бы меня с ума в самый короткий срок.

— И что же теперь делать? — спросила я. — Вы можете довести эту... это тело до нормальных размеров?

— Вряд ли, — она с сомнением покачала головой. —

Мы с этим никогда не сталкивались... Впрочем, даже если это возможно, вы вряд ли сумели бы адаптироваться в Докторате, и ваше реакционистское влияние стало бы представлять большую опасность.

— Что же теперь делать?

— Единственный выход, единственное, что мы можем вам предложить, это гипнотический курс, стирающий память. С вашего согласия, разумеется.

Когда до меня дошел смысл сказанного, я с трудом подавила приступ панического ужаса. «В конце концов, — твердила я себе, — все, ими сказанное, не выходит за рамки логики. Я должна успокоиться и постараться взглянуть на все со стороны...» Тем не менее прошло несколько минут, прежде чем я смогла подобрать слова для ответа...

— Вы предлагаете мне добровольное самоубийство, — сказала я. — Моя память — мой мозг, это... я сама. Утратив память, я исчезну, погибну точно так же, как если бы вы убили это... это тело.

Они молчали. Да и что они могли возразить?

Жить стоило только ради одной вещи... Жить и помнить, что ты любил меня, Дональд! И ты будешь жить во мне, пока я жива, пока помню тебя!.. Если же ты исчезнешь из моей памяти, ты... снова умрешь, снова и навсегда!

— Нет! — крикнула я. — Вы слышите? Нет! Не-е-ет!

В течение дня меня никто не беспокоил, кроме ассистенток, сгибающихся под тяжестью подносов с едой. Когда они уходили и я оставалась одна, наедине со своими мыслями, мне было очень невесело в этой «компании».

— Честно говоря, — сказала мне одна из врачей во время утреннего разговора, — мы просто не видим другого выхода. — Она смотрела на меня с участием, и в ее тоне звучала жалость. — За все истекшее время после Великой Перемены ежегодная статистика психических срывов представляла для нас, пожалуй, самую серьезную проблему. Хотя женщины заняты работой, при этой полной занятости очень многие не выдерживали, не сумев адаптироваться. В вашем же

случае... Мы даже не можем предложить вам какое-нибудь дело.

Я понимала, что она говорит правду. И я знала, что если вся эта галлюцинация, все больше становившаяся реальностью, каким-то образом не прекратится, я буду в ловушке...

Весь бесконечно длинный день и всю последующую ночь я изо всех сил старалась вернуть себе ощущение отстраненности, которого мне удалось добиться в самом начале этого кошмара. Но у меня ничего не получилось. Логическая последовательность всего происходящего была незыблема... Ни одной бреши в цепи всех случившихся со мной событий.

Когда истекли двадцать четыре часа, данные мне на размышление, меня вновь посетило то же «трио».

— Мне кажется, я теперь лучше понимаю смысл вашего предложения. Вы предлагаете легкое и безболезненное забвение вместо тяжелого психического срыва и другого выхода не видите.

— Не видим, — подтвердила одна из них, а две другие молча кивнули. — Конечно, гипнотический курс невозможен без вашего добровольного участия.

— Я понимаю, что при сложившихся обстоятельствах было бы крайне неразумно с моей стороны отказаться от этого курса. И потому я... Да, я согласна, но при одном-единственном условии.

Они уставились на меня с немым вопросом.

— Перед курсом гипноза вы должны испробовать другой курс. Я хочу, чтобы мне сделали инъекцию «чюнджиатина». Я хочу, чтобы она была точь-в-точь такая же, какую я получила там. Я могу точно назвать дозу... Видите ли, независимо от того, что со мной произошло — сильная ли это галлюцинация, или же нечто вроде «проекции подсознания», дающее сходный эффект, словом, неважно что, но это явно связано с названным препаратом. В этом я абсолютно уверена. Поэтому и подумала: если попытаться повторить все условия... Или убедить себя в том, что они повторены?.. Может быть, появится хоть какой-то шанс на... Я... Я не знаю. Наверное, это звучит глупо, но... Даже

если из этого ничего не выйдет, хуже не будет, хуже, чем теперь... для меня! Итак, вы... дадите мне этот шанс?

Совещались они недолго — несколько секунд торопливых реплик. Наконец, одна из них сказала:

— В конце концов почему бы и нет?..
— Думаю, никаких затруднений с санкцией на инъекцию в Докторате не будет, — кивнула другая. — Если вы хотите попробовать, то... Будет даже справедливо дать вам этот шанс. Но... на вашем месте я бы не очень на него рассчитывала...

Приблизительно в полдень полдюжины карлиц принялись лихорадочно убирать, мыть, чистить всю палату. Потом появилась еще одна, еле-еле возвышающаяся над «тролликком» с бутылочками, флаконами, колбами, который подкатали к моей кровати.

Появилось знакомое трио врачей. Одна из карлиц принялась закатывать мне рукава. Врач окинула меня добрым, участливым, но очень серьезным взглядом.

— Вы отдаете себе отчет в том, что это игра втемную?

— Отдаю. Но это мой единственный шанс. И я хочу его использовать, — твердо ответила я.

Она кивнула, взяла в руки шприц и наполнила его жидкостью из колбы, пока одна из карлиц протирала чем-то душистым мою окорокообразную ручищу. Подождя вплотную ко мне со шприцем в руке, она остановилась в нерешительности.

— Не бойтесь, — попыталась я улыбнуться, — в любом случае *здесь* мне нечего терять.

Она молча кивнула, и я почувствовала, как игла вошла в вену...

Все изложенное выше я написала с определенной целью. Эти записи будут храниться в моем банковском сейфе до тех пор, пока не возникнут обстоятельства, могущие кое-что прояснить.

Я никому и никогда об этом не рассказывала. Весь отчет об эффекте «чюнджиатина» — отчет для доктора Хейлера, где я описываю свои ощущения просто как «свободное парение» в пространстве — выдуман от начала до конца. Подлинный отчет о том, что мне довелось испытать, изложен мною *здесь*, выше.

Я скрыла истину, потому что, придя в себя и очутившись в своем настоящем теле, в своем настоящем мире, я не забыла ни одной подробности, ни одной малейшей детали из того, что довелось увидеть там. Все подробности помнились столь явственно, что я просто не могла от этого избавиться и выкинуть их из сознания. Это мучило меня, не оставляло в покое ни на секунду...

Я не решилась поделиться с доктором Хейлером своей тревогой... Он назначил мне курс лечения, только и всего.

Итак, до поры до времени я оставляю записи при себе.

Прокручивая в уме отдельные «куски» из всего случившегося, я все больше корю себя за то, что не спросила свою пожилую собеседницу о каких-то датах, именах... словом, о подробностях, которые можно было проверить и сравнить... Если бы, допустим, «Великая Перемена» началась два-три года назад (от момента моего эксперимента), тогда все страхи развеялись бы, так как обнаружилось бы явное несоответствие. Но, к сожалению, мне и в голову не пришло спросить об этом... Чем больше я думала обо всем, тем больше мне казалось, что одна такая деталь... Я вспомнила, что есть одна вещь, один «кусочек» информации отсюда, который можно проверить *здесь*. Я навела справки, и... Лучше бы я этого не делала. Но я должна была...

Итак, я выяснила:

Доктор Перриган существует. Он биолог и занимается экспериментами над кроликами и крысами...

Он довольно известен в своей среде, опубликовал ряд статей и научных работ о различного рода бактериях. Ни для кого не секрет, что он занимается выведением новой колонии бактерий, предназначенной для избирательного истребления грызунов-вредителей, а именно коричневых крыс. В настоящее время он уже добился определенного успеха, вывел особый, до сих пор неизвестный вид, даже дал ему название — «мукосимборус», хотя не сумел пока обеспечить его стабильность и достаточную избирательную направленность действия, поэтому и не залустил вирус в «широкое производство»...

И, наконец, еще одно, последнее звено: я никогда не слышала об этом человеке и не подозревала о его существовании, пока пожилая дама в «моей галлюцинации» не произнесла его имени...

Я вновь и вновь пыталась сформулировать, что, в сущности, со мной произошло? Если допустить, что это было своего рода «предвидение», экскурс в будущее... То будущее, которое, как говорят, грядет. Тогда любой шаг, любая попытка хоть что-то предпринять, чтобы изменить его, обречена на провал. Но я сомневаюсь в существовании такой предопределенности: мне кажется, то, что было, и то, что происходит в данный момент, определяет то, что будет. Таким образом, должно быть бесконечное число вероятностей — вариантов возможного будущего, — каждая из которых определяется тем, что происходит в настоящем. И мне кажется, что под действием «чюнджиатина» я увидела одну из таких «вероятностей»...

Это можно рассматривать как «предупреждение» — что может произойти, если не пресечь, не остановить вовремя...

Сама идея столь чудовищна, столь неприемлема и ведет к такому кошмарному искажению нормального хода вещей, что не внять этому «предупреждению» я просто не в силах. И потому я на свой страх и риск беру на себя всю ответственность и, не посвящая никого в свои планы, постараюсь сделать все возможное, дабы описанный мною «мир» со всей его «структурой» никогда бы не смог превратиться в реальность. Если по каким-то причинам кто-то другой будет несправедливо обвинен в том, что он (или она) оказывал мне какое-либо содействие или хотя бы косвенно участвовал в том, что я собираюсь предпринять, этот документ должен служить ему защитой и оправданием. Поэтому он и составлен.

Я, Джейн Уотерлей, сама, без какого-либо давления с чьей бы то ни было стороны, по своей воле решила, что Доктору Перригану нельзя дать возможность продолжать его работу.

Джейн Уотерлей.

.....(число, месяц, год)

.....(личная подпись)

Поверенный несколько секунд внимательно разглядывал подпись под документом, потом удовлетворенно кивнул головой.

— Итак, — произнес он, констатируя факт, — она села в свой автомобиль и на полном ходу врезалась в машину Перригана, исход для него был трагический. Что ж... Из того немногого, что мне известно, я знаю одно: перед этим она сделала все возможное, чтобы убедить его прекратить свою работу, прекратить исследования в этой области. Конечно, она вряд ли могла рассчитывать на успех — трудно представить себе человека, отказывающегося от дела всей своей жизни из-за того, к чему он не мог отнестись иначе, как к... шарлатанству... Таким образом, она должна была ясно представлять себе, на что идет, — это был преднамеренный поступок. И с этой точки зрения полицейские права, считая, что она намеренно убила его. Но они не правы, полагая, что она подожгла дом и лабораторию с целью замести следы своего преступления. Из этого документа явствует совсем другое: она хотела ликвидировать все результаты исследований Перригана, — это очевидно и не подлежит сомнению... Он вздохнул и с сожалением покачал головой. — Бедная девочка! В последних строчках явно ощущается ее чувство долга. Да, теперь мне, пожалуй, все ясно, ясна причина. Она ведь и не пыталась отрицать, что именно она совершила... Единственное, что она скрыла от полицейских, это: **почему** она так поступила. — Он помолчал, а потом добавил: — Так или иначе, слава богу, что этот документ существует, как бы там ни было, он спасет ей жизнь. Я буду крайне удивлен, если в данной ситуации не будет провозглашена явная невменяемость обвиняемой. Счастье, что она не успела поместить записки в сейф, как собиралась, да еще с приложенными инструкциями: вскрыть лишь при условии возможного обвинения кого-то другого в убийстве Перригана...

На усталом морщинистом лице доктора Хейлера проступила горечь.

— Если кто и виноват во всем, то это я, — глухо сказал он. — Прежде всего я не должен был соглашаться и позволить ей принять этот чертов препарат. Но... после смерти мужа она была буквально раздвинута горем. Старалась заполнить чем-то наступившую пустоту, отчаянно боролась с ней, работала как каторжница и... упростила меня. Вы ведь говорили с ней и знаете, как она умеет убеждать... Она видела в этом определенный шаг вперед, хотела принести пользу и... в общем, была права. Но мне следовало быть более внимательным, и я должен был заметить кое-что после эксперимента. Я и только я несу всю ответственность за случившееся!

— М-мда, — задумчиво произнес поверенный. — Выдвигая этот аргумент в качестве основной линии защиты, вы, доктор Хейлер, многим рискуете и должны ясно понимать это. Я имею в виду вашу репутацию ученого.

— Возможно. Но это уже мои трудности. Главное — то, что я нес за нее ответственность, как, впрочем, и за любого из своего персонала. Никто не станет отрицать: если бы я отказался от ее участия в эксперименте, ничего подобного бы не произошло. Кроме того, я считаю, что мы должны настаивать на статусе «временной невменяемости» в связи с тем, что ее мозг подвергся действию малоизученного наркотического препарата. Если мы добьемся такого вердикта, дело кончится помещением ее в психоневрологический комплекс для исследования и курса лечения — полагаю, курса непродолжительного и сравнительно легкого.

— Не берусь судить заранее. Конечно, мы можем предварительно побеседовать с прокурором и посмотреть, что он скажет... — не очень уверенным тоном произнес поверенный.

— Но это же единственное разумное решение! — воскликнул Хейлер. — Люди типа Джейн не совершают убийств, если они в здравом рассудке. Но если у них нет другого выхода... они делают это **иначе**, и уж, во всяком случае, они не убивают первого встречного,

кого раньше никогда не знали. Наркотик — это очевидно — вызвал такого рода галлюцинацию, что бедняжка была уже не в силах видеть разницу между происходящим и тем, что может в принципе произойти. Она очутилась в состоянии, в котором приняла кажущуюся действительность за реально существующую, и в этом случае она действовала вполне адекватно ситуации!..

— М-м... да, пожалуй. Пожалуй, можно допустить, что все было именно так. Во всяком случае, меня вы как будто убедили... Почти... Поверенный вновь осторожно дотронулся до лежащих перед ним листов бумаги. — Конечно, вся история выглядит совершенно фантастической, и вместе с тем... она написана с такой достоверностью. Хотел бы я знать... — он на секунду запнулся, — эта... это биологическое исключение мужского начала... У меня такое впечатление, что она относится к нему как к чему-то неправильному, крайне неестественному, нежелательному, но не... невозможному. Конечно, для обычного, среднего человека, скажем так, обывателя, который не в состоянии выйти за общепринятые понятия о норме, об обычном и естественном развитии природы, это кажется полным абсурдом. Но вы... Как медик, как ученый... Вы тоже считаете это в принципе невозможным? Даже теоретически?

Доктор Хейлер нахмурился.

— Это более чем сложный вопрос, и ответить на него... — Он задумчиво покачал головой. — В принципе было бы неправильным категорически отрицать саму возможность этого. Рассматривая чисто абстрактную проблему, я могу представить себе несколько путей, впрочем... тоже чисто теоретических и пока не... Однако, если взять какую-то экстремальную ситуацию, которая спровоцировала бы резкий качественный «скачок» в данной области... Ну, скажем, «скачок», подобный расщеплению атомного ядра, тогда... Трудно сказать... — Он пожал плечами.

— Это именно то, что я и хотел услышать, — кивнул поверенный. — На данном этапе это, конечно, технически неосуществимо, но в принципе нельзя сказать, что полностью противоречит здравому смыслу. Скажем так: это достаточно реально, чтобы временно повредить вполне здравый рассудок, произвести некий «сдвиг». Что касается нашей линии защиты, то тут близость (пусть абстрактная) миража, вызванного «чюнджиатином», к реальности нам очень на руку. Что касается меня, то должен признать: эта «близость» порождает у меня странное ощущение...

Доктор кинул быстрый и острый взгляд на своего собеседника.

— Ну знаете! — усмехнулся он. — Вы хотите убедить меня в том, что поверили во все это?! Впрочем, — он опять усмехнулся, — если даже принять хоть на секунду э т о за... Тогда вы можете спать спокойно. Джейн, бедняжка, добила полного разрушения собственной иллюзии. С Перриганом покончено — его дом, лаборатория со всеми результатами проделанной работы превратились в пепел.

— М-мда, — как-то не очень уверенно кивнул поверенный. — И все же... Я чувствовал бы себя значительно спокойнее, если бы мы сумели проследить какой-то иной способ, благодаря которому она могла получить информацию о Перригане и его работе — иной, чем... — Он в очередной раз осторожно дотронулся до листов на столе. — Но, насколько я могу судить, никакого другого способа у нее не было: они никак не пересекались, разве что... Она когда-либо интересовалась той областью биологии, в которой работал Перриган?

— Нет. Это я знаю совершенно точно, — твердо сказал Хейлер.

— Что ж, тогда один... М-мм неприятный аспект... во всяком случае, не до конца ясный, остается. М-мда... И есть еще одно. Возможно, вы сочтете это ребячеством... просто глупостью — и я уверен, время докажет вашу правоту, — но должен вам признаться, что я чувствовал бы себя гораздо... Словом, я испытывал бы меньшее беспокойство, если бы Джейн навела более тщательные справки обо всем перед тем, как начать действовать.

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросил Хейлер.

— Только одно: она упустила из виду одну маленькую деталь — не выяснила, есть ли у Перригана сын. Так вот... у него есть сын. И этот сын, как выяснилось, проявляет огромный интерес к работе отца, по сути дела, хочет во что бы то ни стало продолжить прерванные трагической смертью исследования. Он уже объяснил, что делает все возможное, чтобы работа отца не пропала даром... Удалось сохранить несколько видов бактерий, чудом уцелевших при пожаре. Похвальное стремление, не правда ли? Вне всяких сомнений, его желание вызывает уважение, но... Честно говоря, я испытываю некоторое беспокойство, в особенности после того, как мне удалось выяснить, что, во-первых, он биохимик и имеет докторскую степень, и, во-вторых, носит — и это вполне естественно — ту же фамилию... фамилию своего отца. С вашего разрешения, он — Доктор Перриган...

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги первого задания

Во втором номере «Смены» рядом со статьей «Гимнастика ума», где изложены правила по составлению кроссвордов для нашего журнала, были напечатаны условия нового конкурса по теме «История СССР». Изучив все присланные читателями работы, жюри конкурса столкнулось со случаем, какого еще никогда не было: никто из участников не выполнил в точности все условия. То ли невнимательно изучали «Гимнастику ума» (кстати, в ней есть неточность: бытовые приборы загадывать можно, а нельзя — их марки), то ли по каким другим причинам. Самая распространённая ошибка: загадывание однокоренных слов и употребление их в толковании, чего, по правилам, делать нельзя.

После совета жюри решило все-таки присудить обещанные призы тем участникам, у кого ошибок не очень много и они не очень существенные, не забывая при этом и про набранные очки (некоторые читатели набрали по 280 очков, но допустили при этом грубейшие ошибки). Тем более что участники конкурса проделали серьезную работу, составляя кроссворд, изучили десятки литературных источников. В их числе Л. Пятыхина из Благовещенска, читающая «Смену» с 1956 года. Приводим ее письмо: «Очень благодарна всем, кто причастен к конкурсу. Участие в нем для меня было временем духовной жизни, большого удовлетворения, т.к. пришлось воскресить в памяти многое из забытого, вспомнить историю, читать, искать. Представьте, я сожалею, что работа окончена. Знаю, мой кроссворд не пройдет, но это не так важно. Главное, работа эта дала мне заряд на дальнейшее, а еще важнее, что мои дети и внуки не остались безразличными, а участвовали в работе вместе со мной. Это больше всего меня радует».

Первое место жюри присудило работе **В. Власова** из Тулы. Его кроссворд с некоторыми корректировками напечатан в этом номере журнала. Корректировка не изменила число набранных победителем очков, и каждый может их сосчитать. Среди победителей — **Б. Болсуновский** из Караганды, **С. Воинов** из Зугрэса Донецкой области, **П. Сильченко** из села Лиски Воронежской области и **А. Сухоросов** из Верхней Салды Свердловской области. Эти читатели награждены дипломами «Смены». Редакция предоставит им право напечатать вне очереди обычный кроссворд, составленный с точным соблюдением правил из «Гимнастики ума» и с интересными определениями загаданных слов.

Дипломами «Смены» награждены также **А. Косарев** из Полоцка Витебской области, **М. Мухамедов** из Кустаная, **Л. Пятыхина** из Благовещенска, **И. Сырова** из города Дольни Бенешов в Чехословакии и **В. Шевадзукский** из пос. Новотроицкое Донецкой области.

Сердечно поздравляем победителей и благодарим всех участников конкурса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

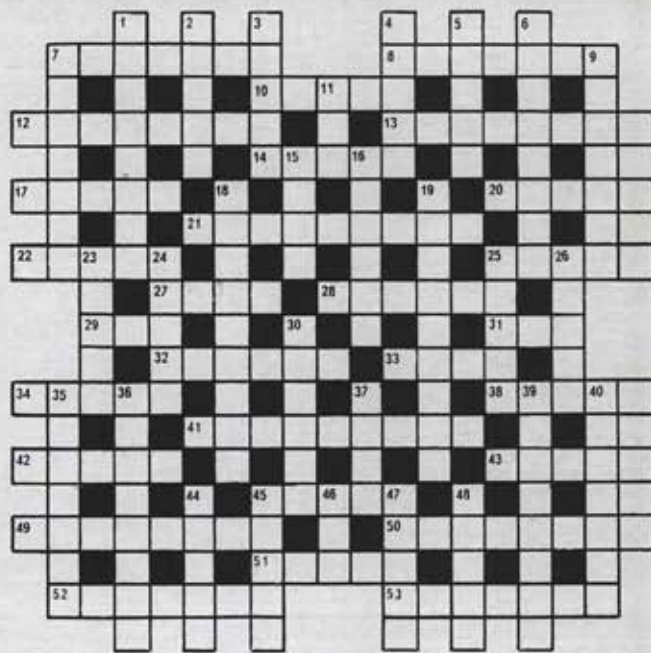
7. Макиавелли. 9. Цветаева. 10. Палиндром (перевертыш). 14. Литавры. 15. Рысь. 16. Плен. 17. Янсон. 19. Докер. 20. ...вант. 22. Ухорон. 24. Реактор. 26. Ниут. 27. Гольф. 28. Басня. 30. Елово. 31. Щегол. 34. Тэффи. 37. ...след. 38. Жильцов. 42. Бузина. 43. Аккорд. 45. Орден. 46. Серво. 47. Бокс. 48. Гааз. 51. Акбалык. 52. Арзамасец. 53. Физиолог. 54. Демократия.

По вертикали:

1. Татарник. 2. Чичков. 3. Квадр. 4. Пекин. 5. Каталония. 6. Творчество. 8. Ласос. 11. Рыцарь. 12. Мыта. 13. Спрут. 14. «Ленора». 18. Надр. 19. Донн. 21. Нефелин. 23. Хоботок. 25. Кровь. 29. Инструкция. 31. Щебетание. 32. Едун. 33. Ожинок. 35. Эвклаз. 36. Фарс. 39. Лассо. 40. Цанга. 41. Шассеро. 44. Деканат. 47. «Быдло». 49. Арум (аронник). 50. Зайка.

КРОССВОРД

Составил В. Власов, Тула

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Основной зерновой торговый продукт Волжской Булгарии в X—XIII веках (по сообщениям арабских послов). 8. Парусное судно, ходившее по Волге в XIX веке. 10. Основное дерево Бузулукского бора, оставшегося от некогда обширных лесов. 12. Приток Волги, на берегу которого стоит село Некрасовское, под прежним названием упомянутое в самой большой поэме Н. Некрасова. 13. Небесное тело, в котором обнаружили крупный алмаз. Оно упало за Волгой в 1887 году. 14. Старинное сооружение на реке Которосль. Каменную арку для него сделал крестьянин Емельян Орлов, за что, как сообщали ярославские «Губернские ведомости», ему от городского головы подарили кафтан и шапку. 17. Орех, на Волге растущий только в Астраханском заповеднике, организованном в 1919 году по инициативе В. И. Ленина. 20. Владельцы титулов ага, бек, инал, ювари в Волжской Булгарии во времена Золотой Орды. 21. Пестель — ..., очень любивший Волгу и рассчитывавший в случае благополучного исхода восстания 1825 года перенести на нее столицу России. 22. Шведский натуралист, прошедший в 1773 году Волгу от Казани до Астрахани. 25. Гидротехник, первым в 1700 году в Камышине измеривший течение Волги. По его данным определили годовой сток реки в Каспийское море. 27. Генерал П. Ивашев, основавший галереи с теплыми и холодными ваннами в Ундрах, по отношению к ротмистру члену Южного общества В. Ивашеву. 28. Бурлацкая артель. 29. В 1423 году в результате сильной засухи в Нижнем Новгороде была массовая гибель

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Жанр знаменитого русского произведения, созданного Нестором в 1113 году. В нем упоминается Волга и место, откуда она течет. 2. Народный герой, организатор Нижегородского ополчения 1612 года. 3. Судно, на котором московский митрополит Пимен, путешествуя в 1389 году из Руси в Царьград, плыл по Оке до Рязани. 4. «Гроза» — ..., А. Островский. Театровед С. Юрьев сказал, что ее создала сама Волга. Островский приезжал к истоку великой реки, где возложил цветы. 5. Рыба Астраханские ели ее как сельдь, пока в 1857 году в город не приехал академик К. Бэр. 6. Сайга впервые изучена П. Палласом в верховьях рек Кинель, Самара и Сок (название ее в широком смысле). 7. Временное сооружение из рогожных кулей в старину на реке Кострома, устраиваемое, чтобы суда могли проплыть через Харчевинский перекат. 9. Название в первые годы Советской власти каждого из летчиков Самарского воздушного дивизиона. Базой гидроотряда была баржа «Коммуна». 11. Одна из волжских рыб, отмеченная П. Палласом в наблюдениях во время его зимовки в Симбирске. 15. Имя Олеария, секретаря голштинского посольства, плывшего в 1636 году по Волге на «Фридрихе». У Дербента судно разбилось. 16. Судно. На нем А. Гумбольдт в 1829 году плыл по Волге. Первым рассказ о татарском сабантуе. 18. Важный стратегический объект на Волге во время Сталинградской битвы. 19. Первая задержка Афанасия Никитина в Калыеве во время путеше-

ствий от голода (название в русских источниках). 31. Зерновая культура. Один из самых северных в мире районов ее возделывания — Волгоградская область, куда она проникла из Средней Азии через Северный Кавказ. 32. Балтийский матрос, организатор и комиссар легендарной Волжской флотилии. Погиб в устье Камы в 1918 году. 33. Лыся. — место в Жигулях, куда в 1722 году поднимался Петр I. 34. Нападение противника, которое множество раз отражали защитники знаменитого «Дома Павлова» в Сталинграде. 38. Топливо. Его сплавляли по реке для Нижнего Поволжья еще в XVIII веке. 41. Каждая из русских женщин, угоняемых в полон в Золотую Орду, по отношению к своей части света. 42. Необходимый на реке предмет, который по обычаю дарят жениху в селениях на Каме. 43. Удача, которая, несмотря на просчеты Ивана Грозного, сопутствовала русской рати при штурме Казани. 45. Космонавт, приземлившийся 7 августа 1966 года на берегу Еруслана. 49. Велес как идол, которому поклонялись племена Верхней Волги. 50. Товарищ В. И. Ульянова. Они вместе переплыли на лодке через Волгу и подверглись нападкам купца Арефьева, взявшего за перевоз плату. В. И. Ульянов возмутился самодурством купца, привлек его к суду и добился его заключения в тюрьму. 51. Способ перехода с Волги на Дон, убедивший Петра I в необходимости строить Волго-Донской канал. 52. Деревня на другом берегу от Плева, окрестности которой называют Чувиль. По преданию, на месте Плева стояло древнее селение Чувиль. 53. Мечетная — селение на Большом Иргизе, где в раскольничьих скитах скрывался Емельян Пугачев.

ствия в Индию. 23. Непосредственная мучительница бурлака. 24. Задняя часть судна, к которой от носа шли по палубе бурлаки при передвижении способом подачи. 25. Соляр, устроенный в Муроме Иваном Грозным рати в 1552 году перед походом на Казань. 26. Самая изменчивая часть долины Волги. В 1587 году сильно подмыло берег у стен Печерского монастыря возле Нижнего Новгорода. Оползень разрушил церковь. 30. Русский пианист, основавший в 1916 году при содействии М. Горького «Русский музыкальный фонд». 35. «Учебный» сигнал об опасности на корабле «Фридрих», когда в 1636 году на нем по Волге плыло голштинское посольство. 36. Основное химическое сырье, поступавшее в первой половине XIX века по Каме с Урала в поселок Бондюжский (ныне Менделеевск). 37. Озеро, названное Петром I «ростовской лужей». Он решил, что оно непригодно для развития русского флота, и выбрал Пинежское. 39. Каждая из узких долин на Приволжской возвышенности. Их близ Симбирска изучал В. Докучаев. 40. Должность Ф. Пестрого, одержавшего в 1426 году победы над Камской и Волжской Булгарией. 44. Плотничный инструмент, употреблявшийся на Волге для постройки судов того же названия. 45. Оружие и тачки как средство обмена, привозимые персидскими купцами в VII веке в Итиль, столицу Хазарского каганата. 46. Территория за Волгой во время Сталинградской битвы. 47. Приток Костромы, на котором по приказу Петра I для лучшего судоходства снесли все мельницы. 48. Цитрус, выращиваемый в Павлове на Оке с прошлого века.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1493) АВГУСТ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель главного редактора)

Борис ДАНОШЕВСКИЙ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Андрей КУЧЕРОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 20.06.89.
Подписано к печати 03.07.89.
А 00309. Формат 70 × 108¹/₈.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 822.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакция не рассматриваются.

Спаситель.
Хата.
Памяти бабушки.
Подруга.
Натюрморт.

Писать о Валентине Золотых, как и о всяком талантливом человеке, непросто. Она художник самобытного дарования, трагического видения. Но — художник самостоятельный. Для многих это синоним слова «второсортный». Вроде дилетант, непрофессионал. Отношение местных профессионалов скептически-насмешливое. Единственный вопрос, который задают в выставочном: «Что вы оканчивали?»

А что значит не быть членом творческого союза — можно не объяснять: работы не приобретают, не выставляют.

Как мастер Валентина Золотых «родилась» неожиданно. В начале 1978 года она оформляла музей афористики воронежского сатирика и афориста Аркадия Давидовича. «Музей» — длинный узкий коридор и небольшая комната в исторической части Воронежа. Задача, по-

ВАЛЕНТИНА

ставленная Давидовичем, — расписать стены его саркастическими и остроумными высказываниями.

Художница создает не просто образы, но типы. В ее картинах удивляет проникновение в духовный мир поэта; писателя, человека, яркая эмоциональная окраска.

В декабре 1978 года открылась первая выставка работ Валентины, организованная клубом самостоятельных художников «Весна». Неугомонный Давидович организовывал выставки на улицах, площадях и в скверах города. Картины привлекали много зевак, но, увы, не покупателей.

У нее по-прежнему нет мастерской, ей не на чем и нечем рисовать. В тес-

ной коммуналке теперь уже два музея: афористики Давидовича и живописи Золотых. Здесь портреты деревенских старух, местных литераторов, артистов, простых тружеников. Сельские пейзажи, композиции. Недавно несколько картин (невиданный случай) приобрел областной художественный музей имени Крамского. Они осели где-то в запасниках. И это все.

«Если юмориста не печатают, он становится сатириком», — начертано на одной из стен «музея афористики». А если не замечать, не давать выставляться, лишать возможности творить художника, пусть даже самостоятельного? Что происходит с ним?

Как же это получается, что, про-

возгласив перестройку, общество все так же равнодушно и расточительно по отношению к народным талантам? Почему до сих пор, опираясь на отжившие параграфы и окостеневшие формально-бюрократические структуры, можно походя обрывать их на безвестность и прозябание?

Аркадий Давидович, которого связывает с Валентиной родство душ и судеб, как-то печально-иронически заметил: «Мы не ждем, когда нас реабилитируют, мы не спешим. У нас в запасе вечность».

Неужели эта призрачная надежда — последняя?

Юрий ДАНИЛОВ

ЗОЛОТЫХ